アクセル・ワールド
04
蒼空への飛翔
川原 礫
イラスト／HIMA
accel World 04
電撃文庫

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Харуюки - мальчик с избыточным весом, недавно поступивший в среднюю школу. У него типичные для толстого ребенка проблемы: заниженная самооценка, издевательства одноклассников и так далее. Его единственная отдушина - виртуальный мир, где неуклюжее реальное тело не мешает быстрой реакции мозга. В школьной сети он играет в сквош, и его невероятные результаты замечает первая красавица школы Черноснежка. Она предлагает Харуюки открыть для себя иной мир, где скорость мысли и воля сражаться определяют все.

-
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Послесловие автора
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16

- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25

Перевод с английского языка – Ushwood

Любое коммерческое использование данного текста или его фрагментов запрещено

アクセル・ワールド 04

蒼空への飛翔

川原 礫
イラスト／HIMA
デザイン／ビィピィ

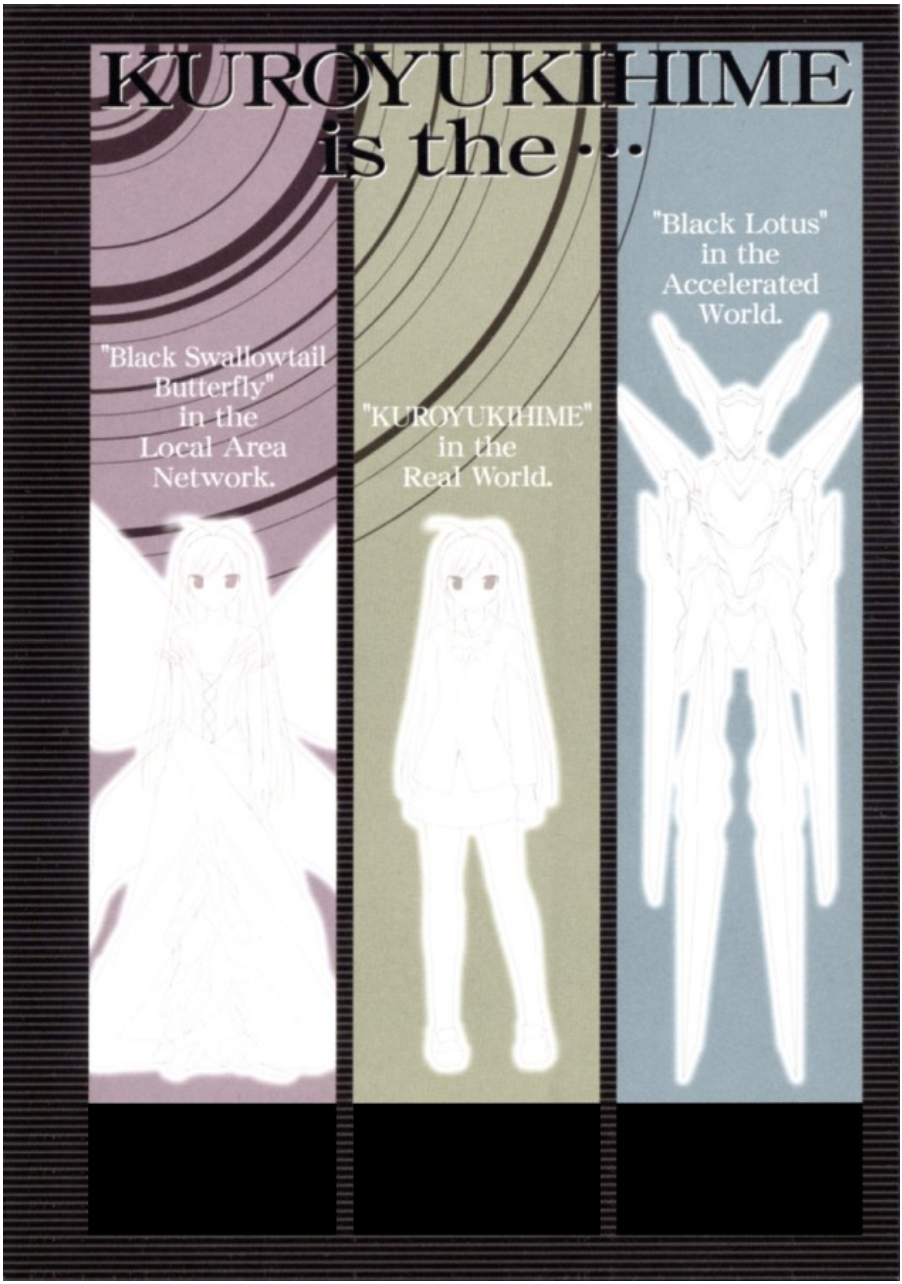
「たった一週間が、これほど長く感じるのは初めてだ……。
早く東京に帰って、キミに会いたいよ」
黒雪姫
《黒の王》
ブラック・ロータスを操る
梅郷中学副生徒会長
「……僕も、です」

「ひさしぶり、ハルユキおにーちゃん。相変わらず丸いね！
それとハカセもおひさ。相変わらず暗いねー」
上月由仁子（コウヅキユニコ）
《純色の七王》の一人、赤の王《スカーレット・レイン》

「ついてきて、〝シルバー・クロウ〟」
ブラッド・レパード
ケーキ屋に勤める
謎のメイド店員さん

「ハル。……こうすれば、解いてくれる？」
「え……」
チユリ
ハルユキの
幼馴染
ハルユキ
スクールカースト
中学内格差
最底辺の少年

「……行こう、タク」
「うん」
シルバー・クロウ
ハルユキが操るデュエルアバター
シアン・パイル
タクムが操るデュエルアバター
「……」
ライム・ベル
チユリが操るデュエルアバター
「それなりに準備はしてきたみたいですね。これなら、ちょっとは楽しめるか……な？」
ダスク・テイカー
能美征二（ノウミセイジ）が操るデュエルアバター


KUROYUKIHIME
is the…
"Black Swallowtail Butterfly" in the Local Area Network.
"KUROYUKIHIME" in the Real World.
"Black Lotus" in the Accelerated World.

Глава 1

– Поче… му?

Харуюки услышал сиплый, раздавленный голос, выходящий из его собственного горла.

– Почему… Тию?

Холодный ветер арены «Чистилище» унес прочь пустой вопрос и зашвырнул в желтое небо. Но ответа не последовало. Неподвижно стоящий на крыше школьного здания желтовато-зеленый аватар «Лайм Белл» отвел глаза, прячась от взгляда Харуюки, и со скрипом сел, держась правой рукой за ограждение крыши.

Вместо ответа раздался тихий, искаженный смех.

– Ху… ху-ху.

У лежащего поодаль на спине сумрачного аватара задергалась линзоподобная маска.

– Ху-ху… ху, супер… просто супер… Это же способность к лечению… потрясающая штука… ху-ху, ха-ха-ха…

Пока он тихо смеялся, жуткие раны, покрывавшие его тело считанные секунды назад, закрылись, словно их и не было вовсе, и все тело заблестело фиолетово-черным глянцем. И восстановление коснулось не только тела – огнемет на правой руке, который был полностью уничтожен, тоже вернулся.

Харуюки, «Сильвер Кроу», и стоящий позади него Такуму, «Сиан Пайл», в жестоком сражении на арене средней школы Умесато сумели одолеть сумрачного «Даск Тейкера». В воздушном бою Харуюки лишил его обеих рук, потом Такуму пробил его и обрушил на землю своим спецприемом, и все, что оставалось, – добить врага одной-единственной обычной атакой.

Но тут вмешалась Лайм Белл, возникшая вдруг на крыше.

Как только Даск Тейкер очутился под световым дождем, пролившимся из ее правой руки, его хит-пойнты восстановились, и он весь заблестел как новенький.

– Почему… почему, Тию!!! – вновь проорал, едва не разорвав себе горло, глядящий вверх Харуюки.

Даск Тейкер – это же враг. Первоклассник Сейдзи Номи, управляющий этим аватаром, не появлялся в дуэльных списках, хоть и обладал программой «Brain Burst», и грязно пользовался способностью ускоряться в поединках кендо и на экзаменах.

Мало того – он поставил Харуюки на грань исключения из школы, подстроив ему ловушку, а потом отобрал у Сильвер Кроу его крылья, воспользовавшись спецприемом «Демоник

коммандир». Ценой долгих стараний Харуюки удалось кое-как взбодрить свое разбитое сердце и освоить новую технику, и он одержал победу в бою, хотя сам здорово пострадал при этом.

И вот теперь, полностью сбитый с толку, Харуюки мог лишь стоять и пучить глаза под серебряной маской, неотрывно глядя на Лайм Белл.

Тиюри даже не пыталась ничего произнести – просто держалась за ограждение и прятала лицо в тени полей своей громадной шляпы.

Как только Харуюки увидел ее тонкие плечи, которые дрожали, будто Тиюри изо всех сил сопротивлялась боли –

Почему? Это же ясно.

Номи. Сейдзи Номи, скорей всего, связался с Тиюри сегодня на большой перемене и потребовал подчиняться ему. Как и с Харуюки, он использовал какое-то ее слабое место и запугал ее. Других вариантов просто нет.

Взгляд Харуюки вернулся вниз. Даск Тейкер, смеясь еще более скрипуче, чем когда просто лежал, развернул на всю ширину свои черные крылья за спиной.

Крылья медленно пронзили воздух, разрезая черноту, и стройный аватар неспешно поднялся, словно его тянули вверх невидимые нити.

– Ху-ху-ху… ку, ку-ку-ку-ку…

Его злорадный голос звучал все громче. Под маской, блестящей, как фасеточный глаз насекомого, заморгали красновато-фиолетовые глаза.

– Ку-ку, ха, ха-ха-ха. «Способность к полету». И «способность к лечению». Две такие редкие способности… и обе мои…

Полностью встав, аватар завис сантиметрах в тридцати над землей. Энергично раскрыл восстановившиеся руки и направил в небо все десять пальцев-когтей. Сумрачная аура стекала с рук, будто слизь.

– Ааа… просто супер! Просто классно, когда отбираешь у кого-то! Шикарно, когда топчешься по чьим-то мечтам, надеждам, способностям… Просто невозможно устоять!!!

Полный уродливого веселья юный голос расходился по арене давящей волной; искалеченный аватар Харуюки сотрясся.

Но, даже не осознавая этого, Харуюки выдавил со смесью самых разных чувств в голосе:

– Ах… ты…

Он сделал шаг в сторону сумрачного аватара, парящего чуть выше.

– Номи… что ты сделал? Что ты сделал с Тию?

Услышав это, Даск Тейкер медленно повернул голову и

посмотрел сверху вниз на Харуюки.

Под мерзкой круглой поверхностью медленно моргнули глаза-щелочки, и –

Он молча изобразил самую ядовитую, самую насмешливую из всех возможных ухмылок.

В глазах у Харуюки вдруг побагровело. Все его спутанные чувства собрались в одну точку, словно на острие иглы. Во всепоглощающую ненависть к Сейдзи Номи.

– Но… ми… – процедил Харуюки, и пальцы оставшейся у него правой руки сами собой превратились в меч. Раздался высокий дрожащий звон, и на пальцах замерцали серебряные огоньки.

Форма меча и звон словно сформировались из бурлящей ненависти, и потому огоньки были нестабильны. Но Харуюки было наплевать; он выбросил руку вперед, попытавшись рубануть Даск Тейкера.

Но мгновением раньше.

– У… АААААААА!!!

С этим воплем, словно истекающим кровью, справа от Харуюки пронеслась синяя тень.

Это был Сиан Пайл. Его броня, обожженная в прошлом сражении, по-прежнему дымилась, но тяжелый аватар мчался вперед, и от его топота вздрагивала земля.

– Ты обидел… Ти-тяаааааан!!!

Такуму, который никогда не терял хладнокровия и должен был бы сам остановить яростный порыв Харуюки, совершенно безбашенно прыгнул на Номи, вопя, как маленький ребенок.

Даже при виде налетающего на него танка Даск Тейкер не попытался отодвинуться ни на чуть-чуть.

Он медленно поднял тонкую правую руку и растопырил пальцы. И выплюнул короткую фразу:

– Сдохни уже.

Раздался совершенно не такой, как раньше, вибрирующий звук, и рука окуталась сверкающей фиолетовой аурой пустоты. Потом форма этой ауры изменилась, и когти, нет, серпы потянулись от пальцев все дальше.

Пять серпов непринужденно встретили громадное тело набегающего Сиан Пайла. Длинные кривые когти коснулись его шеи с обеих сторон, обоих боков и левого плеча, а потом –

Когти сомкнулись, не встретив ни малейшего сопротивления.

– !..

На глазах у застывшего столбом Харуюки верхняя часть мощного синего аватара распалась на части.

Голова и руки взлетели в воздух, разбрасывая невероятное количество искр, и, ударившись о тело Даск Тейкера, упали на

землю. Потом с тяжелым стуком грохнулась нижняя половина.

После крохотной задержки, словно *система вычислила урон лишь после того, как рассечение состоялось*, полоса хит-пойнтов Сиан Пайла принялась укорачиваться. Цвет ее сменился на желтый, когда здоровье упало до половины, потом на красный, когда осталось 20%, она продолжила укорачиваться дальше и –

Обратилась в ноль.

Обломки рассеченного на части аватара разлетелись на сине-белые полигоны и исчезли. Перед глазами Харуюки появилось сообщение, что Даск Тейкер уничтожил Сиан Пайла.

– …Ку… ку, ку, ху, ха.

Неестественные смешки вырвались изо рта сумрачного аватара.

– Лузеры… всегда такие забавные. Они даже не пытаются признать поражение, они корчатся и дергаются, и в конце концов теряют остатки достоинства. Я думал, Маюдзуми-семпай умнее, он меня разочаровал. Ну да, несмотря на мозги, у него же этот аватар-мачо, ку-ку-ку, ху-ху, ха-ха-ха-ха-ха!!!

Испуская мрачную ауру из обеих рук, Даск Тейкер истерично ржал.

Купаясь в этом смехе, Харуюки смотрел в ту точку, где несколько секунд назад исчез Сиан Пайл, потом перевел взгляд на Тиюри, которая по-прежнему сидела съежившись на крыше школьного здания.

Пока он стоял, как в столбняке, меч серебряного света на его правой руке замерцал сильнее, потом исчез.

И дело не в том, что Харуюки утратил волю сражаться. Все было ровно наоборот. Точно испепеляющий огонь, его аватар охватила страшная жажда разрушения; она сбивала сосредоточенность.

Ненависть. Ему хотелось крушить. Хотелось раздавить дуэльный аватар по имени «Даск Тейкер» – нет, сознание Сейдзи Номи, засевшее в нем; разнести его в клочья, порвать на куски и истоптать их.

Мир перестал быть игровой ареной, равно как и полем боя, где туда-сюда летали цифры нанесенного урона.

До сих пор в каждой игре, включая «Brain Burst», Харуюки, хоть и испытывал раздражение к противникам, побеждавшим его, никогда не ненавидел реальных игроков, управлявших этими аватарами.

Но сейчас было все по-другому. Ненависть, растекающаяся по жилам всего его тела, была куда горячее раздражения.

Тогда уничтожь.

Внезапно кто-то прошептал прямо у него за спиной.

Уничтожь, сожри. Сожри его плоть, выпей его кровь, отбери у него все.

Голос казался знакомым. Где-то когда-то Харуюки совершенно точно слышал этот низкий искаженный голос с металлическим эхо.

Но, прежде чем он успел пробежаться по воспоминаниям, посреди его спины возникло ощущение страшного холода, будто в Харуюки вонзили ледяную иглу. Эта игла вошла между лопатками, достигла сердца, и оттуда мороз подобно жидкому металлу разлился по всему телу.

Ледяной голод слился с кипящей ненавистью, и в этот миг –

Его поле зрения сжалось в точку.

Золотисто-зеленая земля арены «Чистилище», смахивающее на нечто громадное и живое школьное здание, Лайм Белл, сидящая повесив голову на крыше, – все это исчезло под вуалью черноты. Харуюки видел лишь одно – продолжающего визгливо ржать Даск Тейкера.

– Но… ми, – стон с тем же металлическим эхо вырвался из горла Харуюки. – Номи… ах ты… ах ты…

Все его бушующие эмоции стянулись к кончику единственной оставшейся у него руки.

Чтобы задействовать систему инкарнации, способную вмешаться в управление виртуальностью программы «Brain Burst» и выйти за пределы системных ограничений, нужна полнейшая концентрация внимания. Собственно, «световой меч», который появился у него благодаря силе воображения, исчез сразу же, как только Харуюки охватила ненависть к Номи.

Несмотря на все это.

Внезапно с внушительным вибрирующим «зуааа!» из правой руки Сильвер Кроу выдвинулся длиннющий клинок.

Однако цвет его был не белоснежным, как раньше.

Черный как ночь. Он словно вбирал в себя и поглощал весь падающий на него свет. Это была куда более глубокая голодная чернота, чем темно-фиолетовые когти Номи.

– …Хмм?

Заметив, что с Сильвер Кроу происходит что-то необычное, Даск Тейкер перестал ржать и пробормотал:

– Ойя… Ты еще что-то хочешь сделать, Арита-семпай? Желаешь взять пример с товарища и так же печально кончить?

У Харуюки не оставалось душевных сил отвечать на

насмешки Номи. Все его мысли и чувства утекали в руку-меч. В нем самом осталось лишь мощнейшее желание разорвать врага на тысячу мелких кусочков.

Вот так. Съешь его. Сожри.

Жестокий голос раздался у него в голове.

Будто подталкиваемый этим голосом, Харуюки шагнул правой ногой вперед.

И тут же яростно оттолкнулся от земли.

– У… ОАААААА!!!

Вопя, он занес черный меч высоко над головой. Скорость своей атаки, весь вес своего аватара, всю свою ненависть он вложил в клинок, чтобы разрубить рожу парящего над землей Даск Тейкера.

Владеющий кендо Номи просто не мог не успеть уклониться от прямолинейного выпада Харуюки, который атаковал без малейшего плана. Однако фиолетовый аватар, даже на чуть-чуть не сдвинувшись с места, попробовал повторить то, что сделал с Сиан Пайлом, – открытой правой рукой поймал черный клинок.

Созданный Харуюки меч и созданные Номи пять серпов столкнулись в воздухе.

В прошлом сражении, как только два рожденных силой мысли оружия встретились, они яростно оттолкнулись друг от друга.

На этот раз вышло прямо наоборот. Едва черный клинок и темно-фиолетовые серпы сошлись, тьма вихрем собралась в одну точку и потянула к себе обоих сражающихся.

– Ммуу… – вырвалось у Даск Тейкера. – Атака того же типа?!. Что вообще за?..

Его глаза сощурились и пристально наблюдали за происходящим. Харуюки вообще ни о чем уже не думал – просто давил вперед правой рукой, вкладывая в нее все силы.

– У… гуу, ооо… – простонал он сквозь оскаленные зубы под маской и искаженным голосом выплюнул: – Сдохни… сдохни, Номи! Нафиг… отсюдаааааа!!!

Вибрирующий звук усилился, правая рука-меч содрогнулась, и вихрящаяся чернота в точке встречи клинка и серпов стала еще

гуще. Серпы Номи обломились у кончиков, и их затянуло в черноту.

– Чч…

Номи цокнул языком, и на его левой руке тоже возникли фиолетовые серпы; он положил их на правые, чтобы схватить меч Харуюки обеими руками. Миниатюрная черная дыра задрожала еще сильнее; с земли к ней полетели обломки металла и прочий мусор; долетев, они со вспышками исчезали.

– Ах ты сучонок!.. – крикнул Даск Тейкер и надавил фиолетовой волной обеих рук еще сильнее.

– Гу… ооооо!!!

Из горла Харуюки вырвался уже какой-то звериный рев.

Видимо, из-за совершенно аномальной виртуальной гравитации даже низко висящие густые облака развернулись и двинулись к земле, будто их в воронку затягивало. Окна в школьном здании одно за другим взорвались, рассыпая искры, трещины побежали по земле.

Затем произошло несколько событий одновременно.

– Прекратите… хвааааатиииииит!!!

Крик, почти плач Тиюри разнесся над ареной.

– Сдоооохниииии!!!

Это крик был с легкостью перекрыт воплем Харуюки.

И таймер в верхнем правом углу поля зрения достиг нуля.

Надпись «TIME UP!»[1], рванувшаяся у Харуюки перед глазами, обозначила конец сражения.

После появления итогового экрана ускорение закончилось, и Харуюки, пролетев сквозь расходящиеся световые кольца, вернулся в реальный мир; при этом он не только не помнил, чем занимался перед началом боя, но даже не соображал, где он и который сейчас час.

Прямо перед ним вдруг оказалась беговая дорожка с коричневым спецпокрытием. Впереди бежали ученики в спортивных костюмах.

И сам Харуюки топал ногами по этой же дорожке. Его сознание не сразу синхронизировалось с движениями неуклюжего тела, и он едва не упал, но, отчаянно замахав руками, сумел кое-как устоять. Ученики, сидящие сбоку от дорожек и бегущие параллельно Харуюки, засмеялись.

Ну да, я сейчас бегу три километра. Сейчас вторник, пятый урок… физра…

С каким-то даже удивлением осознав все это, Харуюки вдруг почувствовал, что внутри него все кипит, как магма.

Чем вообще я занимаюсь?

Физра? Бег на длинную дистанцию? Это все фигня! Я должен… раздавить Сейдзи Номи!!!

– Уууу!..

Из его глотки вырвалось низкое ворчание. Стиснув зубы и вперившись в финишную черту, Харуюки вложил всю свою ярость в руки и ноги. Его тяжелые шаги забухали быстрее. Тело само собой наклонилось вперед.

Внизу поля зрения рядом с таймером появилась буковка «R», обозначающая, что Харуюки показал рекордную для себя скорость. Но, даже не сознавая этого, он полным ходом пронесся оставшиеся девяносто метров. Тех, кто бежал впереди, он обогнать не сумел, но дистанцию заметно сократил, и одноклассники при виде этого зашушукались.

Но на них Харуюки было наплевать, равно как и на время нового личного рекорда, вспыхнувшее перед его глазами, как только он пересек финишную черту. Он даже не остановился, а так и продолжил бежать в сторону школьного корпуса.

– Эй, ты куда, Арита? В туалет?

Беззаботный голос учителя физкультуры и смех одноклассников Харуюки пропустил мимо ушей.

Конечно, ему надо было не в туалет. Он должен был взбежать на третий этаж и ворваться в класс, где сидел Сейдзи Номи.

Вцепиться в его реальное тело, силой установить Прямое соединение и на этот раз заставить его подчиниться. А если не получится – то сорвать с шеи Номи нейролинкер и растоптать его, раздавить процессор.

Стоит ли держаться в рамках? Против врага, который опустился до того, что запугал Тиюри, заставил подчиняться своей злой воле?

Каждый раз, когда в нем вспухал очередной приступ ярости, посреди спины что-то пульсировало. Да нет – похоже, эти приступы оттуда и исходили.

– Погоди у меня!.. – крикнул, как выплюнул Харуюки и оттолкнулся от земли еще сильнее – как вдруг.

Сильная рука обхватила сзади его плечо.

– Прекрати, Хару! – раздался приглушенный голос, и Харуюки машинально затормозил. Остановиться резко и клево, как его дуэльный аватар, он не смог и едва не грохнулся на землю, но, вовремя подхваченный за руку, сумел выпрямиться.

Повесив голову, Харуюки сипло выдавил:

– …Таку, почему ты меня не пускаешь?!

Такуму Маюдзуми, продолжая крепко удерживать левую руку Харуюки своей сильной правой, ответил:

– Хару, если ты сейчас устроишь драку и тебя выгонят из

школы, Ти-тян придется еще тяжелее!

– …Ей и так уже тяжелей некуда! Этот Номи… он угрожал Тию и заставил ее делать то, что ему надо! Не прощу!

Наконец Харуюки развернулся и увидел лицо Такуму.

Во всегда таких спокойных глазах Такуму за стеклами спортивных очков читалась мука. У Харуюки перехватило дыхание.

Ну конечно – невозможно, чтобы Такуму ничего такого не чувствовал. Его наверняка переполняли еще большая тревога за Тиюри и еще большая ярость к Номи, чем Харуюки.

Но в то же время лучший друг Харуюки волновался и за него самого. В то время как Харуюки, переполненный ненавистью, о Такуму совсем не думал и даже не пытался.

Его спина все еще болезненно пульсировала, но на время ему удалось отодвинуть ураган эмоций в сторону. Сделав глубокий вдох, потом медленно выпустив воздух через дрожащее горло, Харуюки расслабил плечи, вздохнул и произнес:

– …А ведь только что ты тоже набросился на Номи, и даже раньше меня.

На лице Такуму появилась и тут же исчезла горькая улыбка.

– Да уж. Сколько лет назад я в последний раз такое творил?..

В тот день, когда Номи отобрал у него крылья, Харуюки здорово поругался с Таку. Они наговорили друг другу много гадостей, но сейчас Харуюки чувствовал, что все это растворилось, исчезло. Они так и стояли вдвоем в уголке школьного двора. Потом, судя по всему, беговое занятие на стадионе наконец завершилось – учитель хлопнул в ладоши и велел всем собраться возле него.

– …Идем, Хару.

Медленно кивнув на слова Такуму, Харуюки затем тихо произнес:

– Потом обязательно поговорим с Тию. Даже если Номи ей чего-то такого наговорил, ей вовсе не обязательно его слушаться.

– Да, я знаю. Я… *мы* защитим Ти-тян.

Секунду друзья смотрели друг другу в глаза, потом отвернулись.

Харуюки в последний раз взглянул на третий этаж школьного здания и мысленно прошептал:

Номи, ты сделал то, чего ни в коем случае не должен был делать. С этого дня я буду драться с тобой до конца, до упора. Я обязательно, непременно раскопаю, как ты блокируешь себя от участия в дуэлях, и буду с тобой драться, пока у кого-то из нас бёрст-пойнты не кончатся.

Стиснув зубы, Харуюки зашагал к месту сбора бок о бок с

Такуму.

Однако всего десять минут спустя.

Ситуация вновь переменилась, совершенно не вписавшись в ожидания Харуюки.

Как только пятый урок закончился, Харуюки и Такуму бегом направились к спортзалу по другую сторону школьного корпуса. Увидев идущую по коридору Тиюри в футболке и шортах, они поманили ее к себе из-за колонны.

Лицо Тиюри застыло, едва она увидела друзей. Ничего удивительного – она ведь всего несколько минут назад участвовала в своем первом сражении и, применив спецспособность к врагу Харуюки и Такуму Даск Тейкеру, вылечила его. В результате Сиан Пайл (Такуму) проиграл, лишившись всех хит-пойнтов. Сильвер Кроу (Харуюки) тоже проиграл, потому что вышло время, и Номи забрал очки у них обоих.

Но друзья изо всех сил пытались изобразить на лицах «мы вовсе не собираемся тебя винить», и Харуюки продолжил махать рукой, неловко улыбаясь. Тиюри опустила глаза, словно избегая встречаться с ним взглядом, но все же, сказав что-то одноклассницам возле раздевалки, подошла.

Несмотря на то, что Харуюки устал после интенсивного бега, при виде бледных щек Тиюри он ощутил, как ненависть к Номи вновь вспухает в груди. Такуму рядом с ним тоже сжал кулаки, но тут же глубоко вдохнул и сказал:

– …Ти-тян. Мы уже знаем, почему ты так поступила. И поэтому мы пришли сказать тебе, что тебе вовсе не обязательно его слушаться.

– Да… да, вот именно, – энергично добавил Харуюки. – Тию, теперь он тоже наверняка боится твоей силы. Со способностью, которая не только хит-пойнты лечит, но и разбитую броню, мы можем с ним драться… и даже бить его!

Тиюри слушала, и на миг ее брови сошлись у переносицы. Такое выражение лица означало, что она раздумывает о чем-то и колеблется.

Несколько секунд спустя –

– Все не так.

Это были первые слова, вышедшие изо рта Тиюри.

– Ээ… ч-что не так?.. – глупо переспросил Харуюки. Выражение лица Тиюри вдруг изменилось; глаза вспыхнули, и она, переводя взгляд с Харуюки на Такуму и обратно, повторила:

– Все не так. Номи вовсе не заставлял меня слушаться.

– Ти-тян… ч-что?..

На этот раз переспросил Такуму; пораженный, он шагнул вперед, быстро-быстро моргая. Тиюри попятилась, будто избегая его, и тихо, но решительно ответила:

– Я сама попросила Номи: «Хочу быть твоим союзником. Я стану твоим персональным лекарем, а ты будешь добывать для меня очки». Ну и чего такого? Я ведь еще не вступила в твой и Хару легион.

Сделав еще шаг прочь от стоящих в оцепенении друзей, Тиюри продолжила:

– *Мы* и «Нега Небьюлас» не будем вмешиваться в дела друг друга. Раз уж обе стороны знают реальную информацию друг о друге. Конечно, договоренность между Номи и Хару – это другое дело.

Несмотря на то, что мозг Харуюки застопорился, не в состоянии осмыслить ситуацию, он понял, о какой «договоренности» говорила Тиюри. Речь о том, что, если Харуюки будет выплачивать Номи десять бёрст-пойнтов в неделю в течение двух лет, тот вернет ему «способность к полету».

В общем, драться они не собираются, но к высасыванию Номи очков у Харуюки это не относится. Вот что имела в виду Тиюри.

Это тоже шокировало, но гораздо сильнее – то, что Тиюри говорила о себе и Номи «мы». Все минувшие годы, когда Тиюри говорила «мы», это включало в себя лишь ее, Харуюки и Такуму.

Отведя глаза от застывших столбом друзей, Тиюри оставила короткое «ладно, пока».

Потом развернулась и побежала к раздевалке.

Остался лишь такой знакомый молочно-сладкий запах.

Глава 2

В школе произошло нечто ужасное, и Харуюки возвращался домой с опущенной головой, чувствуя себя как после нокаута.

Такое с ним прежде бывало постоянно. В прошлом году, когда над ним издевались одноклассники, он чуть ли не каждый день по пути домой подсчитывал тротуарные плитки под ногами.

Однако для Такуму – для этого вот Такуму Маюдзуми – идти рядом с Харуюки, точно так же повесив голову и волоча ноги, наверняка было впервой.

Харуюки молча шагал от школы к дому бок о бок с Такуму (тот пропустил занятие в секции под предлогом плохого самочувствия); когда они подошли к многоэтажке Харуюки, он прошептал:

– Заходи ко мне.

– …Ага, – вяло кивнул Такуму.

Они вошли в лифт, поднялись на 23 этаж. Открыв дверь своей пустой квартиры и войдя в гостиную, Харуюки бросил сумку на пол и плюхнулся на стул возле обеденного стола.

Такуму сел напротив, и какое-то время они оба молчали.

И в тот раз мы тоже сидели друг напротив друга.

После этой тусклой мысли Харуюки вдруг вспомнил, что произошло всего сутки назад – иными словами, в понедельник после школы.

Вчера на большой перемене Харуюки в первый раз дрался с Номи, и тот своим спецприемом отобрал у него крылья.

Такуму был озадачен странным состоянием Харуюки и Тиюри, которая тоже там была; после секции он пришел к Харуюки и сел ровно там, где сидел сейчас. Харуюки тогда, сам мучаясь, закидал Такуму жестокими словами, и тот его ударил. Потом Харуюки в отчаянии отправился в Синдзюку, чтобы подуэлиться с кем угодно. Знакомый аватар-мотоциклист Эш Роллер отругал его за летаргическое состояние и насильно затащил на вершину старой Токийской телебашни в «Безграничном нейтральном поле».

Там Харуюки познакомился с Родителем Эш Роллера и бывшим членом «Нега Небьюлас» по имени Скай Рейкер. Она рассказала Харуюки о существовании «системы инкарнации», мощнейшей силы Бёрст-линкеров, и устроила ему сверхспартанскую тренировку, чтобы он освоил эту систему.

На то, чтобы постичь всего лишь первый кусочек первого шага на этом пути, Харуюки понадобилась неделя в том тысячекратно ускоренном мире.

Поэтому в каком-то смысле вполне естественно было, что прошлый раз, когда они с Такуму вот так сидели, казался очень далеким.

Харуюки машинально поднял правую руку и провел по подбородку в том месте, куда его вчера на перемене ударил Номи, а потом по правой щеке, куда после школы ударил Такуму. Следов ни там, ни там почти не было, но боль по-прежнему жалила.

…Сколько бы я ни ускорял свое сознание, как бы ни запирался в другом мире, раны плоти… то есть реальную боль не вылечить.

Такуму, заметив этот жест, самоуничижительно усмехнулся и пробормотал:

– Хару. Когда я тебя ударил, я сказал, что если только Ти-тян будет счастлива, то пусть хоть с кем – я смирюсь. Но… эти слова я беру назад. Я не смирюсь. Что… Ти-тян может стать партнершей Сейдзи Номи.

Уронив руки на стол, Харуюки ответил пустым голосом:

– Я не то что не смирюсь… я не могу поверить. Конечно, в «Брэйн бёрсте» нету такого правила, что друзья в реальном мире обязательно должны быть в одном легионе, но… Чтобы Тию предала нас и объединилась с Номи ради очков – это…

– Ну, если думать чисто об очках, то объединиться с ним – это точно эффективнее, чем с нами. Теперь, когда он отобрал крылья у Хару, у Даск Тейкера сила уже на грани неприличия… Если он начнет участвовать в дуэлях, да еще и в паре с «хилером» Лайм Белл, на средних уровнях с ним ни один Бёрст-линкер не справится.

– Какое спокойное рассуждение, несмотря на депресняк, профессор, – Харуюки криво улыбнулся, но тут же стер улыбку с лица и вздохнул. – Но, Таку… мы же говорим про Тию. Она в играх полный ноль, в RPG от нее в бою никакого толку, ее всегда сразу выносят – ты серьезно думаешь, что она может принять решение исходя из того, чтобы очки эффективнее зарабатывать?

– Э-это… маловероятно, да…

Голос Такуму по-прежнему звучал подавленно, но от разговора с лучшим другом шок Харуюки, вызванный заявлением Тиюри, наконец подутих слегка. Харуюки медленно встал и отправился на кухню.

Вытащил из большого холодильника коробку пиццы и кинул в микроволновку. Потом достал бутылку улуна и два стакана. Через минуту, когда пицца оттаяла и нагрелась, он отнес все это в гостиную на стол.

– …Спасибо, – пробормотал Такуму.

Харуюки налил чай в стакан Такуму, открыл коробку и

достал ломоть пиццы с морепродуктами. Глядя на тянущиеся за ломтем тонкие ниточки сыра, он отправил было его в рот – и вдруг в ушах у него раздался голос.

«Аа, опять эту дрянь едите!»

«Я знала, что так будет, и попросила маму что-нибудь вам приготовить».

Но, конечно, это не был ни реальный голос, ни оцифрованный звук, проигранный нейролинкером. Харуюки начал вспоминать вкус лазаньи, которую Тиюри приносила всего несколько дней назад, и, чтобы стереть его из памяти, решительно впился зубами в покупную пиццу.

Опустив глаза, он жевал странно соленую пиццу. Вдруг раздалось сопение. Молча подняв только лишь взгляд, он увидел, как Такуму, жуя с таким же унылым выражением лица, трет глаза за стеклами очков.

Внезапно грудь Харуюки пронзила боль, совершенно не похожая на ту, что была раньше.

Таку, он всегда такой спокойный и умный, я ему в подметки не гожусь… но перед всей этой мерзостью он никак не может оставаться сильным.

Когда я потерял крылья и был сам не свой, он изо всех сил пытался мне помочь. Значит, сейчас моя очередь. Теперь я должен подбадривать его и поддерживать.

Приняв такое решение, Харуюки зажмурился и быстро запихнул в себя свой кусок пиццы. Потом выпил весь стакан улуна и со стуком вернул его на стол.

– Таку!

После этого возгласа плечи Такуму вздрогнули, и он поднял на Харуюки покрасневшие глаза. Харуюки, глядя на него в упор, заявил:

– Таку, я верю в Тию! И поэтому не верю тому, что она сказала!

– Э?..

– Я уже говорил. Объединиться с Номи, потому что ей нужны очки? Это просто не в стиле Тию. Это абсолютно невозможно. Наверно… да нет, на девяносто процентов наша первая догадка верна. Номи запугал Тию, заставил ее помогать ему и все так нам объяснить. Ты ведь понимаешь, да? Ты согласен?

Крепко взявшись за очки, Такуму, похоже, принялся обдумывать слова, энергично выплеснутые Харуюки.

Наконец он медленно ответил (и голос его звучал немного спокойнее):

– Да… это возможно. Но, Хару, в твоих словах есть маленькое противоречие. Ты сказал «абсолютно невозможно», но в то же

время «девяносто процентов»? Стало быть, ты все же оставляешь десять процентов на то, что Ти-тян добровольно объединилась с Номи?

– Да… но по другой причине.

– По другой причине?.. Ты хочешь сказать, может быть еще какая-то причина, кроме очков, из-за чего Ти-тян могла стать

нашим врагом?

Глянув исподлобья на склонившего голову набок Такуму и машинально съежившись, Харуюки прошептал:

– Как бы это сказать, мм… из-за командира нашего легиона «Нега Небьюлас»… из-за *нее*…

Такуму заморгал, будто застигнутый врасплох. А потом и на его лице проявился тот же страх, что и у Харуюки.

– П-понятно… Ти-тян, может, просто не хочет стать подчиненной командира… Черноснежки-семпай, Блэк Лотус…

– Разве мы можем быть уверены, что она неспособна так поступить?

На вопрос Харуюки Такуму покачал головой с непонятным выражением лица. Протяжно вздохнул и со стоном в голосе ответил:

– Но в таком случае мы не можем рассказывать обо всем этом командиру и просить у нее помощи… Если командир узнает, что Ти-тян предала нас из-за *этого*…

– Она одним ударом вынесет и Даск Тейкера, и Лайм Белл…

И Харуюки, и Такуму не нуждались в напоминании о жестком характере Черноснежки, Черного короля, командира легиона «Нега Небьюлас», владелицы дуэльного аватара девятого уровня «Блэк Лотус». Определив кого-либо себе во враги, она безжалостно рубила его или ее своими руками-мечами. Чертовски трудно – да нет, просто невозможно надеяться, что для Тиюри она сделает исключение.

Харуюки рывком поднял голову, но, хоть он и смотрел теперь в лицо Такуму, следующие слова обратил будто к самому себе тоже.

– Семпай вернется из своей поездки в субботу вечером, значит, у нас четыре дня. За это время мы должны со всем разобраться, у нас нет другого выхода.

– Разобраться, говоришь… но как?..

– Неважно, Тиюри сама так решила или Номи ее запугал, – если мы сделаем Номи… если мы его загоняем до потери «Брэйн Бёрста», все будет кончено. Верно?

Такуму шумно выдохнул и чуть улыбнулся.

– У тебя это так легко звучит, Хару. Даже если мы узнаем, как Номи умудряется не появляться в дуэльном списке, сколько раз нам придется выиграть, чтобы Даск Тейкер потерял все очки?

– Не знаю, не знаю, – пробормотал Харуюки и выложил все, до чего успел додуматься: – Номи только что поступил в нашу школу, и сейчас, наверно, тратит очки со страшной скоростью – ему ведь надо утвердиться здесь и через экзамены, и через кендо. Скажем, в поединках кендо он каждый раз пользуется этим

«Физикл бёрстом», который стоит пять очков. Ты думаешь, у него с его пятым уровнем много лишних очков?

– …Ну да… особенно если учесть, что он в обычных дуэлях тоже не участвует. Так что его приток очков ограничен, – кивнул Такуму и прищурил глаза, к которым отчасти вернулась былая цепкость. Но тут же, снова взглянув на Харуюки, быстро продолжил:

– Но, Хару. Если так, это будет битва в совершенно другом временном масштабе, который никак не соотносится с возвращением командира в Токио. Номи только что заполучил в придачу к умению летать еще и персонального хилера; сейчас он наверняка начнет участвовать в дуэлях, которых раньше избегал. У групповых боев свои ограничения, он не сможет драться много раз подряд, но все равно – он же будет выигрывать большинство боев…

– Значит, мы должны оторвать ему башку до того, как он начнет копить очки, – и, обменявшись взглядами с Такуму, Харуюки решительно заявил: – Значит, так. Я как-нибудь выясню, как он прячется от дуэлей.

– Ч-что ты такое говоришь? Я тоже с тобой…

– Нет, тебе в это время нужно будет заняться кое-чем другим.

Сцепив руки над столом, Харуюки убавил голос и –

– Таку, помнишь ту атаку, которую ты пропустил? Эту технику Даск Тейкера, которой он отменяет и уничтожает все, к чему прикасается.

– А… да уж. Я даже сейчас не могу в это поверить, – покачал головой Такуму, будто сомневаясь в собственной памяти. – Его шкала спецатаки не уменьшалась, несмотря на такое яркое свечение… нет, даже не это главное – он не только удары, он даже мою нематериальную атаку «Лайтнинг сиан спайк» заблокировал. Совершенно немыслимая крутизна – что вообще это за способность?..

– Ммм… это не способность, прописанная в системе, и не какой-то спецнавык. Как бы это сказать… я тоже не очень могу объяснить, но… – хмуря брови и отчаянно пытаясь найти нужные слова, Харуюки пытался передать Такуму знание, которое он сам заполучил только вчера. – Это, так сказать, «суперспецнавык», он берет энергию из силы воображения Бёрст-линкеров. Называется это «система инкарнации». Самая крутая атакующая сила в ускоренном мире, и ее создает сам игрок своей волей…

Почти двадцать минут у Харуюки ушло на то, чтобы объяснить без утайки все – и то, что он узнал о системе инкарнации на старой Токийской телебашне от затворницы

ускоренного мира Скай Рейкер, и то, как сам научился силой воображения вызывать «световой меч».

Пока Харуюки рассказывал, ему становилось все яснее, как много у него самого вопросов насчет этой системы.

Судя по словам Скай Рейкер, систему инкарнации можно было бы принять за баг, дырку в игре; но почему тогда с ней не разобрался игровой администратор? А если ее оставили в игре намеренно, то зачем?

Конечно, «Brain Burst» сам по себе – очень недружественная к игрокам система; в ней нет ни мануала, ни NPC, подсказывающих, как играть; однако, когда Харуюки узнал о существовании системы инкарнации, игра стала для него еще более загадочной. Что, черт побери, она такое на самом деле?..

Впрочем, эти размышления не помешали Харуюки кое-как рассказать все, что он знал.

Закончив слушать, Такуму обалдело смотрел на Харуюки, пьющего улун, потом наконец хрипло прошептал:

– …Как бы это сказать… Хару, ты правда из тех, к кому постоянно липнут женщины старше по возрасту.

– Это, это первое, что тебе пришло в голову?

– Ну, потому что… Честно говоря, я не могу так вот принять всю эту историю с «инкарнацией». Превратить что-то такое непонятное, как воображение, в настоящее оружие… хоть ты и рассказал, но это явно уже за пределами игры-файтинга…

– Да, это точно. Я и сам не могу объяснить, как именно я заставляю меч появиться…

Глядя на собственные ладони, Харуюки принялся высказывать мысли, прямо сейчас рождающиеся у него в голове.

– …Но, думаю, система инкарнации – это не такая грубая штука вроде «достаточно вообразить, и все возможно». Свойства аватара… и характер самого Бёрст-линкера… наверно, к этому тоже имеют прямое отношение. Скажем, я могу сделать меч из руки, потому что у Сильвер Кроу рука с самого начала такой формы, вот как-то так.

– Хмм… значит, ты хочешь сказать, что если я буду тренироваться так же, как Хару, то все равно не смогу сделать световой меч так, как ты.

– Возможно. Но в таком случае наверняка есть другие формы инкарнации, которые лучше подходят для Таку… для Сиан Пайла. Но проблема тогда – как надо тренироваться, чтобы их найти?.. Задним числом я понимаю – Скай Рейкер с самого начала поняла, какого сорта тренировки для меня будут лучше всего, и заставила меня лазить по стене. Просто предположение, но, может, высокоуровневые Бёрст-линкеры, которые идеально

владеют системой инкарнации, знают и метод, как ей обучать…

Такуму закусил губу и словно задумался о чем-то, потом, опустив глаза, заговорил:

– Если все так, то, даже если я нырну в «Безграничное нейтральное поле» и буду тренироваться наобум, шансов, что я смогу ухватить суть инкарнации, очень мало. Значит, мне абсолютно необходим тренер – кто-то, кто отлично владеет этой системой.

– Ага… Скай Рейкер наверняка согласилась бы обучить Таку, но проблема в том, что мы не можем с ней связаться…

Харуюки вздохнул. Такуму нахмурился и пробормотал:

– Ну да. Она же не NPC, мы не можем просто влезть на старую Токийскую башню в «Безграничном нейтральном поле». Нужно связаться с ней в реальном мире и назначить время погружения…

– Вот именно. Мы, конечно, встретимся с ней рано или поздно, если будем просто ждать на вершине башни, но ведь там мы ускоримся в тысячу раз – я понятия не имею, сколько месяцев или даже лет это займет… Если и есть способ, то это – отправиться в Сибую, вызвать на дуэль ее Ребенка Эш Роллера и попросить его устроить встречу, но… ты же понимаешь?

Харуюки замолчал и опустил подбородок на сложенные руки.

Такуму с серьезным выражением лица тут же искусно сымитировал Эш Роллера:

– «Хей-хееей, кончай цепляться за меня, как избалованная малявка, лапочка-засраночка»… наверняка что-нибудь такое он скажет.

– К-как тебе это удается… ну, в общем, да, он наверняка так и скажет.

По правде сказать, Харуюки и так уже был в огромном долгу перед Эш Роллером за то, что тот вчера познакомил его со Скай Рейкер. Кроме того, просить о помощи парня из другого легиона – значит показать себя полным слабаком как Бёрст-линкера.

Взяв еще один кусок остывающей пиццы, Харуюки энергично впился в него зубами и принялся лихорадочно размышлять.

При нормальных обстоятельствах они бы просто попросили Черноснежку – Родителя Харуюки и командира их легиона. Уж она-то, Черный король, наверняка на «ты» с системой инкарнации. Но до сих пор Черноснежка их не обучила – значит, у нее на то свои причины, и Харуюки сильно сомневался, что она согласится сделать это просто по их просьбе. Да и вообще – она сейчас на Окинаве, далеко к югу отсюда, и встретиться с ней в ускоренном мире невозможно.

Если так, то, может, Родитель Такуму – так Харуюки хотел

сказать, но вспомнил, что тот парень, один из высших чинов Синего легиона, уже покинул ускоренный мир: Синий король применил к нему «Меч правосудия» за то, что он полгода назад заварил ту кашу с бэкдором.

Шансы, что найдется еще один Бёрст-линкер, который знает про систему инкарнации и при этом может согласиться помочь Харуюки и Такуму, просто –

– …А… Ааа.

Додумав до этого места, Харуюки издал нечленораздельный звук, даже не заметив, что у него изо рта выпал кусок креветки.

– Да… точно. Есть один – игрок суперского уровня, который перед нами в долгу и который обитает недалеко к северу отсюда.

Едва Такуму это услышал, уголки его губ дернулись.

– Э… эй, эй, Хару. Неужели ты про…

– Только один такой есть. Командир легиона «Проминенс», Красный король, Скарлет Рейн. Она девятого уровня – уж она-то точно должна владеть системой инкарнации…

Когда он приглушенным голосом произнес эти слова, образ алого аватара, одного из «семи королей чистых цветов», отчетливо проявился перед мысленным взглядом Харуюки.

Красный король, испепеляющий арены и противников мощью своего громадного (в несколько раз больше самого аватара) вооруженного доспеха. Если она способна на такое даже без инкарнации, то «дальше» ее сила должна быть просто безграничной. Вычистив из головы слишком уж страшную воображаемую картину, Харуюки продолжил:

– Более того, Таку, ты ведь не забыл, что из-за ее просьбы мы угодили в жутко геморройную ситуацию.

– Я, я помню, конечно, но…

Нико, она же Юнико Кодзуки, всего три месяца назад внезапно собственной персоной заявилась к Харуюки.

Она хотела заручиться помощью Харуюки, чтобы победить свихнувшегося Бёрст-линкера из ее легиона, Кром Дизастера. Дизастер обладал невероятной подвижностью в трех измерениях, и Нико решила, что только лишь Сильвер Кроу со своими крыльями способен его остановить.

Харуюки согласился участвовать в этой миссии вместе с Такуму и Черноснежкой, но там начался полный бардак – на них вдруг напала большая группа из Желтого легиона, и началась настоящая битва не на жизнь, а на смерть. Да, Такуму вправду был убит (и забрал с собой крупного вражеского аватара).

– Но, Хару. Мы ведь тогда тоже извлекли пользу из участия в поимке Кром Дизастера, так что какой резон «Проминенс» помогать сейчас «Нега Небьюлас»? Она Красный король, она

просто не будет расплачиваться за тот долг.

Но на скептические слова Такуму Харуюки надул щеки и выпалил:

– Тогда я отплачу за карри мясным фаршем!

– Эту метафору я как-то не очень понял…

– В общем… в любом случае, других Бёрст-линкеров высокого уровня, с которыми мы можем связаться в реале, просто нет. А если мы хотим драться с Номи, нам как минимум нужно уметь защищаться от его атак инкарнацией. Так что… нам остается только надеяться, что Нико будет в настроении помочь…

Голос Харуюки увял; Такуму испустил глубокий вздох.

Лучший друг Харуюки опустил голову, спрятал глаза за челкой и какое-то время сидел молча. Когда он сжал в кулак правую руку на столе, Харуюки понял, что он вспоминает свое яростное сражение с Номи.

Наконец Такуму поднял глаза – теперь они горели совершенно по-другому. Голос холодным эхо разнесся по полутемной гостиной.

– Да, Хару, ты прав. Думаю, я могу драться с Даск Тейкером на равных до середины боя, но когда он начинает применять эту свою инкарнацию, я просто ничего не могу поделать, хоть и стыдно это признавать. Разница в силе просто колоссальна. Если мы хотим его победить и забрать Ти-тян, я не должен колебаться.

– Таку…

– И потом, Хару.

Такуму замолчал и посмотрел на Харуюки в упор, потом продолжил:

– Твой «световой меч» такой же классный… нет, даже еще более классный, чем «фиолетовая волна» Даск Тейкера. Я понимаю, Хару очень старался, чтобы им овладеть. Ты… сказал мне, когда мы с тобой дрались, помнишь? Что ты не можешь выиграть у меня в реальном мире. А я у тебя – в виртуальном. И поэтому мы равны – так ты сказал.

– А… н-не, это я –

«Просто в горячке боя брякнул» – так Харуюки хотел ответить, но Такуму жестом правой руки остановил его и продолжил:

– Но… но знаешь, я не думаю, что это на самом деле «равенство». Нас делает нами то, как мы состязаемся и как мы все принимаем – и в виртуальном мире, и в реальном.

Внезапно на лице друга Харуюки появилось такое выражение, будто он страшно тосковал по прошлому.

– …Когда я учился в начальной школе, я всякий раз, когда покупал новую игру, первым делом шел на сайт с прохождением.

И экшены, и RPG – я их все играл, держа рядом открытое окно с прохождением, потому что не хотел рисковать. Естественно поэтому, что я тревожился насчет «Брэйн Бёрста», к которому даже мануала не было, не то что прохождения. Задним умом я думаю, что я поэтому и купился на тот бэкдор. …Но сейчас я уже понимаю. В этой игре нет никакого «спланированного сюжета». Надо все решать самому, прорубаться вперед самому. Если систему инкарнации можно назвать силой, способной выйти за рамки программы… я хочу ее освоить. Чтобы и дальше стоять рядом с Хару… с Сильвер Кроу.

Такуму уже замолчал, а Харуюки все продолжал молча размышлять над его словами.

Последние полгода Такуму постоянно демонстрировал презрение к самому себе. Он казнил себя за то, что поддался страху лишиться «Brain Burst» и совершил преступление – в попытке достать Черноснежку опустился до того, что заразил вирусом нейролинкер Тиюри. С тех пор он постоянно старался жертвовать собой ради друзей.

В таком состоянии для него, конечно, охлаждение Тиюри стало страшным ударом – пусть даже ее мотивы были непонятны, – и тем не менее он по-прежнему пытался противостоять своей слабости.

…Я знал, что ты сильный, Таку. Сильнее меня во всех отношениях. Ты так говоришь насчет «стоять рядом со мной», но на самом-то деле в реальном мире это я не могу стоять рядом с тобой.

Заглушив этот шепот, не выпустив его из груди, Харуюки наконец улыбнулся.

– Тебе придется это сделать. Ты справишься; ты освоишь эту технику настолько, что «волна» Номи для тебя будет просто ерундой; и тогда мы отлупим его и быстренько заберем Тию. Но, скорей всего, тренировки Нико будут в десять раз более спартанскими, чем у Скай Рейкер.

– …Я г-готов.

Такуму улыбнулся, хотя губы его слегка подергивались. Харуюки отвел глаза и покосился на часы у правого края поля зрения. Стратегическое совещание за покупной пиццей продлилось дольше, чем он ожидал; уже было семь вечера, а он и не заметил.

Красный король Нико, хоть и являлась одним из сильнейших Бёрст-линкеров девятого уровня, в реале была всего лишь шестиклассницей начальной школы, более того, школы-интерната. Ей не разрешается выбираться на улицу по вечерам, так что, к сожалению, встретиться с ней сейчас будет чертовски

трудно.

– …Завтра мы сразу после школы свяжемся с ней и поедем в Нэриму. Таку, тебе ничего не будет, если ты пропустишь секцию второй раз подряд?

– Все нормально, я ведь занимаюсь кендо уже не для того, чтобы хорошие места в турнирах занимать. Даже если наставник и председатель секции начнут за мной приглядывать, ничего страшного.

– Ясно. Тогда договорились.

Друзья обменялись взглядами и еще раз кивнули.

Они синхронно встали и направились к входной двери; Харуюки вдруг открыл рот, чтобы задать совершенно другой вопрос.

«Таку, перед самым концом сегодняшней дуэли ты слышал странный голос?»

Но эти слова так и не вышли изо рта. Такуму взглянул вопросительно, но Харуюки лишь помотал головой и, махнув рукой, пробормотал:

– До завтра, в школе увидимся.

Мне просто показалось. Зрителей больше не было, других противников тоже. Значит, я просто не мог услышать чей-то еще голос.

Харуюки проводил Такуму до лифта, вернулся и закрыл дверь. После щелчка автоматически сработавшего замка квартира окуталась глубокой тишиной. Харуюки внезапно показалось, что сзади кто-то стоит. Он резко прижался спиной к двери, потом почти бегом направился в гостиную, чтобы прибраться.

Глава 3

17 апреля, среда.

Перед рассветом того дня, когда поездка третьеклассников средней школы Умесато должна была перевалить через экватор, Харуюки приснилась Черноснежка, которую он уже так давно не видел вживую.

Этот сон был, однако, не из тех, что он видел миллион раз и все время жалел, что не может записать. По правде сказать, это было нечто прямо противоположное.

Черноснежка в этом сне была не в своем реальном облике, а в школьном аватаре с крыльями бабочки-парусника за спиной. Оборчатый подол черного, как всегда, платья порхал на ветру, сама Черноснежка легким шагом бежала по густому лесу.

Харуюки тоже был в своем аватаре розового поросенка и, отчаянно семеня, пытался догнать черную бабочку. Принцесса-фея, то шагая, то порхая, постепенно удалялась все больше, но в то же время словно манила Харуюки выставленной правой ручкой.

Семпай!

Крик Харуюки странным эхом разнесся по лесу.

Подожди, семпай!

Однако ноги Черноснежки не останавливались. Время от времени она оборачивалась, и ее алые губы загадочно улыбались, но тут же стройный силуэт пропадал за каким-нибудь громадным замшелым стволом. В конце концов Харуюки отстал настолько, что видел лишь рубиновые разводы на черных как ночь крыльях. Но и это сияние, мерцающее, словно язычок пламени, быстро растворялось в тусклом свете.

Пожалуйста, не оставляй меня. Пожалуйста… пожалуйста, не бросай меня.

Так он кричал, но ответа не было.

У меня больше нету крыльев. Ты поэтому меня бросаешь? Я тебе больше не нужен?

Нет ответа.

Вдруг спину что-то кольнуло. Сперва болело в одной точке, потом боль расползлась и запульсировала.

Харуюки почувствовал, как что-то прорывается сквозь аватар изнутри. Не крылья. Из спины росло что-то вроде темного, длинного и тонкого хвоста. Он змеей взмыл в воздух над его плечами – и, точно копье, метнулся вперед.

По лесу разнесся влажный, тяжелый звук.

Харуюки, пошатываясь, двинулся за собственным хвостом.

Обошел группку деревьев – и его глазам открылась картина: черная бабочка-парусник была пришпилена иглой к грубой, шершавой коре невероятно толстого ствола. Подобный проводу хвост, тянущийся из спины Харуюки, пронзил одно из больших крыльев Черноснежки и пригвоздил его к стволу.

Поглощенный какими-то туманными мыслями, Харуюки встал перед бабочкой и поднял голову. На красивом, эфемерном белом лице не было никакого выражения. Она всего лишь чуть нахмурилась и молча смотрела на Харуюки.

У тебя есть эти крылья.

Харуюки услышал темный, искаженный голос, вырывающийся из его собственного рта.

Благодаря им ты можешь летать где хочешь.

Машинально он поднял правую руку. И вдруг заметил, что она заканчивается уже не забавным копытцем поросячьего аватара, а черно-серебряными когтями. Острые, зловеще сверкающие когти вцепились в краешек одного из бессильно хлопающих черных крыльев.

Совсем чуть-чуть потянув, он оторвал нижнее правое из четырех крыльев. Оно тут же превратилось в сухой черный песок и просыпалось на руку Харуюки.

Второе крыло.

Третье.

Черноснежка – он и не заметил, когда – опустила голову, ее руки повисли как плети. Протянув когти к последнему крылу, Харуюки сказал:

Теперь ты никуда больше не полетишь. Ты навсегда останешься на этой черной земле. Вместе со мной. Такая же, как и я.

Как только он оторвал последнее крыло, хрупкое тело Черноснежки упало ему в руки.

Харуюки с силой обнял ее своими черно-серебряными когтями.

Но через секунду тело в его объятиях тоже превратилось в облако угольно-черных песчинок и выскользнуло из рук. Оно с шелестом опало, лишь горка песка осталась у его ног…

– …ааА!

Издав этот нечленораздельный возглас, Харуюки подскочил в постели.

Сердце колотилось в груди, как набат. Все тело было в холодном поту, но при этом в горле пересохло и саднило.

Харуюки изо всех сил заморгал слезящимися глазами и отчаянно вгляделся в собственные руки. Под серым светом, идущим от окна сквозь занавески, конечно, никаких зловещих

когтей видно не было – всего лишь десять толстых пальцев. Харуюки крепко сжал кулаки и упер их в лоб.

В отличие от той ночи полугодичной давности, когда Харуюки получил «Brain Burst», *этот* кошмар помнился совершенно отчетливо, до мельчайших подробностей. По-прежнему напуганный тем, что было накануне, Харуюки спал без нейролинкера. Значит, этот сон не был вызван вмешательством программы. Он был сплетен исключительно из собственных воспоминаний и чувств Харуюки.

Медленно качая головой, Харуюки хрипло выдавил:

– Семпай… я… не хочу делать такое с тобой… я, я просто…

Я просто хочу всегда быть с тобой.

Харуюки резко схватил лежащий на прикроватной полочке нейролинкер и надел на шею. Было всего 6.15 утра, намного раньше, чем он обычно просыпался, но сонливости в нем не осталось ни капли. Чувствуя слабость во всем теле, он произнес команду на Полное погружение.

– Директ линк.

Тускло освещенная комната исчезла, радужные круги сменились чернотой. Затем Харуюки потянула виртуальная гравитация, и он вскоре приземлился на холодную серую поверхность. Вокруг с чистыми звуковыми эффектами возникло множество полупрозрачных окошек с надписями типа «Оплата общественных услуг» и «Ассоциация управления домом». Здесь была ориентированная на чистую функциональность панель управления домашней сетью семьи Арита.

Задержав взгляд на пухлой правой руке розового поросячьего аватара, Харуюки прошептал голосовую команду:

– Комманд, дайв колл, намбер зеро-ван[2].

Перед глазами появилась голографическая надпись: «Полносенсорный вызов на зарегистрированный адрес 01. Подтверждаете?» Стряхнув секундную нерешительность, Харуюки нажал «Да».

Через нейролинкеры можно общаться несколькими способами.

Чаще всего используется режим, при котором передается только голосовая информация, как в старых мобильных телефонах. На втором месте по популярности видеовызов – человек отсоединяет видеокамеру от кончика нейролинкера и разговаривает, наведя ее себе на лицо.

По сравнению с этими двумя способами полносенсорный разговор, где оба участника беседуют своими аватарами в виртуальном пространстве, применяется реже. Причина проста: тот, кого вызывают, может и не иметь возможности сразу же

отправиться в Полное погружение. Как минимум, необходимо заранее договориться по мэйлу или через голосовой вызов, а при этом и простые вопросы можно решить.

Поэтому то, что Харуюки запрашивал полносенсорный вызов в такую рань, да еще без предварительной договоренности, – это, можно сказать, полное безобразие. Однако он хотел во что бы то ни стало повидаться с *ней* прямо сейчас. Не просто голос услышать или 2D-видео посмотреть – но ощутить ее всеми пятью чувствами. Иначе, ему казалось, какая-то часть его превратится во что-то совершенно другое.

Сделанная шрифтом Mincho надпись «Отправка вызова» мигнула восемь, девять раз, и в последний момент, когда вызов уже вот-вот должен был автоматически переключиться на голосовой режим, сменилась на «Принято».

Все окружающие окна с легким шипением исчезли. В холодном сером пространстве возникла световая точечка. Потом их стало больше, они задвигались – и слились в единый аватар.

Мыски туфель на высоком каблуке со стуком опустились на пол. Медленно моргнув два раза, потом еще один, сказочная принцесса с крыльями бабочки за спиной заметила поросячий аватар, стоящий чуть поодаль, и ласково улыбнулась.

– Йяа, доброе утро, Харуюки-кун.

Даже после того как она поздоровалась с ним своим шелковым голоском, Харуюки был не в силах произнести ни слова. Его пугало, что это хрупкое существо перед ним тоже превратится в песок и исчезнет, и потому он лишь пристально смотрел на Черноснежку.

Но, разумеется, сколько бы секунд ни прошло, аватар не исчезал. Внезапно придя в чувства, Харуюки затараторил:

– Ээ, это… доброе утро, Черноснежка-семпай. Эээ… п-прости, что вдруг запросил разговор с полным погружением в такую рань…

– Ничего, я как раз проснулась и думала, заснуть обратно или не стоит.

Черноснежка вновь улыбнулась и оглядела то, что их окружало.

– …Какое простенькое место. Максимальное предпочтение чистым данным, да, это в твоем стиле…

– Аа, н-нет, неправда.

По умолчанию при полносенсорном разговоре вызванный переносится в виртуальное пространство вызывающего. Поскольку Харуюки так и не вышел из главной VR-зоны домашней сети, Черноснежка оказалась там же – в мире, где даже стула не было.

– П-прости, я сейчас сменю локацию!

Харуюки поспешно вызвал меню и пробежался по наборам объектов, которые сам создал, но все это были места без чувств и души – всякие там поля сражений или палубы крейсеров.

Пока Харуюки, обливаясь потом, пробегал глазами список, Черноснежка с неловкой улыбкой смотрела на него, потом наконец хлопнула в ладоши и предложила:

– Кстати, а может, мне загрузить мой набор? Правда, будет немного медленно. Я его только вчера купила и хочу опробовать.

– А, да, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Харуюки закивал, каждый раз чуть не подскакивая всем телом. Черноснежка снова улыбнулась и шевельнула правой рукой. Сверхскоростными движениями пальцев, будто играя на фортепиано, она принялась манипулировать своим меню.

Перед Харуюки со звуковым сигналом появилась полоска закачки. К нему переправлялся через Глобальную сеть набор объектов, отправленный нейролинкером Черноснежки с Окинавы.

Она сказала, что будет медленно, однако на получение ушло всего пять секунд и еще две на распаковку. Как только полоса загрузки исчезла, сверху хлынул ослепительный свет – солнечный свет; и окружающее холодное ничто исчезло.

Появился тропический ландшафт с такими яркими красками, что глаза Харуюки мгновенно и окончательно проснулись. Рядом был, похоже, синтоистский храм; по обе стороны от ведущей к нему короткой дорожки стояли покрытые мхом каменные окинавские львы. Вокруг были деревья; дорожка другим своим концом упиралась в идущую вниз каменную лестницу, за которой виднелась морская синева.

Харуюки снова обернулся на ярко-красный маленький храм. Стоящая рядом с ним Черноснежка с хлопком раскрыла зонт и поместила над головами их обоих. Это словно послужило переключателем – тут же со всех сторон хлынуло пение сверчков. Харуюки глубоко вдохнул пахнущий солнцем воздух.

– Давай вон там сядем и поговорим.

Черноснежка указала на невысокие ступеньки перед самым храмом. Кивнув и пройдя вперед по гравию, Харуюки усадил свой аватар рядом с Черноснежкой. И принялся просто наслаждаться экзотическим, но почему-то вызывающим ностальгию пейзажем.

Конечно, он находился в VR-пространстве, созданном из цифровых данных. Но это был не просто набор объектов, слепленных из полигонов. Все здесь: лианы, пальмы и прочее – все было основано на реальном пейзаже, кропотливо заснятом на фотоаппарат высокого разрешения. Набор объектов для VR-пространства, воспроизводящий существующее место с такой

высокой детализацией, был сейчас вполне стандартным туристическим сувениром.

Харуюки, не только никогда не бывавший на Окинаве, но и вообще не покидавший Хонсю, начисто забыл, что это он вызвал Черноснежку, и просто смотрел на пейзаж, как слабоумный. Черноснежка терпеливо позволяла ему это и сама тоже смотрела, но в конце концов тихонько кашлянула и сказала:

– Мм, я, конечно, совершенно не против так вот разглядывать пейзаж с тобой вдвоем, но…

После этих слов Харуюки недоуменно взглянул на прекрасное лицо сказочной принцессы и лишь затем вспомнил, что все началось с его нелепого полносенсорного вызова ранним утром.

– Ауаа… П-прости, пожалуйста!

– Ничего, не надо извиняться. Я просто подумала, что, возможно, у тебя ко мне какое-то срочное дело.

Харуюки уставился на терпеливо улыбающуюся Черноснежку и…

…внезапно осознал еще одну ужасную вещь. Что у него нет никакого повода, который можно было бы назвать «делом».

Ну да, я просто увидел сон перед самым рассветом, очень страшный сон…

Харуюки вдруг вспомнил это ощущение в руках, когда он отрывал крылья Черноснежки, и его лицо исказилось. Он сжал кулаки и опустил голову.

Слова, вырвавшиеся у него в следующую секунду, прозвучали так тихо, будто нейролинкер брал их не из центра речи в мозгу, а из самой глубины души.

– Это… это, я, соскучился.

Сам не вполне понимая, *что именно* он произносит, Харуюки позволил телу своего аватара продолжать.

– Я не могу увидеться с семпаем… ты уехала так далеко, это так трудно, и вот…

Виртуальный лес словно бы разом замолчал. То ли звуковые эффекты сверчков на самом деле прекратились, то ли мозг блокировал внешнюю звуковую информацию – Харуюки не знал.

Долгое молчание завершилось вздохом и ответом:

– Я тоже.

Плечи поросячьего аватара вздрогнули; Харуюки осторожно поднял глаза и увидел прямо перед собой наморщенное белое лицо.

– Я тоже соскучилась, Харуюки-кун.

Даже не пытаясь подавить почти плачущую улыбку, Черноснежка подняла руки и крепко сжала щеки Харуюки.

– Впервые одна-единственная неделя кажется такой долгой…

А ведь я много раз надолго ныряла в ускоренный мир… Больше всего я хочу поскорее вернуться в Токио и увидеться с тобой.

Едва произнеся эти слова, Черноснежка закусила губу – и вдруг прижала голову Харуюки к себе.

В отличие от локальной сети средней школы Умесато, где тактильные ощущения между аватарами разбавлены до такой степени, что практически их нет, здесь отчетливые ощущения тепла Черноснежки, ее мягкости и запаха прошили всю нервную систему Харуюки. Обычно в такой ситуации он бы весь зажался и ударился в панику, но сейчас, подстегиваемый страшной тоской, он, будто в тумане, протянул руки и тоже прижал к себе стройное тело Черноснежки.

Пожалуйста, вернись.

Он хотел это сказать. Прямо так и сказать: «Пожалуйста, вернись и спаси меня, как всегда спасаешь».

Харуюки прекрасно понимал, в какой глубокой бездне он находился. Как он ни дергался, как ни старался – Даск Тейкер будто смеялся над всеми его усилиями; он был словно непробиваемой стеной из черной стали. И стремлению пробить дыру в этой стене маленьким кулачком Сильвер Кроу едва ли суждено осуществиться.

Но произнести эти слова он не мог.

Не только ради Тиюри – ради себя самого он должен был сражаться с врагом собственными силами до конца. Если он сейчас поддастся отчаянию и уцепится за Черноснежку, которая была в отъезде, это будет по сути то же самое, что он видел во сне.

– …Мы скоро снова встретимся, всего три дня осталось, – каким-то образом сумел прохрипеть Харуюки.

– Да… верно, – ответила Черноснежка и, последний раз вложив всю силу в объятие, выпустила Харуюки. Ее влажно сияющие черные глаза пристально взглянули на Харуюки в упор, и –

– Харуюки-кун… – произнесла она встревоженным тоном, будто почувствовав что-то неладное.

Харуюки призвал все свои силы, чтобы улыбнуться, и, прежде чем Черноснежка сказала что-то еще, перебил ее:

– Эмм, пожалуйста, развлекись как следует в поездке. Прости, что так внезапно тебя вызвал.

– Ничего, если бы ты не позвал, то позвала бы я. Я очень рада, что мы можем встретиться, хоть и через аватары. Я тебе куплю подарок, так что жди.

Ласково улыбнувшись, Черноснежка встала и шагнула на гравий. Развернулась, закрыла зонт и вызвала меню.

Уже после того, как она нажала кнопку разъединения и ее фигура исчезла, распавшись на световые искорки, Харуюки продолжал молча стоять. Вновь разголосившиеся сверчки смыли остатки воспоминаний о ночном кошмаре.

Закончив завтрак из хлопьев с молоком, Харуюки крикнул в спальню матери «я ушел». Через окно его поприветствовало хмурое свинцовое небо.

Сосредоточив взгляд на иконке у левого края поля зрения, Харуюки нажал на нее – это была иконка прогноза погоды. Вероятность дождя после 12.40 составляла 70%. Сделав шаг в сторону, Харуюки взял светло-серый зонт, стоящий рядом с обувной полкой, и вышел из квартиры.

Устройство под названием «зонт» – один из предметов повседневного обихода, принципиально не изменившихся за все долгое время своего существования. Разве что теперь его обивку делали из высококачественной и высокопрочной водоотталкивающей ткани, а каркас – из упругого карбона.

Думая, что если бы у этого зонта было приспособление для автоматического складывания, как у солнечного зонта Черноснежки, то даже в дождливый день могло бы быть не так тоскливо, Харуюки прошел по коридору до лифта.

Лифт, спустившись всего на два этажа, остановился. У Харуюки возникло предчувствие на грани уверенности.

Двери открылись; по ту сторону стояла, как он и ожидал, Тиюри Курасима.

Когда их взгляды встретились, большие кошачьи глаза Тиюри вздрогнули, словно она колебалась. Обычно она бы воскликнула «привет!» и весело заскочила в лифт, но сейчас ее черные туфли не двигались с места – она явно собиралась с духом.

Прошло несколько секунд, и двери попытались закрыться, но Харуюки машинально нажал правой рукой кнопку «Открыть». И, держа кнопку, продолжил смотреть на Тиюри.

Прежде чем раздался предупреждающий звонок, Тиюри опустила глаза и тихо вошла в лифт.

– …Спасибо. Доброе утро, – тихо проговорила она. Харуюки отпустил кнопку.

Лифт поехал. Искоса глядя на Тиюри, стоящую от него чуть дальше обычного с розовым зонтиком в левой руке, Харуюки рассеянно ответил:

– …Привет.

Его сознание заполнили слова, которые ему следовало бы произнести дальше.

Что бы там ей ни наговорил Сейдзи Номи, вовсе не

обязательно его слушаться. Даже если он ее запугивал, шантажируя тем видео возле душевой, воспользоваться им он все равно не сможет. Потому что, как только он уничтожит школьную жизнь Харуюки с помощью этого видео, Харуюки вполне может распространить «реальную информацию о Номи» в ускоренном мире и таким образом забрать его с собой в ад.

Однако ясно было и то, что разговора на тему «ядерного перемирия из-за неизбежного обоюдного уничтожения» Тиюри просто не поймет. Если есть хоть малейший шанс, что Харуюки исключат из школы (а в худшем случае еще и арестуют за постыдное преступление), Тиюри сделает все, что только сможет, чтобы этого не допустить. Даже если, к примеру, ради этого ей придется стать персональным хилером Даск Тейкера и враждовать с Харуюки и Такуму в ускоренном мире.

Потому что они друзья. Потому что они дружили с детства и провели вместе много, очень много времени в реальном мире. Это для Тиюри важнее всего, это она готова защищать любой ценой.

– …Тию.

Харуюки позвал ее по имени; его голос практически потонул в тихом гуле опускающегося лифта.

Хрупкие плечи Тиюри вздрогнули, но губы остались упрямо сжаты. Харуюки перевел взгляд на левую руку Тиюри, стискивающую зонт. Он начал было поднимать свою правую, чтобы взять Тиюри за руку и развернуть лицом к себе.

Но слова, которые он должен был произнести затем, горячим комом застряли в горле.

Не в состоянии шевельнуться, Харуюки так и стоял столбом, пока его не охватило мягкое ощущение торможения. Тиюри, не оглядываясь, быстро вышла из лифта.

Стремительно лишившись общества своей подруги, занимающейся легкой атлетикой, Харуюки направился в школу тем же путем, каким вчера возвращался домой. По средам он всегда покупал свой любимый журнал манги в одном и том же магазинчике, но сегодня прошагал мимо.

Пройдя знакомой дорогой, где народу было на треть меньше обычного из-за отсутствия третьеклассников, и чувствуя попеременно то радость от разговора с Черноснежкой в полном погружении, то сожаление от того, что он ничего не сказал Тиюри, Харуюки вошел наконец в ворота школы Умесато и тут же машинально съежился. Как только он подключился к локальной сети школы, в правой части его поля зрения появилась всякая информация: время прибытия, сегодняшнее расписание и объявления.

В конце списка Харуюки обнаружил фразу «Важный персональный вопрос». Его лицо дернулось.

Войдя в здание и переобувшись в сменку, он прикоснулся пальцем к этой строке. Его грызло плохое предчувствие.

С шорохом перед Харуюки развернулся текст, набранный темным шрифтом Mincho.

«Ученику класса 2С, регистрационный номер 460017, Харуюки Арите: по прибытии в школу вам надлежит немедленно пройти в комнату для собеседований на первом этаже общего корпуса. Руководитель класса 2С Кодзи Сугено».

Сердце Харуюки сжалось. В первую очередь он подумал, что Номи таки отправил видео школьной администрации. Но тут же он заметил, что сообщение отправил классный руководитель Сугено. Если бы у администрации было столь явное доказательство, они бы занялись этим сами, а не ограничились беседой с учителем. Скорее всего, Сугено его вызвал просто исходя из собственных подозрений.

Несмотря на то, что это было лишь предположение, Харуюки прошел мимо лестницы и направился в сторону комнаты для собеседований на первом этаже; его сжатые кулаки были все в поту. На ходу он открыл имеющуюся в локальной сети подборку информации, к которой имели доступ только ученики, и попробовал найти что-нибудь вроде «инструкции, как себя вести, когда тебя вызвал препод» – но тщетно (такая штука вряд ли вообще существовала).

Впрочем, кое-что он обнаружил в школьной газете, вышедшей несколько лет назад; пораженный увиденным, он прочел заметку с благодарностью.

Подойдя к комнате для собеседований, он последовал первому же совету и огляделся, чтобы убедиться, что никого из учеников рядом нет. Потом, стоя перед серой дверью, сделал глубокий вдох и нажал кнопку «Войти» в поле зрения. Система идентифицировала его, и замок со щелчком открылся.

Потянув на себя дверь (как и ожидалось, она была не автоматической) и заглянув в небольшую комнату, он обнаружил, что Сугено уже там. Учитель сидел за длинным столом со стороны окна, скрестив руки на груди, будто демонстрируя толщину мышц.

– Пришел все-таки. Ну, заходи.

Первые слова молодого учителя истории Японии прозвучали не очень-то дружелюбно. Подавив желание закрыть дверь перед собой, Харуюки тихо вошел и невнятно поздоровался:

– …Доброе утро.

Сугено втянул воздух и открыл рот, будто собираясь сразу

начать обвинять, но, видимо, передумал. На миг он закрыл рот обратно и тут же произнес:

– Доброе утро. Пожалуйста, присаживайся.

Стул, на который он указал, стоял вплотную к стулу Сугено, однако Харуюки не мог сказать «спасибо, я постою». Он с неохотой послушался.

Учитель с единственной глубокой морщиной на загорелом лбу пристально смотрел на Харуюки, но не столько «осуждающе», сколько «просто». Потом вдруг, приподняв уголки губ, произнес:

– Арита. Может, по мне и не скажешь, но в средней и старшей школе я тоже не пользовался успехом у девушек.

– Хаа?..

– Я не шучу. Я был в секции дзюдо и вечно завидовал мальчишкам из футбольной секции, которые вместо занятий постоянно заигрывали с девчонками.

Обалдело глядя на кивающего своим воспоминаниям Сугено, Харуюки мысленно пробормотал:

В этих словах как минимум четыре неподобающих пункта. Намек, что у вас красивая внешность, утверждение, что все парни из секции дзюдо не пользуются успехом, утверждение, что все парни из секции футбола – бабники, и плюс к этому беспочвенное заявление, что я не пользуюсь успехом.

Потом он добавил, тоже мысленно, что с последним пунктом нельзя не согласиться; тем временем монолог Сугено продолжался.

– Так что я прекрасно понимаю, что у мальчишек твоего возраста на душе полно такого, с чем даже непонятно, что делать. Очень хорошо понимаю… Слушай, Арита, –учитель изобразил лицом «предоставь все мне и не парься» и энергично кивнул. – Если ты хочешь мне что-то рассказать… все что угодно – пожалуйста, расскажи сейчас. Обещаю, я на твоей стороне. Ну как?

– …

Несколько секунд Харуюки смотрел на это лицо, приходя во все большее замешательство.

Наконец, сумев кое-как привести в порядок мысли, он раскрыл рот.

– Ээ, это…

– Оо, ну что? Расскажи мне!

– Эээ… сначала я хочу записать наш разговор…

Это было второе, что, согласно той статье, нужно было «сделать обязательно», но Харуюки, едва произнеся эти слова, тут же пожалел об этом. Сугено уставился на него, разинув рот, его лицо побагровело сперва от шеи до щек, потом до самых волос.

Харуюки показалось даже, что он услышал щелчок, с которым маска «надежного старшего брата» отвалилась от лица Сугено.

– Как это понимать, Арита! Ты хочешь сказать, что не доверяешь мне?!

У Сугено был очень рассерженный вид: брови поднялись, голова ушла в плечи. Харуюки не стал ухудшать ситуацию еще больше и промямлил:

– Нет, эммм, дело не в том, что я вам доверяю или не доверяю… Просто по закону ученик имеет право записать разговор один на один с учителем…

– По какому еще закону?! Какое еще право?! – выкрикнул Сугено, пожалуй, чересчур громко для учителя и долбанул кулаком по столу. – Ты что, не понимаешь, что я в первую очередь о тебе беспокоюсь?! Если ты ничего не расскажешь, потом тебе же будет хуже! Возможно даже, дело до полиции дойдет.

Он вдруг оборвал свою речь, когда Харуюки, поспешно повозившись с виртуальным рабочим столом, включил режим записи. Харуюки не принадлежал к газетному кружку и, чтобы записать разговор с кем-то, должен был получить его согласие. Прямо сейчас в поле зрения Сугено должен был появиться вопрос, разрешить ли запись, и кнопки «Да» и «Нет».

Если он нажмет «Нет», в журнале событий будет отмечено, что он отказался удовлетворить законный запрос. Сугено мрачно глядел в пространство, и на лице его явно читалось возмущение; однако в итоге он поднял палец и воткнул его в определенную точку перед собой.

Перед Харуюки зажглась иконка [SREC] и появилось сообщение «Идет запись». Тем не менее подумать «ну, теперь все нормально» у него не хватило наглости. Он втянул голову в плечи; а Сугено тихим, но гораздо более жестким, чем прежде, голосом произнес:

– Арита, у меня… всего один вопрос к те… к вам. Зачем вы, не принадлежа ни к каким кружкам и секциям, пришли в школу в воскресенье, четырнадцатого числа?

…Похоже, то, что разговор записывался, оказалось действеннее, чем Харуюки ожидал.

– Я встречался с другом из секции кендо, – ответил Харуюки слабым голосом, но без запинки. Сугено молчал. Он не мог не знать, что Харуюки дружит с Такуму из секции кендо, более того, в локальной сети было зафиксировано, что Такуму действительно был в школе в воскресенье. Харуюки ведь изначально и шел в школу, чтобы поговорить с ним.

Но Сугено продолжил атаку; на виске у него пульсировала жилка.

– Это все? Вы настаиваете, что других целей у вас не было? Пожалуйста, посмотрите мне в глаза и ответьте.

Он, похоже, неплохой человек. Просто так вышло, что мы друг друга не понимаем.

С этой мыслью Харуюки взглянул исподлобья в чистые глаза Сугено и ответил:

– Других целей не было. Я настаиваю.

– …Ясно, понятно. В таком случае вы можете идти, – произнес Сугено, вздохнув так громко и протяжно, будто этот звук от большого вентилятора исходил. Харуюки быстро встал, сказал «прошу прощения!» на максимальной громкости за все время, что он был в этой комнате, и направился по кратчайшей траектории к двери. Чуть-чуть приоткрыл ее, чтобы только пролезть, и вышел.

Очутившись в коридоре, Харуюки вдохнул полной грудью и остановил запись, после чего убедился, что файл записался нормально, и быстро зашагал к классу. Теперь, пока не всплывут какие-то новые улики, невиновность Харуюки официально признана. С другой стороны, этот разговор явно ухудшил отношения Харуюки и Сугено. Война с учителем не давала ни единого преимущества, да и в число хобби Харуюки это не входило, но все равно – признаваться в преступлении, которого он не совершал, только чтобы улучшить свою репутацию в глазах Сугено, – это было просто неприемлемо.

И все же… – подумал Харуюки, взбираясь по лестнице.

Даже если то смертельное видео не было обнародовано, ловушка Номи, похоже, все равно действовала, как медленный яд. Это ведь сам Номи совершил преступление и спрятал миниатюрную видеокамеру в женской душевой.

В результате все выглядело как настоящая попытка подглядывания, и Харуюки, который явился в школу, хоть и не участвовал ни в каком кружке или секции, угодил под подозрение. Неужели Номи все это предвидел? Нет – это просто нереально.

Качая головой, Харуюки открыл дверь класса за минуту до звонка.

И тут же у него возникло какое-то неуютное ощущение. Ему показалось, что гул голосов в классе резко ослаб.

– ?..

Он озадаченно огляделся, но в кабинете все было, как в любое другое утро. Проложив себе путь мимо одноклассников, собравшихся кучками и оживленно беседующих о всяких шоу или соревнованиях, Харуюки сел на свое место.

Как только он повесил сумку на парту и выдохнул, посреди

поля зрения вспыхнула иконка голосового вызова. Отправителем был – Такуму.

С трудом удержавшись от того, чтобы обернуться назад (Такуму должен был сидеть в конце класса), Харуюки кликнул по иконке.

«Хару, случилось кое-что плохое».

После этих неожиданных слов Харуюки чуть было не ответил вслух, но все же сумел ограничиться мысленной речью.

«Хаа? Что… что это ни с того ни с сего?»

«Странный слух ходит. Насчет тебя».

На этом месте связь резко прервалась. И тут же в ушах у Харуюки раздался звонок. Это был первый звонок, и после него все общение между учениками по сети было запрещено. Теперь они смогут связаться вслух только на перемене. Текстовые сообщения посылать правилами школы разрешалось, но только те, которые относились к занятиям.

Харуюки решил было встать и подойти к Такуму, чтобы узнать остальное напрямую, но тут в переднюю дверь вошел классрук Сугено, так что от этой идеи пришлось отказаться. Харуюки очень интересовало, что именно хотел сказать Такуму, но прямо сейчас единственным способом связи оставалась дуэль в ускоренном мире. Так далеко Харуюки заходить не хотел, да и вообще – ничего серьезного не случится, если он подождет до следующей перемены.

Однако – уже после этого урока.

Харуюки только успел шевельнуть рукой, чтобы отправить мэйл Такуму, когда прямо перед его партой встали два ученика.

Харуюки, вздрогнув, поднял голову, и все его тело задеревенело. Они оба были его одноклассниками, но по имени он помнил только того, который стоял справа. Это был игрок основного состава баскетбольной секции, вроде его звали Исио.

Высоченный Исио, по которому и не скажешь, что он ровесник Харуюки, дернул в сторону головой с серьезным, но напряженным выражением лица и произнес:

– Арита, прошу прощения, давай выйдем ненадолго.

Харуюки вдруг заметил, что в классе висит мертвая тишина. Но в этой тишине практически не было оттенка удивления. Скорее, чувствовалось понимание и одобрение, как будто все происходящее было ожидаемо.

Глядя на Харуюки, который ничего не понимал и пытался собраться с мыслями, Исио продолжил тихим и спокойным, но дрогнувшим под конец голосом:

– Не хочу вести неприятный разговор здесь. Ты, наверно,

тоже, да, Арита?

Едва услышав эти слова, Харуюки почувствовал, как все внутри него завязывается в узел.

Неприятный разговор. Единственное, что это может означать, – речь опять о той попытке подглядывания.

…Иными словами, незаметно для Харуюки Исио и парень рядом с ним – да нет, весь класс – все они стали почти уверены, что Харуюки и есть виновник.

– Аа… я, я не… – хрипло пробормотал Харуюки и перевел взгляд наискось, влево-вперед, туда, где сидела Тиюри; ему хотелось уцепиться за кого-нибудь.

Он увидел свою подругу. Она сидела повесив голову, зажмурившись и сцепив руки поверх парты, словно терпя боль.

Увидев это, Харуюки, хоть и сам был в паршивом положении, подумал:

Сейчас Тиюри страдает не из-за Номи, а из-за меня. Это моя глупость привела к тому, что сейчас происходит. Если я буду вести себя жалко, Тиюри будет еще тяжелее. Уж как минимум я сейчас должен разобраться с ситуацией порешительнее.

Даже если это просто хорошая мина при плохой игре.

Сделав глубокий вдох, Харуюки со стуком отодвинул стул и поднялся на ноги.

– Ладно, пошли.

После этого краткого ответа у Исио дернулась бровь. Однако он кивнул, не меняя выражения лица, и зашагал прочь.

Харуюки двинулся за ним; второй парень следом. Харуюки подумал: «Все равно что заключенный под конвоем», – и тут увидел, как в задней части класса один ученик медленно встает. Такуму.

Друг Харуюки, ростом не уступающий Исио, прищурил глаза за стеклами очков и шагнул было вперед.

Однако Харуюки остановил его жестом правой руки и быстро покачал головой.

Все нормально. Я справлюсь один.

Это был не голосовой вызов, так что мысли было напрямую не передать, но все же Такуму стиснул зубы и сел на место. Исио рывком шумно распахнул дверь безмолвного класса.

Харуюки повели в очень знакомое ему место – в западную часть школьной крыши. Первый урок закончился только что, и здесь все еще никого не было.

В первый год своей учебы в Умесато Харуюки чуть ли не каждый день таскал сюда булочки и соки для школьных хулиганов. Отчетливо вспомнив то время, Харуюки направился было к антенне, где это все обычно и происходило. Однако Исио

остановил его и произнес:

– Здесь нормально.

Харуюки моргнул и ответил:

– …Но здесь мы все еще в поле зрения Общественных камер.

– Неважно, – выплюнул Исио, после чего сунул руки в карманы и, откинувшись спиной на высокое проволочное заграждение, спросил: – …Арита, тебя этот Сугено вызывал, да?

…Как Харуюки и предполагал, о вызове в классе уже знали. Это и был «странный слух», о котором Такуму упоминал в том звонке. Харуюки был осторожен; неужели его все-таки кто-то заметил, когда он входил в комнату для собеседований? Но все равно информация разошлась слишком уж быстро…

Сообразив вдруг, что сейчас не самое подходящее время и место для подобных размышлений, Харуюки посмотрел прямо в глаза Исио и второму парню, стоящему чуть подальше, и слегка кивнул.

– …Ага.

– Значит, это ты. Это ты сунул видеокамеру в женскую душевую.

– Нет! – мгновенно ответил Харуюки и отчаянно замотал головой. Глядя на него сверху вниз, Исио провел рукой по коротким волосам, но тут впервые за все время вмешался второй:

– Ну, мы точно не знаем, что это именно ты, Арита. Но не думаю, что школа в такую рань вызвала бы ученика, если бы у них ничего не было. Если бы они лажанулись, сами получили бы уйму жалоб.

Этот псих Сугено – исключение из правил! Со своим «какие права, какие законы?!».

Харуюки был уверен, что они все равно ему не поверят, даже если он сейчас это скажет, поэтому предпочел промолчать. Исио сделал два шага в сторону Харуюки и прошипел:

– Это подозрительно, что тебя сперва вызвали, а потом выпустили; видимо, доказательств у них нет. Но я этого так не оставлю всего лишь из-за того, что нет доказательств.

Внезапно он левой рукой схватил Харуюки за галстук, с силой притянул к себе и воткнул в него испепеляющий взгляд.

– Слушай сюда. Когда нашли камеру, моя девушка тоже была там, в душевой. Она в таком шоке, что ни вчера, ни сегодня в школу не пришла!

Вот сейчас действия Исио явно были против школьных правил. Однако баскетболист основного состава стряхнул руку своего приятеля, пытающегося его остановить, и замахнулся правым кулаком.

– Я тебя не прощу, Арита! Я просто должен это сделать!!!

После чего движением новичка махнул занесенным кулаком.

У Харуюки была возможность уклониться от удара. Движения Исио были неуклюжими – просто ерунда по сравнению с ударами тех привычных к дракам учеников, которые измывались над Харуюки раньше. Да и вообще – если бы Харуюки воспользовался командой физического ускорения, «Физикл бёрст», то смог бы и вовсе перевернуть ситуацию и побить Исио. Лицо противника было искажено – просто потому что он явно впервые в жизни кого-то бил.

Но, конечно же, Харуюки не стал ни уклоняться, ни отбиваться, а принял удар на левую щеку. Победа в драке с помощью ускорения – низость, это даже было написано в правилах Черного легиона. Раздался звук удара, и Харуюки, отшатнувшись, сделал несколько шагов назад.

Харуюки полугодичной давности в такой ситуации пал бы духом и принялся бы униженно умолять.

Однако нынешний – шатающийся, но все же стоящий на ногах – Харуюки, чувствуя горячую боль в щеке, жестко уставился на Исио и выкрикнул:

– Повторяю еще раз и буду повторять сколько нужно – это не я!!!

Исио стиснул зубы и снова сжал руку в кулак, но затем разжал обратно и ответил:

– …Если окажется, что ты прав, можешь бить меня сколько захочешь. Но… – коротко стриженный баскетболист выбросил вперед указательный палец вместо кулака и отчетливо заявил: – Если докажут, что это был ты, я разломаю твой нейролинкер, чтобы ты не смог больше смотреть ни картинки, ни видео, вообще ничего.

Исио резко развернулся и широким шагом направился к лестнице, потирая левой рукой правую, словно пытаясь стереть остатки ощущений в ней. Второй парень пошел следом, и Харуюки остался на крыше один.

То, что сейчас произошло, наверняка было записано камерами наблюдения за общественной безопасностью, причем не одной. Если сейчас Харуюки подаст жалобу на применение насилия, Исио, несмотря на все его обстоятельства, будет по меньшей мере отстранен от занятий, а заодно потеряет место в основном составе баскетбольной команды.

Но, разумеется, поступать так Харуюки не собирался. Исио был всего лишь еще одним из тех, кого он во все это втянул. Втянул в водоворот пустоты без тепла, без света, созданный жестоким грабителем по имени Сейдзи Номи.

Проведя рукой по щеке и убедившись, что кровь не идет,

Харуюки устало направился к лестнице. По пути он принялся писать мэйл Такуму.

Послав сообщение «Ничего серьезного, после школы объясню, прости, что заставил волноваться», он начал было писать следующий мэйл – для Тиюри.

Однако тут же остановил руку. Сейчас успокоить тревогу Тиюри одними словами уже не выйдет. Вернуть ее можно лишь одним способом – уничтожив корень всего, Номи.

Такуму ответил мгновенно – всего одним словом, «Понял». Почувствовав в этом кратком мэйле беспокойство своего лучшего друга, Харуюки наконец расслабил плечи и почти бегом направился к классу, чтобы не опоздать на следующий урок.

Большая перемена.

Как только прозвенел звонок, Харуюки в одиночестве отправился в школьную столовку.

Без третьеклассников здесь, естественно, было куда свободнее обычного. Совершенно не собираясь обедать на крыше, где совсем недавно произошло нечто неприятное, Харуюки встал в очередь к стойке самообслуживания. В появившемся перед ним меню он выбрал карри со свининой и подливкой из баклажанов и бамии. Перед ним появился голографический запрос на подтверждение; Харуюки нажал «Да».

Бабуля в кухне со сверхзвуковой скоростью наполнила миску карри, потом поставила на стойку блюдце с подливкой.

Взгляд Харуюки сам собой сместился в сторону рекреации. Но ворваться туда, где стояли круглые столики в окружении декоративных растений и где была совершенно другая атмосфера, у него не хватило смелости; в итоге он сел в уголке одного из длинных столов, расставленных здесь.

Взяв ложку, он огляделся. Все вокруг обедали и галдели. Никто не смотрел на Харуюки – не должен был смотреть.

Однако невольно его охватило ощущение, что все они телепатически говорят друг другу: «Смотри, вон явился тот чувак с камерой». Харуюки пытался убедить себя, что это невозможно, однако та неприятная атмосфера невысказанного подозрения, которая его встретила сегодня утром, когда он вошел в кабинет класса 2С, все еще чувствовалась всей кожей.

Он принялся запихивать в себя карри в надежде отогнать это ощущение, но, хотя обычно этого оказывалось достаточно, чтобы настроение улучшилось, сейчас в горле у него застрял ком и не желал исчезать.

Если…

Если уверенность в том, что «Арита из класса 2С подсунул

видеокамеру в женскую душевую» уже охватила всю школу, несмотря на отсутствие доказательств...

Справиться с этим будет тяжело даже Черноснежке, вице-председателю студсовета. Более того, если она останется на стороне Харуюки, то может и сама утратить свои позиции в школе. В таком случае – ну, чисто гипотетическом – едва ли она его бросит, но – что если и на Черноснежку будут из-за Харуюки так же холодно смотреть? Что если и она станет в школе изгоем, как он сам в прошлом году, в худшем случае – что если и над ней будут как-то измываться?..

От этих мыслей Харуюки охватила дрожь.

Его ложка со клацаньем упала на тарелку; он с силой обхватил руки ладонями –

И, ощутив чье-то присутствие, поднял глаза.

Он увидел компанию из четырех-пяти человек, идущих поодаль.

В частной средней школе Умесато существовала система стипендий для учеников из спортивных секций. Конечно, Умесато – не какая-нибудь престижная спортивная школа, так что эти стипендии представляли собой лишь уменьшение платы за обучение для тех, кто показывал хорошие спортивные результаты на уровнях выше муниципального, но тем не менее разделение на обычных учеников и стипендиатов существовало.

Компания, которую увидел Харуюки, состояла как раз из этих элитных спортсменов. Там были игроки основного состава женской софтбольной команды и мужской команды по плаванию, и с ними беседовал, улыбаясь, тощий и низенький ученик…

Вне всяких сомнений, это был первоклассник из секции кендо Сейдзи Номи.

Конечно, в средней школе Умесато была довольно сильная секция кендо, но ведь Номи только в этом месяце в нее вступил и еще не имел постоянной турнирной практики – он только выиграл турнир секции на прошлой неделе. Достаточные основания для стипендии у него появятся не раньше второй половины учебного года, однако он уже начал крутиться в таких компаниях – это просто поражало.

Но это не твоя собственная победа!

Невольно Харуюки закусил губу. И в этот миг, будто ощутив на себе взгляд, посланный Харуюки из-за дальнего угла стола, Номи непринужденным движением повернул голову в его сторону.

Харуюки увидел, как невинная улыбка на красивом, почти девчоночьем лице мгновенно изменилась.

Маска свалилась, из-под нее выползла садистская, злорадная

усмешка, острая и холодная, как заточенная до предела бритва.

«Ну как тебе, Арита-семпай, это ощущение, что ты весь в грязи и съезжаешь с холма вниз, как бы ни старался взобраться? Как тебе это ощущение, когда все, что тебе дорого, по очереди у тебя отбирают и ломают?..»

Затем Номи повернул голову обратно и, улыбаясь старшим ученикам прежней невинной улыбкой, без стеснения вошел в рекреацию, залитую ярким светом.

Даже когда растения закрыли Номи от взгляда Харуюки, тот продолжал застывшим взглядом сверлить то место, где он только что был.

Похоже, сомневаться не приходилось. Это из-за Номи весь класс так быстро узнал, что классрук вызвал Харуюки к себе. И не только это – быть может, он же изначально и стукнул администрации, что Харуюки был в школе в воскресенье.

Чувствуя, как в нем одновременно поднимаются волнами сильнейшая ярость и еще более сильный страх, Харуюки отчаянно сопротивлялся желанию стукнуть кулаком по столу.

Нет. Нельзя сейчас раскисать. Иначе я снова стану тем же беспозвоночным, каким был полгода назад. И не только. Если я позволю себя раздавить и упаду в ямину, которую вырыл Номи, я утяну за собой и Такуму, и Тиюри, и Черноснежку.

…Я выберусь.

Так Харуюки мысленно бормотал, изо всех сил сжимая ложку.

Я в такой заднице уже уйму раз бывал. И я опять выберусь. И буду выбираться раз за разом, сколько бы ни понадобилось. Я больше уже не иду только вниз.

Он сунул в широко раскрытый рот полную ложку карри и заработал челюстями. Девчонка-первоклашка, сидящая по диагонали от него, смотрела разинув рот, как Харуюки с немыслимой скоростью опустошает тарелку.

Глава 4

До двух часов дня Харуюки не покидало ощущение, что он сидит не на стуле, а на терке. Пожалуй, ему еще повезло немного – благодаря тому, что Исио из баскетбольной секции высказал ему напрямую все, что думает, остальные не пытались как-то еще с ним общаться.

Тем не менее взгляды девчонок были на 30% холоднее обычного, а некоторые из парней, похоже, обсуждали, какую бы кличку прилепить к Харуюки прямо сейчас. Прежде чем они выбрали из двух оставшихся вариантов «Камеари» и «Папаюки»[3], Харуюки схватил сумку и зонт и вылетел из класса.

Он выбежал в передний двор, где, как и обещал прогноз погоды, во второй половине дня пошел дождь; но лишь шагнув за ворота школы, он выдохнул с облегчением. Как только Харуюки отсоединился от локальной сети, получив напоследок сообщение «Пожалуйста, будьте внимательны по дороге домой», на него хлынула разнообразная информация из Глобальной сети; чувство причастности к миру быстро успокоило его сердце.

Стоя у стены в двадцати метрах от ворот, Харуюки под шум дождя, барабанящего по зонту, вчитывался в заголовки новостей, пока наконец не услышал знакомые шаги.

– Прости, что задержался, Хару.

Такуму приподнял свой темно-синий зонт, Харуюки тоже подвинул свой. Они вдвоем бок о бок двинулись переулком на восток.

Несколько десятков секунд спустя Харуюки первым раскрыл рот.

– Тебе правда нормально, что ты два дня подряд пропускаешь секцию?

– Нормально, нормально. Председатель секции и тренер обо мне не думают, а балдеют от гениального новичка; я же всего лишь перевелся посреди года.

– …Как все запутанно, хех. То есть из-за того, что Номи привлекает к себе все внимание, у Таку есть свобода действий, ты это имеешь в виду, да?..

Друзья обменялись горькими улыбками, потом еще где-то минуту шли молча.

Когда они добрались до пересечения проспекта Оми и седьмой кольцевой, Харуюки наконец заговорил снова.

– Сегодня меня вызвал Сугено из-за той истории с видеокамерой в душевой… Разумеется, это не я сделал.

– Естественно. Ох уж этот Сугено – чтобы вызвать тебя безо

всяких доказательств… – сердито заговорил Такуму, но Харуюки оборвал его.

– Но я сейчас в таком положении, что меня вполне могут считать виновником, – почти простонал он. – Вся эта история – ловушка, которую устроил Сейдзи Номи. И я в нее вляпался по уши…

Чтобы изложить всю историю ловушки Номи, потребовалось неожиданно много времени.

Несколько минут спустя, когда они уже ехали на электроавтобусе по внешней стороне седьмой кольцевой, сидя рядом в самом конце салона, Харуюки наконец-то закончил рассказ, не упустив почти ничего. Он не коснулся всего двух вещей: откуда взялась программа-маскировщик, приготовленная Номи, и как он в душевой наткнулся на голую Тиюри.

Однако, похоже, думательные шестеренки в голове Такуму сработали как надо – источник программы он вычислил мгновенно. Почти сразу после того, как Харуюки замолчал, его лучший друг снял синие очки и прижал руку ко лбу.

– …Ясно.

Голос его звучал искаженно от презрения к себе.

– Это была та фотография, да? Групповое фото новичков секции кендо… значит, там сидел вирус. Прости меня, Хару, я должен был проверить тщательнее…

– Н-не, это не твоя вина, – лихорадочно замотал головой Харуюки. – Скорей всего, вирус был запрограммирован на самоуничтожение, как только фотку прочитывает кто-нибудь из секции кендо. Даже если бы ты его заметил – целью-то был только я. С самого начала он целился не в Таку, а в меня…

– Нет, я должен был сообразить, что что-то не так, ведь размер файла был слишком большой. А я вместо этого вломился к тебе домой, когда тебе было и так паршиво, и наговорил столько ужасного… Я даже ударил тебя!

Внезапно Такуму надел обратно очки и поднял правую руку Харуюки обеими своими.

– Уаа, эй, что ты –

– Хару, ударь меня. Если ты меня не ударишь, я не смогу себя простить.

– Да не, ничего, все нормально, правда!

Залившись краской, Харуюки перевел взгляд с Такуму на переднюю часть салона автобуса. Сидящие там домохозяйки и студенты смотрели на них двоих – кто-то выпучив глаза, кто-то хихикая. Разговора слышать они не могли; как, черт побери, они интерпретировали эту картину – высокий красивый Такуму

склоняется и сжимает руку маленького толстого Харуюки?

Однако Такуму медленно придвигал лицо, явно не заботясь о мнении окружающих; поэтому Харуюки с неохотой прошептал:

– Погоди, погоди минуту, Таку. Эмм, я тоже… я тоже заслужил, чтобы ты меня ударил.

– Э?.. Почему?

Глядя в сомневающееся, нахмуренное лицо Такуму, Харуюки сказал про себя: «Прости, Тию». Она приказала ему никогда об этом не говорить, но Харуюки совершенно не собирался закрывать рот и делать вид, будто смотрит на Такуму свысока.

– Мм… когда я попался на ту программу-маскировщик и влез в женскую душевую… я там наткнулся на Тию.

Чтобы объяснить все, ему понадобилось еще две минуты.

С хлопком откинувшись на спинку сиденья, Такуму наморщил лоб пальцами и со вздохом произнес:

– Понятно… Вот, значит, какое отношение Ти-тян ко всему этому имеет…

– …Ага…

Выражение лица Такуму внезапно переменилось. Он искоса глянул на Харуюки и поднял палец.

– …Я сейчас не буду спрашивать, что именно ты видел, Хару. В том числе ради Ти-тян.

– Оо… ты правда настоящий джентльмен, Таку.

– Спасибо. …В любом случае, если так все было, можно догадаться, что это и есть суть угроз Номи. Видео, где Харуюки подглядывает, будет эффективно и против Ти-тян тоже.

– Ага. Пожалуй, против Тию оно будет даже эффективнее, чем против меня… Если Номи это понял и поэтому стал угрожать Тию, значит, он просто гений по части атак на слабые места других.

Такуму снова вздохнул, хлопнул Харуюки по колену и прошептал голосом, в котором слышалось чуть больше стали, чем прежде:

– Однако в этом и его слабость.

– Э?..

– Разве нет? Даже если он кражами и запугиванием заставляет других делать то, что он скажет, это не то же самое, что товарищеское сотрудничество. Даже если он временно заставляет Ти-тян… Лайм Белл подчиняться, по сути Номи, Даск Тейкер, все равно один.

– …Ага, точно.

Теперь Харуюки схватил руку Такуму, по-прежнему лежащую у него на колене. Она была прохладная, твердая и неописуемо надежная. Харуюки был всем сердцем рад, что сейчас рядом с

ним Такуму, Сиан Пайл.

Прямо перед тем, как автобус пересек Новый проспект Оме и въехал в Нэриму, друзья сошли.

Они раскрыли зонты и какое-то время молча смотрели на машины, сплошным потоком проплывающие мимо. За этим потоком, испускающим негромкий гул электромоторов и водородных двигателей, начиналась территория, подконтрольная Красному легиону «Проминенс». Сейчас у Черного легиона «Нега Небьюлас» с ним было перемирие, но это относилось только к еженедельным территориальным сражениям, поэтому, если Харуюки и Такуму перейдут дорогу, оставаясь подключенными к Глобальной сети, наверняка и пяти минут не пройдет, как их кто-нибудь вызовет на дуэль.

Харуюки и Такуму кивнули друг другу. Харуюки сделал глубокий вдох и произнес голосовую команду:

– Комманд, войс колл, намбер зеро-файв.

Пока он вслушивался в гудки, его ладони постепенно покрывались потом.

Успокойся. Так он велел себе, однако подавить нервы было непросто. В конце концов, звонил он сейчас не кому-нибудь, а Бёрст-линкеру девятого уровня, управляющему сильнейшим в ускоренном мире дальнобойным аватаром, девочке-плаксе и в то же время молчаливой «Неподвижной крепости», красному королю, Скарлет Рейн –

«Давно не виделись, братик Харуюки♪!»

Высокий голосок в его мозгу раздался неожиданно, и у Харуюки дернулись колени. Кое-как он все же сохранил равновесие и ответил не мысленно, а вслух, чтобы Такуму рядом с ним тоже слышал.

– А, д-да, мы давно уже не беседовали, Юнико-тя-…

«Блииин, достаточно "Нико". Ну, что случилось, что ты так вдруг звонишь?»

Нико, Красный король, разговаривала с Харуюки в «режиме ангелочка», как сейчас, только по прихоти, когда у нее было хорошее настроение. В таком режиме с ней иметь дело было проще, поэтому Харуюки ответил быстро, чтобы не упустить шанса.

– Ээ, ммм, мы хотим кое о чем поговорить… точнее, проконсультироваться насчет кое-чего. Нико… мы не можем прямо сейчас с тобой встретиться?.. Это, ммм, конечно, мы сами придем в Нэриму.

«Хмм… сейчас дождь? А, но я не против, как раз сейчас мне хочется тортик, такой, чтобы много клубники было сверху♪».

– Я, я угощаю, я угощаю. Сколько угодно.

«Урра! Тогда встречаемся вот в этом магазинчике».

Тут же в поле зрения Харуюки с шелестом раскрылась карта. На ней мигала точка недалеко от станции метро Сакурадай линии Сейбу – это было недалеко от того места, где Харуюки и Такуму стояли сейчас.

– К-конечно, думаю, мы туда доберемся минут за пятнадцать.

«Ок-кей, тогда до встрееечи!»

И она сбросила звонок. Такуму поднял голову, облегченно выдохнул (все же первый барьер удалось преодолеть) и кротко сказал:

– …Плата за мной.

– …Не, пополам, так нормально будет.

– Но мы же ради меня с ней встречаемся…

Пока друзья спорили, подошел следующий автобус; они замолчали, сели и тут же синхронно отключили нейролинкеры от Глобальной сети.

Раскрутив свой здоровенный мотор, автобус пересек Новый проспект Оме и оказался в Нэриме, владениях Красного легиона.

Назначенное место встречи оказалось симпатичной кондитерской, расположенной в маленьком торговом квартале. Половина площади была заставлена столиками и стульями – похоже, прямо здесь можно было и есть то, что купили.

Как только друзья остановились перед магазинчиком, закрыли зонты и стряхнули с них воду, сзади раздался плеск – похоже, кто-то весело шлепал по лужам. Едва Харуюки развернулся, в его круглый живот ткнулся маленький кулачок – уклониться не было ни шанса.

– Угг…

На стонущего Харуюки снизу вверх смотрела из-под ярко-красного зонта и ухмылялась миленькая девчонка с веснушчатым лицом и большими, сияющими зеленоватыми глазами[4]. Мягкие на вид рыжеватые волосы были завязаны в хвостики по бокам головы; на спине девчонка несла ранец поверх темно-синего школьного пиджачка. На шее виднелся красивый, как драгоценный камень, полупрозрачный красный нейролинкер.

Девчонка подошла еще на шаг и, крутя в руке зонт, сказала:

– Сколько лет, сколько зим, братик Харуюки. Ты все такой же толстый! И… – она повернула голову влево. – Давно не виделись, Профессор. Ты такой же унылый.

Харуюки и Такуму скованно улыбнулись и поприветствовали девчонку легким поклоном.

– Д-давно не виделись, ага. Прости, Нико, что мы тебя так вот

позвали…

– Нормально, нормально! Давайте к делу, тортик, тортик!

Девчонка – Юнико Кодзуки, Красный король, правительница арен Нэримы – привычным жестом кинула зонт в стойку для зонтов и вбежала в магазин; друзья поспешно кинулись за ней.

Они сели за стол у задней стены магазинчика. Как только им принесли два кофе, молоко и торт под названием «Клубничный лабиринт» с ужасающим количеством ягод, Нико тут же схватила свою вилочку. Ткнула в блестящую клубничину на самой верхушке торта и, блаженно улыбаясь, отправила ее в рот.

Харуюки невольно зашевелил губами от зависти. Нико с ангельской улыбочкой заявила:

– А тебе нельзя!

– …Н-ну и ладно.

– Аа, шучу, шучу! Давай, скажи «Ааа».

Она наколола на вилочку еще одну ягоду и протянула Харуюки; тот машинально открыл рот. Однако клубничина проделала обратный путь под бессердечные слова «шучу, шучууу», и зубы Харуюки ухватили лишь воздух.

Когда Такуму, наблюдавший все это сбоку, деликатно кашлянул, Харуюки пришел в себя и выпрямил спину. Да, для такого сейчас не время.

– Во… в общем так, Нико. Насчет сегодняшней темы… мы тебя позвали встретиться в реале, потому что, эмм, мы хотим тебя попросить кое о чем…

– Попвошить? – переспросила Нико и сглотнула. – Слушаю, пока не съем десять клубничин.

– По-моему, это не совсем честно, но… – Харуюки кинул быстрый взгляд на Такуму, поскреб в затылке и перешел сразу к делу. – Эээ, я хотел попросить, чтобы ты научила профессора… в смысле Такуму. Эммм… как пользоваться системой инкарнации.

Едва Нико это услышала –

Она застыла на месте, не донеся до рта шестую ягоду.

Зеленые глаза заморгали. Нико склонила голову чуть набок, положила вилочку (по-прежнему с клубничиной) обратно на тарелку и откинулась на спинку стула.

Харуюки показалось, что он услышал щелчок, с которым внутри Нико переключились цепи. Конец «режима ангелочка».

Невинная улыбка шестиклассницы начальной школы испарилась, глаза превратились в щелочки, и Нико угрожающим голосом, в котором чувствовалось что-то огненное, переспросила:

– …Что сказал?

Харуюки, мгновенно покрывшись потом, начал было

объяснять ситуацию, но Нико заткнула его, подняв палец, потом встала и обратилась к официантке, стоящей у стойки немного поодаль.

– Мы займем заднюю комнату ненадолго.

Молодая официантка в платье виноградного цвета с передником молча кивнула. Нико, взяв в правую руку блюдо с начатым тортом, а в левую – стакан с молоком, бодро зашагала прочь. Харуюки и Такуму переглянулись, потом, взяв свои чашки с кофе, неохотно побежали следом.

За стойкой начинался узкий коридор; на полпути была массивная дверь, на которой висела табличка «PRIVATE». Естественно, она была заперта, но Нико ткнула рукой со стаканом в некую точку в воздухе, и замок щелкнул.

За дверью была роскошная комната в западном стиле площадью в шесть татами[5]. Стены и пол выложены темными деревянными панелями, пара диванов и столик посередине, в дальнем углу еще одна дверь – похоже, в туалет.

Тихо поставив блюдо и стакан на столик, Нико повозилась с виртуальным рабочим столом, проверяя что-то, потом резко повернулась к Харуюки с Такуму и заорала:

– Вы что, кретины?! Так вот вдруг говорить про такие вещи, как система инкарнации, в общественном месте!!!

– Ааа, п-прости!

Несколько секунд Нико сверлила взглядом, словно испускавшим какие-то лучи, стоящих столбом Харуюки и Такуму, потом наконец плюхнулась своим маленьким телом на диван, шумно вздохнула и скрестила ноги.

– …Ладно, можете уже расслабиться. Садитесь.

– А-ага.

Друзья тоже поставили кофе на столик и сели бок о бок напротив Нико. Взяв еще одну клубничину прямо рукой, Нико заговорила чуть тише.

– В этой комнате безопасно, она изолирована. Для начала: откуда вы узнали про систему инкарнации? Наверняка же не от той тетки… Блэк Лотус? Для вас еще рано узнавать о таких вещах непосредственно от Лотус. Слишком рано.

Харуюки хотелось, прежде чем отвечать на этот вопрос, самому кое-что спросить. Что вообще это за магазинчик, и зачем в кондитерской, расположенной в торговом квартале, радиоизолированная комната?

Но, судя по лицу Нико, она не собиралась позволять ему отклониться от темы. Харуюки неохотно отложил свой вопрос на полку, сделал глубокий вдох и начал рассказывать Красному королю правду.

– Эээ… это довольно долгая история, но… В общем, все началось, когда в нашу среднюю школу Умесато поступил один новенький, тоже Бёрст-линкер…

Харуюки рассказывал, прилагая немало усилий, чтобы изложить основные факты как можно более сжато и понятно.

Как новенький «Даск Тейкер» не появлялся в дуэльном списке «Brain Burst», хотя и был подключен к локальной сети школы.

Как он, применяя разные трюки, загнал в ловушку Харуюки (и не только его), более того, отобрал у Харуюки крылья, применив в ускоренном мире спецприем «Демоник коммандир».

Как Харуюки долго тренировался в «Безграничном нейтральном поле», чтобы противостоять сильному врагу, и как освоил в итоге систему инкарнации. Как Харуюки и Такуму, хоть и были в шаге от победы над Даск Тейкером благодаря этой силе, все же проиграли из-за предательства Лайм Белл.

И наконец – как Блэк Лотус, Черный король, уехала до воскресенья вместе с классом.

Не упомянул он всего две вещи: способность Лайм Белл к лечению и реальную информацию Даск Тейкера (то есть его настоящее имя, Сейдзи Номи).

Минут через пятнадцать Харуюки закончил свое объяснение, но Нико продолжала молчать. Она сунула в рот последний кусок торта, который медленно ела, пока слушала, проглотила его и наконец фыркнула.

– …Ясненько. Даск Тейкер… дуэльный аватар, который умеет отбирать. Если плюс к этому он еще может пользоваться инкарнацией, вам с ним точно не справиться.

– К сожалению, все именно так, – тихо произнес Такуму. – Даже в ближнем бою в помещении, когда я должен был иметь перед ним преимущество, я ничего не смог с ним поделать, как только он начал применять систему инкарнации. В такой ситуации я не более чем бесполезный груз. И это… мне совершенно не нравится.

Такуму оперся лбом на сжатые кулаки. Пристально глядя на него, Нико снова фыркнула.

– Так значит, вы лично отправились в Нэриму… чтобы попросить меня обучить вот этого вот Пайла пользоваться системой инкарнации, да?

– Совершенно верно, Красный король, – кивнул Такуму. Нико ловко крутанула вилочку между пальцами и навела рукоять на двух друзей по очереди.

– Что ж, я сочувствую вашему положению. Но… честно говоря, это проблема другого легиона, более того – легиона другого короля. Не логичнее ли мне позволить «Нега Небьюлас»,

в котором собрались сплошные изгои, благополучно развалиться и тем самым избавить себя от лишней проблемы в будущем?

Не в силах вынести эти слова, Харуюки попытался было возразить. Но Нико еще не закончила.

– …Допустим, я так скажу. Тогда Кроу, который сидит рядом с тобой, скажет в ответ: «Разве ты не просила нас о помощи, когда проблемы были у твоего легиона? Думаю, за тобой большой должок». Или что-то в этом духе. Я права?

Харуюки, намеревавшийся сказать ровно эти самые слова, мог лишь пялиться на Нико.

Нико отпихнула правой рукой блюдо в угол стола, потом, сняв резиновые сапожки, закинула ноги на стол и сложила руки за головой.

– Блин, так ведь и думала, что когда-нибудь это случится! Но все равно, лекция по системе инкарнации – это плата с очень приличными процентами…

И Нико вздохнула. Не отводя взгляда от ее лица, Харуюки машинально подался всем телом вперед.

– Ээ, т-так ты поможешь?

– Ничего не поделаешь. Иначе вы еще обидитесь, и со стороны будет казаться, что я не плачу по счетам. Черт, если бы я знала, что так будет, заказала бы «Королевский дворец», а не «Клубничный лабиринт»…

Несмотря на грубость Нико, в груди у Харуюки разлилось горячее ощущение.

Как он и думал, ускоренный мир существовал не только для того, чтобы драться со всеми подряд на дуэлях. Пусть даже разные Бёрст-линкеры – соперники друг другу, существует и нечто большее. Да – существует дружба.

Не зная, как выразить переполняющие его чувства, Харуюки, будто в тумане, бросился на стол и крепко обнял ножку в белом носке. В следующий миг –

– Гяааа!!! Эй, ты чего все время хватаешь меня за ноги, похабник!

Одновременно с этим сердитым возгласом вторая нога Нико вмазалась в щеку Харуюки.

Первым указанием Инструктора Нико, по-прежнему дымящейся от ярости, было: «Достаньте из-под стола кабели и воткните в свои нейролинкеры».

Озадаченно склонив голову набок, Харуюки пошарил под столом – и действительно, там обнаружилось нечто вроде хаба, из которого торчали кончики автоматически сматывающихся XSB-кабелей. Он одновременно с Такуму вытянул на себя один из них,

но потом застыл, не решаясь подключиться к незнакомой сети.

Нико, спокойно воткнув кабель себе в нейролинкер, сказала:

– Словами я мало чему смогу вас научить. Поскольку радиоволны тут блокируются, нам для глобального подключения придется соединиться напрямую!

Она по-прежнему была рассержена, так что друзья предпочли поспешно сделать что было велено. Перед Харуюки появилось и исчезло предупреждение о проводном соединении.

Пробежавшись пальцами обеих рук по воздуху перед собой, Нико посмотрела на Харуюки, потом перевела взгляд на Такуму и строго произнесла:

– Так. Сейчас почти пять вечера. Я должна вернуться в общагу к шести, значит, с тобой я смогу оставаться около получаса, до полшестого, то есть где-то пятьсот часов в ускоренном мире… около двадцати суток. Тебе нужно освоить только боевое применение системы инкарнации. Если тебе не удастся, я больше ничего не смогу сделать.

На спокойные слова Красного короля Такуму тут же ответил:

– Нет… достаточно недели внутреннего времени. Мне этого хватит.

– Хоо. Ты в себе уверен, Профессор. Уж я проверю как следует, насколько серьезно ты настроен на самом деле.

Ухмыльнувшись, Нико в своем синем пиджачке и оборчатой юбке откинулась на спинку дивана.

– Значит, ныряем в «Безграничное нейтральное поле» по счету «ноль». Готовы?

Харуюки и Такуму точно так же, как Нико, откинулись спиной и затылком на спинку дивана и хором ответили «да».

– Тогда поехали. Десять, девять, восемь, семь…

Харуюки закрыл глаза, сделал глубокий вдох и –

Через секунду после того, как Нико произнесла «один», все трое выкрикнули команду, отправляющую в ускоренный мир.

Глава 5

Первое, что Харуюки ощутил, – жестокий мороз, как будто время отмоталось на три месяца назад.

Он робко открыл глаза, и все его поле зрения заполнили цвета в бело-голубой гамме.

Это был снег – и лед. Все вокруг состояло из сплошного льда, покрытого тонким слоем снега. А небо было затянуто молочного цвета облаками.

– Арена «Ледниковый период», да? Не люблю ее.

Харуюки повернулся вправо, на голос, и увидел девчоночий аватар в рубиново-красной броне, покачивающий антеннами на голове.

Размером он был немного меньше, чем Сильвер Кроу. Маска, на которой горели круглые симпатичные глаза-линзы, тело, практически лишенное острых углов, – все это выглядело как безвредная куколка.

На самом же деле этот дуэльный аватар принадлежал настоящему демону со страшным дальнобойным вооружением, демону, способному даже плачущего младенца заставить замолчать, командиру легиона «Проминенс» Скарлет Рейн.

Красный король взглянула на Харуюки и недовольным голосом поинтересовалась:

– Эй, Кроу, эта твоя металлическая броня холодоустойчивая?

– В ц-целом да…

Нико кивнула, потом вдруг с воплем «нечестно!» зачерпнула немного снега у себя под ногами и прижала к спине Харуюки.

– Ухяаааа!

– А ну ржавей давай! Давай, кому сказала!

– Ийёгууу! К-когда я говорю «устойчивая», я имею в виду чисто урон, а х-холодно тут все равно!

Он отпрыгнул в сторону, чтобы избежать морозной атаки, и тут сбоку донеслось внушительное покашливание. Харуюки и Нико одновременно повернулись в ту сторону и увидели крупный аватар в синей броне, стоящий скрестив руки. Это, разумеется, был Такуму, Сиан Пайл.

– О, точно, точно, – Скарлет Рейн отошла от Харуюки с немного смущенным видом и тоже кашлянула. – В общем, пока что – добро пожаловать в Нэриму. Хотя если бы не эта наша ситуация, на тебя бы тут же напали и вынесли!

Она порывистым движением распахнула руки в стороны, и Харуюки снова огляделся.

И сразу же ощутил, какое широкое здесь небо. Причину он

понял быстро. Троица стояла на пересечении замерзших дорог; здесь было не очень просторно, но в поле зрения не было почти никаких крупных объектов, которые бы загораживали обзор.

Разве что довольно высокий ледяной дворец возвышался чуть поодаль, к северо-западу. Мысленно сравнив то, что он видел, с картой города, Харуюки решил, что это муниципалитет Нэримы. И еще – далеко на востоке возвышалась здоровенная башня, верхняя часть которой растворялась в тумане. По-видимому, это был Саншайн-сити в Икэбукуро, в районе Тосима, там, где они сражались с Кром Дизастером. Ни других Бёрст-линкеров, ни «энеми» было не видать.

Харуюки набрал полную грудь холодного воздуха и сказал:

– А здесь просторно и уютно, правда!

Тут же в шлем Сильвер Кроу точно по центру угодил снежок.

– Ну и-извини, что тут ничего нет! У нас тут не Сугинами!!! – выпалила Нико (антенны у нее на голове встали торчком), потом отвернулась и продолжила: – Блин, все, разминка закончена! Начинаем урок, быстро! Вы оба, сели вот здесь!

Поняв, что его слова попали жительнице Нэримы в больное место, Харуюки переглянулся с Такуму, и друзья поспешно уселись посреди перекрестка.

Скарлет Рейн скрестила руки, выпрямилась во весь рост и бодро начала вышагивать перед друзьями… она внезапно стала совершенно другой.

Детскость, исходившая от нее до сих пор, начисто испарилась. Огонь в глазах-линзах засверкал ярче, и даже как будто бы весь аватар стал крупнее.

– Должна сказать сразу.

И голос ее тоже стал более четким… и холоднее, чем ледяной ветер арены.

– Прежде чем я начну обучать вас системе инкарнации, вы должны пообещать мне одну вещь.

Харуюки и Такуму сглотнули. Нико, посмотрев на них по очереди, отчетливо произнесла:

– Вы никогда не будете применять систему инкарнации, если только вас самих не атакуют с ее применением. Поклянитесь в этом честью Бёрст-линкера!

– …Ээммм, это потому что иначе ее применять – трусость? – вырвалось у Харуюки, но Нико мгновенно отвергла эту версию.

– Нет. Потому что в этой игре твой истинный враг – ты сам. В конечном итоге сила мысли существует не для того, чтобы побеждать противников, а чтобы противостоять собственным слабостям.

Харуюки и Такуму просто не могли как-то возразить. Кроме

того, они в принципе не собирались изучать систему инкарнации ради того, чтобы с ее помощью выигрывать в дуэлях. Они хотели всего лишь сражаться с применяющим эту систему Даск Тейкером.

Коротко переглянувшись, друзья в унисон воскликнули «клянусь!».

– Отлично. Если вы нарушите клятву, я уж позабочусь, чтобы вам выпал кошмарный денек, имейте в виду.

Харуюки отчаянно закивал, потом осторожно задал еще вопрос:

– …Эээ, это, но. По-моему, бывает трудно отличить, где обычные приемы, а где инкарнация… У меня такое ощущение, что я могу не разобраться, пока удар не пропущу…

– Эй, ты же уже знаешь основы, да? – удивленно ответила Нико и выставила вперед указательный палец правой руки. – Слушай внимательно: у техник с использованием инкарнации есть два больших отличия от обычных… Во-первых, даже если ты ей пользуешься, твоя шкала спецатаки не разряжается!

– А… ага, к-конечно, да… – кивнул Харуюки, но тут же у него вырвался следующий вопрос. – …Но что тогда делать, если ты в «Безграничном нейтральном поле» и шкалы противника не видно?

Нико выбросила второй палец и –

– На это есть второе отличие! Она сияет!

– Си-сияет? – переспросил Харуюки – уж больно туманным было слово. Ну да – если вспомнить, «световой меч» Харуюки сиял белым, как намекало название, и «волна пустоты» Номи тоже испускала фиолетовое свечение; но неужели это явление системного уровня, общее для всех приемов с использованием инкарнации?

Услышав неуверенный голос Харуюки, Нико чуть улыбнулась.

– Это не что-то неопределенное вроде «решимости» или «боевого духа». Слушайте внимательно: когда мы применяем инкарнацию, наше сознание и дуэльные аватары подсоединяются к «системе управления воображением». Когда воображения оказывается в переизбытке, система переполняется, и нестабильные сигналы принимают вид светящихся нематериальных частиц – в общем, получается свет. Как-то… так.

Нико сжала кулак по-прежнему вытянутой вперед правой руки.

Внезапно рука от кулака почти до локтя окуталась красным пламенем… нет, это было не пламя. Это было дрожащее алое сияние.

– …Зависит, конечно, от силы твоего воображения, но если

оно достаточно сильное, чтобы его можно было использовать в бою, то наверняка так получится. Мы это называем «оверрей»[6]. Понимаете, такого, чтобы от аватара постоянно исходил свет, никогда не бывает, если только он не применяет инкарнацию. Потому что обычные спецприемы если и дают сияние, то только на короткое время.

Нико резко убрала пламя с руки и подвела итог:

– В общем, если вражеский аватар постоянно испускает такую вот ауру, и плюс его шкала спецатаки не разряжается – это техника с инкарнацией. Но… даже в такой ситуации… если можете бежать – бегите. Отбивайтесь и сами применяйте инкарнацию только в тех сражениях, в которых необходимо победить любой ценой. Это понятно?!

…Естественно, у обоих друзей на языке вертелся вопрос «почему такое строгое ограничение?». Но от Нико, ожидающей ответа, исходила столь угрожающая аура (как от истинного короля), что Харуюки не стал углубляться в эту тему.

– …Понятно! – выкрикнул он в унисон с Такуму. Красный король, наконец-то приняв удовлетворенный вид, кивнула.

– Хорошо. Введение закончено.

Скрестив руки перед плоской грудью, она кашлянула и –

Неожиданно сказала нечто неожиданное.

– Сейчас вы, братцы, небось, так думаете. «Раз у системы инкарнации такие суровые ограничения, значит, она ужасно крутая, и если ее освоить, то все что угодно можно сделать». Так вот, это большая ошибка.

– …Э?.. – вырвалось у Харуюки, которого слова Красного короля изумили даже больше, чем угрожающая аура. – Н-не может быть. Сила инкарнации как раз ведь и должна делать невозможное возможным…

– Нет. Вникайте: инкарнация – ни разу не всемогущая сила. Усвойте это своими мозгами в первую очередь.

Заявив это голосом, в котором чувствовались языки пламени, Нико улыбнулась какой-то непонятной улыбкой и продолжила:

– Ты, кажется, недоволен, Кроу. Ты со мной не согласен?

Харуюки сглотнул слюну и нервно кивнул.

– А… ага. Потому что я… уже на собственной шкуре успел почувствовать, какая это потрясающая штука – инкарнация. И когда получал атаки, и когда сам атаковал.

– Пфф, а ты в себе уверен. Ладно, вставай.

Подчинившись поднятому указательному пальцу Нико, Харуюки робко встал. И, ощущая на себе взгляд Такуму, сделал несколько шагов вперед.

– Ну покажи нам эту свою потрясающую силу.

Этих слов Харуюки ждал и потому начал готовиться, еще вставая. Ответив коротким «хорошо», он подошел к одной из ледяных глыб, разбросанных поблизости.

Конечно, для короля Нико мои инкарнационные приемы – так, ничего особенного, но – давай-ка покажем ей что-нибудь, чего она не ожидает. Такие мысли и чувства жили в Харуюки. «Световой меч», который он освоил за неделю противостояния с отвесной трехсотметровой стеной старой Токийской телебашни, мог, между прочим, пронзать даже «волну пустоты» такого опасного врага, как Даск Тейкер.

Остановившись в метре от полупрозрачной голубоватой ледяной глыбы высотой с Сильвер Кроу, Харуюки чуть подсел. Расстояние было вполне подходящим – обычным ударом руки отсюда ни за что не достать.

Большой палец правой руки он согнул и вжал в ладонь, остальные четыре выпрямил. Чуть повернувшись телом вправо, поместил мечеподобную руку сбоку от тела.

Моя рука – клинок. Клинок, пронзающий все что угодно со скоростью света.

Свист холодного ветра, дующего над ареной, отступил, потом вовсе исчез. Все вокруг потускнело, лишь середина голубой ледяной глыбы виднелась отчетливо.

Вззз! Мелкая вибрация разошлась по всему телу Сильвер Кроу; белое сияние, которое Нико назвала «оверрей», появилось на кончике руки. Потом распространилось до запястья, потом еще дальше, почти до локтя.

– …Сси!!!

Все тело на миг охватил жар; Харуюки, чуть подвернув запястье, выбросил руку-меч вперед.

Раздалось высокое, чистое «кинн!»; из правой руки вырвался луч белого света и погрузился в самую середку ледяной глыбы.

Всего миг прошел после того, как луч исчез, – и вдруг что-то захрустело, по громадной глыбе прошла вертикальная трещина, и она раскололась надвое. Раздался тяжелый удар, и лежавший тонким слоем снежок облаком поднялся в воздух.

Харуюки выдохнул и снова выпрямился. Обернувшись, он услышал и увидел аплодисменты Нико. Такуму тоже искренне хлопал левой рукой по пикомету в правой.

– Хеее, у тебя более приличная техника, чем я ожидала. Впечатляет.

Харуюки поскреб в затылке и начал было отвечать на слова Красного короля «о, ну я бы так говорить не стал…», но Нико продолжила, и Харуюки застыл на месте.

– …Для первого шага первой ступени.

– …П-первого шага?

– Ну конечно! То, что ты сейчас показал, – один из четырех базовых приемов инкарнации, «Повышение дальности атаки».

– …Б-базовых? – обалдело переспросил Харуюки.

Нико жестом показала ему, чтобы он сел на место, кашлянула и продолжила:

– Значит, так. Может, это и называется так круто, «инкарнация», но, в конечном итоге, это четкая логика в рамках «Брэйн Бёрста»… иными словами, это просто система, которая управляется воображением игрока. Можно и по-другому сказать: мощное субъективное восприятие игрока заставляет бога этого мира… то есть систему ошибочно считать воображаемое реальным.

Алый аватар ненадолго замолчал, чтобы сделать небольшую передышку, и медленно продолжил, стараясь впечатать каждое слово в мозг своим ученикам.

– Но чтобы вызвать это явление, воображение должно быть достаточно сильным, чтобы обмануть даже себя самого, – только тогда удастся обмануть систему. Это уже не просто «сила воображения», это «вера». И для того, чтобы создать в себе эту веру, нужны две вещи. «Опыт», приобретенный колоссальным временем, и «жажда», источник которой – абсолютная нехватка чего-либо. Если воображение не подкрепить этими двумя вещами, оно никогда не превратится в реальность.

– …Опыт и жажда… – хрипло повторил Харуюки. Чуть кивнув, Нико отошла на несколько шагов и, свободно свесив руки по бокам тела, произнесла:

– …Специальная услуга. Показываю один раз, так что смотрите внимательно.

Едва это услышав, Харуюки и Такуму разом пересели в сэйдза. Чтобы ничего не пропустить, они выпучили глаза настолько, что те, казалось, вот-вот вывалятся из шлемов.

Маленький девчоночий аватар, стоя на перекрестке, повернулся на юг и –

Внезапно светло-красная огнеподобная аура окутала левый кулак Скарлет Рейн, совсем как в прошлый раз.

– Вот первая из четырех базовых техник, «Повышение дальности атаки», – произнесла Нико голосом, начисто лишенным эмоций, после чего выбросила вперед левую руку с такой быстротой, что та словно бы расплылась в воздухе. Послышался хлопок, как от кнута, и вперед унеслась прямая огненная полоса.

Мгновение спустя ледяная стена в тридцати метрах от аватара с шипением испустила облако белого пара. Когда оно

рассеялось, в середине стены обнаружилась громадная дыра, сквозь которую легко смог бы пройти человек. По краям дыры цвет льда из голубого стал черным; насколько она получилась глубокой, понять было невозможно.

Двое ошеломленных мальчишек смотрели во все глаза; однако монотонный голос, доносящийся до их ушей, еще не смолк.

– А вот вторая базовая техника, «Повышение подвижности».

На этот раз огненная аура окутала ее маленькие ноги. Аватар быстро подсогнул колени – а потом исчез.

Нет, глаза Харуюки различили какой-то смутный силуэт. Сзади! Он быстро развернулся – да, Нико стояла там, уперев руки в боки. Она с легкостью преодолела метров тридцать от того места, где стояла изначально. Приглядевшись, Харуюки увидел на льду тонкий след, от которого поднимался белый парок. Не дав друзьям времени перевести дух, фигура Нико вновь исчезла из виду – лишь тихий шорох раздался. Она обогнула Харуюки с Такуму, оставляя за собой белый след, и вернулась туда, где была раньше.

Это было нечто.

По дальности ее атака бесконечно превосходила «световой меч» Сильвер Кроу, а скорость ее пробежки была намного выше, чем у налетающего мотоцикла Эш Роллера.

Сжав кулаки в попытке справиться с эмоциональным шоком, Харуюки, однако, не упустил ни одной детали и был готов к следующей демонстрации.

Однако.

Алый аватар гибким движением развел руки в стороны и произнес:

– Все.

– Н-но, – этот голос принадлежал Такуму. – Ты же сказала, что есть четыре базовых техники…

– Да. Третья – «Повышение силы атаки». Четвертая – «Повышение прочности брони». Но… *ими я пользоваться не могу.*

– Т-ты не можешь?! Базовую технику… даже король, даже Нико не может?!

Сердито глядя на Харуюки, у которого вырвался этот возглас, но не повышая тона, Нико ответила:

– Да, так и есть. Потому что… я сама знаю, что не такая уж сильная. Это «душевная рана», которая стала источником моего аватара… Скарлет Рейн.

Ее миленькая маска задралась к снежному небу. Красный король, один из сильнейших людей, правящих ускоренным миром, аватар, обладающий ужасающей огневой мощью, продолжил монолог. Голос Нико звучал как-то одиноко.

– …Я боюсь всего мира. Чем ближе я к нему, тем больше он меня ранит – всеми мыслимыми способами. «Брэйн Бёрст» впитал мое стремление держать его подальше от себя и создал этот аватар. Огневая мощь Скарлет Рейн – это как иголки ежа. А я внутри него – всего лишь слабая, бессильная малявка… Потому-то я и не могу своим воображением усиливать атакующую и оборонительную мощь своего аватара. Теперь вы понимаете, Кроу, Пайл? Это и есть абсолютное ограничение системы инкарнации.

Какое-то время лишь свист холодного зимнего ветра звучал над миром снега и льда.

Харуюки, опустив глаза, размышлял над словами Красного короля.

Нельзя сказать, что он много знал о Нико, Юнико Кодзуки, в реальном мире. Не помня лиц своих настоящих родителей, она поступила в начальную школу, которая служила заодно и общежитием. Вот и все, что она ему рассказала. Но жизнь явно ранила Нико так сурово, что Харуюки и вообразить не мог. Раны были настолько тяжелы, что даже в виртуальном мире, облачившись в свой аватар, она не могла поверить в собственную силу.

Если так…

Совершенно ясно, что мой аватар – проекция желания «улететь отсюда куда подальше». Руки, чтобы тянуться к тому, что не достать. Крылья, чтобы сбежать туда, куда никому другому не добраться. Вот почему я смог освоить «Повышение дальности атаки» и научиться перезаряжать «Ураганный двигун», то есть освоить «Повышение подвижности». И по этой же причине я вряд ли смогу улучшить оборонительные навыки через «Повышение прочности брони».

Но. Даже если все так и есть. Я хочу верить… в слова, которые она *столько раз мне повторяла. «Ты можешь измениться»…*

– …Иными словами, ситуация такая, – прервал долгое молчание голос Такуму. Харуюки резко поднял голову и взглянул на сидящего рядом с ним Сиан Пайла. – Человек может овладеть только теми видами инкарнации, которые сочетаются с природой его дуэльного аватара. И наоборот: даже если человек овладел инкарнацией, то, что он не может сделать, он все равно не сделает.

– Совершенно верно, – кивнула Нико и повернулась к Харуюки. – Возьмем, к примеру, «Повышение дальности атаки», которое нам Кроу показал. В принципе, Сильвер Кроу эта техника не нужна, у него ведь с самого начала были скорость и способность к полету. Впрочем, это оптимальный путь для того, чтобы научиться пользоваться силой воображения. То же самое можно сказать и про технику, которую я вам только что показала. Я выпендрилась и проделала во льду громадную дырку, но если бы я даже не пользовалась воображением, с этой штучкой… – она похлопала по кобуре на поясе. – С этой штучкой я бы куда легче сделала дырку, причем большего размера. Спрашивается, тогда зачем вообще нужна инкарнация?

Глядя на замолчавшую Нико, Харуюки склонил голову набок и принялся ворочать мозгами в поисках ответа. Но тут – конечно же – ответ дал Такуму, сидящий в сэйдза.

– Потому что от атаки инкарнацией можно защититься только инкарнацией, да?

– Точно. Система инкарнации определяет исход атаки-защиты быстрее, чем система обработки движений передает информацию игре. Это все равно что у врага лазерная винтовка, а у тебя всего лишь дубинка и кожаный щит. Уж кто-кто, а Профессор, который уже испытал на себе атаку инкарнацией от Даск Тейкера, когда сам ничего не знал, должен отлично понимать, насколько это несправедливо.

– …Да, это для меня было серьезным ударом. Эта атака Даск Тейкера, когда он своими когтями раздирал абсолютно все, – это, видимо, «Повышение силы атаки», но ощущение такое, что он даже с кулаком мог дать сто очков вперед любому острому оружию…

Нико фыркнула, уперла руки в боки и сказала:

– Короче, если ты собираешься серьезно драться с Даск Тейкером, тебе абсолютно необходимо освоить либо «атаку», либо «броню»… И вот тут-то мы наконец подошли к главному…

В голосе Красного короля вдруг появилась редкая для нее нотка нерешительности.

– …Ты правильно сказал, овладеть силой инкарнации, которая не сочетается с природой твоего аватара, почти

невозможно, сколько ни бейся. Поэтому кое-что я обязательно должна у тебя спросить с самого начала. …Пайл, основное свойство твоего аватара – «ближний бой» или «дальний бой»?

– Эээ?!

Этот возглас вырвался у Харуюки. Переводя взгляд между Нико и Такуму, он обалдело произнес:

– Это… это же ясно уже, что он ближнего боя… да? Такого насыщенного синего аватара даже в Синдзюку нечасто встретишь.

– Я тоже так считаю, но в то же время это его «Усиленное вооружение»…

– А… – и Харуюки вновь уставился на громадный пикомет, надетый на правую руку Сиан Пайла от локтя и ниже.

Это «Усиленное вооружение» со страшной силой выбрасывало вперед встроенный в него стальной стержень. Его пробивная мощь была столь велика, что однажды во время сражения с Сильвер Кроу (металлическим аватаром, между прочим) эта пика одним ударом пронзила его броню.

В принципе, это все еще вписывалось в понятие «ближний бой», хотя и на пределе, но проблема в том, что сильнейшей спецатакой Сиан Пайла был «Лайтнинг сиан спайк». При этом пика заменялась на световой луч, который выстреливался. Досягаемость этого луча была больше пятидесяти метров, и уж это-то явно расценивалось как дальнобойная атака.

Несколько секунд Харуюки смотрел на пикомет, не в силах отвести взгляда –

Потом резко поднял голову и тут же опустил обратно.

Дуэльный аватар создается из шрамов на сердце своего обладателя. Внешность и «Усиленное вооружение» Сиан Пайла должны воплощать страхи и желания Такуму. Харуюки давно уже решил для себя, что сюда он лезть не должен.

Однако –

– Все нормально, Хару, – тихо произнес Такуму, и Харуюки робко поднял взгляд.

– …Т-Таку…

– У меня еще вчера вечером, когда я услышал от тебя про систему инкарнации, предчувствие появилось. Что я ее смогу освоить, только если вытащу на свет свои шрамы…

– Т-тогда я пойду сейчас.

– Нет, я хочу, чтобы ты тоже услышал. Потому что на самом деле я должен был все рассказать гораздо, гораздо раньше…

Сев ровнее, Такуму взглянул прямо в глаза сперва Харуюки, потом Нико и принялся рассказывать.

– …Думаю, Сиан Пайл – по сути аватар ближнего боя, как по нему и видно. Почему тогда он изначально получил

дальнобойное снаряжение?.. Скорее всего, потому что в нем зашит мой страх.

– …Страх?..

Чего вообще может бояться Такуму – Такуму Маюдзуми, у которого есть и хорошая внешность, и способности, и вообще все?

Повернувшись к Харуюки, который, хоть и в полном замешательстве, все же внимательно слушал, Такуму пояснил:

– В третьем, четвертом и пятом классах начальной школы надо мной страшно издевались. Я даже думал спрыгнуть с крыши дома, причем не раз и не два.

– !..

Харуюки застыл, как приморожeнный. *Нет, не может быть – чтобы над Такуму издевались?..* Такие мысли вихрились у него в мозгу. Словно утешая Харуюки, Такуму продолжил тихим голосом:

– Вполне естественно, что ты не замечал. Это все происходило не в школе и не дома, а в секции кендо, куда я ходил. Я… нескромно, пожалуй, так говорить, но, думаю, у меня весьма неплохие задатки для кендо. Я начал заниматься весной, когда перешел в третий класс, и, по-моему, осваивал технику довольно быстро. Мой статус в секции тоже быстро рос, и я уже начал побеждать старшеклассников. Но… это случилось в конце второго семестра. Когда тренера в додзё не было, кучка старшеклассников предложила мне поотрабатывать колющие удары.

– К-колющие удары, но…

– Да, да, это запрещено до старшей школы. Я им сказал «нет». Но «поотрабатывать» – это был всего лишь предлог. Они связали мне руки за спиной и стали тыкать синаем мне в горло, и еще, и еще. Мне было очень страшно, хоть я и был в шлеме… Я им кричал «прекратите, отпустите». Потом и голос потерял… Когда они меня наконец отпустили, у меня был жуткий синяк, даже под протектором. Даже сейчас… – Сиан Пайл поднял правую руку, провел по левой стороне шеи и вздрогнул. – …Там остался шрамик, который не проходит. И потом похожие штуки были еще. Но я не ушел из секции. Нет – я *не мог* уйти. Я не мог рассказать родителям… Хару, Ти-тян. Что я ушел, потому что надо мной измывались.

– …Таку… Я… ничего не замечал, совсем…

Лишь это удалось выдавить Харуюки. Но Такуму легонько покачал головой, будто говоря: «Ничего, нормально».

– Естественно, я мог пожаловаться родителям и тренеру. Но Общественных камер в додзё не было, а нейролинкеры мы снимали – наш тренер считал, что так правильнее, – так что у

меня не было доказательств… Хотя нет, думаю, дело в другом – я потерял волю сопротивляться. По пути в додзё я много раз думал, что хорошо бы просто исчезнуть… Все это продолжалось, пока главный в той шайке не перешел в среднюю школу. Когда он перестал приходить в додзё, я был так рад…

Эти слова и вздох, который за ними последовал, Харуюки вполне мог понять и посочувствовать им, словно они относились к нему самому.

Однако рассказ Такуму на этом не завершился. За тихим «но» последовало неожиданное признание.

– Когда я перешел в шестой класс, я заметил у себя некую привычку. На тренировках все было нормально, но в поединках я на автомате уходил в оборону, когда противник наводил синай мне в горло. Это была страшная дыра в моей технике. Я изо всех сил пытался от нее избавиться, но чем сильнее я сосредотачивался, тем сильнее эта привычка проявлялась… С того самого дня страх получить этот ужасный удар в горло во мне засел намертво. Ну, поскольку колющие удары правилами запрещены, мне до сих пор удается это кое-как скрывать, но когда я перейду в старшую школу, то больше не смогу. Я просто не смогу ни принимать на себя колющие удары, ни наносить их.

Прервав свою речь, Такуму взглянул поочередно на безмолвную Нико, на сидящего рядом с ним Харуюки и наконец на «Усиленное вооружение» в своей правой руке, а потом спокойным тоном закончил рассказ:

– Этот пикомет олицетворяет мой страх… и одновременно гнев по отношению к колющим ударам. Я хотел поставить к стенке в рядок тех гадов, которые издевались надо мной тогда, и одному за другим проткнуть глотку своей стальной пикой… Вот почему мой дуэльный аватар, хоть и ближнего боя, обзавелся не мечом, а колющим оружием, Красный король.

Его последние слова были обращены к стоящему молча алому аватару.

Дослушав долгий монолог до конца, Нико кивнула и произнесла:

– Я поняла, какой у тебя «шрам». Значит, вот из-за чего бОльшая часть твоего потенциала ушла в «Усиленное вооружение», которое противоречит остальному твоему аватару… В таком случае, Пайл, твой противник – твоя собственная пика. Если ты пересилишь свой страх, то сможешь овладеть «Повышением силы атаки» как настоящий боец-рукопашник.

Сделав это заявление суровым голосом, Нико повернулась к Харуюки и спросила:

– …Ну ладно, мы с Профессором тогда начнем практическое

занятие, а… ты что будешь делать, Кроу? Останешься с нами?

– Ээ… эмм.

Харуюки, отчаянно моргая, стряхнул с глаз слезы, проступившие, когда он понял наконец двоих стоящих перед ним людей, и ответил:

– …Нет, думаю, будет лучше, если я вас покину. Потому что… не могу толком высказать, но…

– Спасибо, Хару, – кивнул Такуму. Харуюки неловко улыбнулся и встал. Потом перевел взгляд на Нико и добавил:

– Думаю, я сейчас попробую еще кое-что выяснить. Как Даск Тейкеру удается не попадать в дуэльный список.

– Да, это никак нельзя оставлять без внимания. Если подумать – это даже более серьезная проблема, чем атаки инкарнацией. И еще – у меня такое ощущение, будто я недавно уже слышала что-то похожее…

– Э… п-правда?!

Харуюки необдуманно кинулся к Нико, но Красный король резко оттолкнула его и заорала:

– Говорила уже, чего ты все время на меня так кидаешься?! Это слух, просто слух! И кое-кто другой об этом больше знает, чем я, у него и спрашивай!

– Э? Г-где он?

Харуюки невольно заозирался, но вокруг, естественно, никого не было.

– Поймешь, когда разлогинишься. Портал на первом этаже муниципалитета Нэримы.

– А-ага…

Нико холодно пожала ему руку, давая понять, что встреча окончена, и Харуюки зашагал прочь – но.

– Ой, погоди еще чуток!

Услышав эти слова, Харуюки снова развернулся.

– Ч-что?

– Насчет этой техники «Повышения дальности атаки», которую ты использовал. У нее есть имя?

– И… имя?! – воскликнул, почти взвизгнул Харуюки, услышав столь неожиданный вопрос. Нико ткнула в его сторону указательным пальцем и громко затараторила:

– Это вовсе не для какой-то детской фигни, не чтобы казаться крутым! Насколько крута твоя инкарнационная техника, зависит только от твоего духа и воли. Но в идеале ты должен ее активировать с такой же легкостью, как обычные способности и спецатаки. У тебя три секунды ушло, чтобы подготовить прием и активировать его. Это страшно медленно! Поэтому ты сначала должен дать технике имя, а потом оно станет триггером – как

только ты его произнесешь, воображение соберется само. Так что давай, придумай имя, прямо сейчас придумай!!!

Уаааа! Мысленно завопив, Харуюки в панике принялся шевелить извилинами, уставившись на руки.

– Эээ… клинок… меч… свет… зн-начит…

Подняв глаза, он промямлил:

– Ла… «Лазерный меч» пусть будет.

– Пф, отстой.

Нико начала смеяться над именем, которое Харуюки с таким старанием придумал и которое сам он считал очень классным, и потому Харуюки огрызнулся:

– А эти-то твои «дальность» и «подвижность», про которые ты раньше говорила!

– Дурак, это было для обучения.

Услышав знакомое покашливание, Харуюки поспешно взглянул на Такуму и поскреб в затылке.

– Нет, эммм. Эээ, Таку, это… ну, удачи!

Харуюки неуклюже поднял большой палец правой руки. Сиан Пайл поднялся на ноги и, ответив тем же жестом, сказал:

– И тебе, Хару. Но постарайся ничего безрассудного не предпринимать.

– Знаю. Вечером расскажу, что получилось.

Друзья кивнули, и Харуюки вновь направился к муниципалитету Нэримы. Пробежав несколько шагов, он в последний раз обернулся и прокричал:

– Нико! …Спасибо!!!

В ответ до него донесся привычный бодрый голос с оскорбительными интонациями:

– Заткнись и отвали уже!!!

Глава 6

Через портал, установленный в холле муниципалитета Нэримы, Харуюки вернулся в реальный мир.

Сделал глубокий вдох, привстал с дивана. Отключая XSB-кабель, он повернул голову и увидел сидящего рядом Такуму – глаза за стеклами очков были закрыты, дыхание спокойное.

Сейчас сознание его друга продиралось сквозь суровые тренировки в совершенно ином временном масштабе, чем у Харуюки сейчас. Нет, простыми словами вроде «тренировки» этого не описать. Такуму смотрел в лицо собственным ранам, которые много лет загонял в самую глубину души, и старался их одолеть.

– …Таку, постарайся, – еле слышно прошептал Харуюки и выпрямился.

С другой стороны стола полулежала одетая в форму начальной школы девчонка с невинным спящим лицом. На самом деле она не спала, но… Как бы там ни было, сейчас она больше всего походила на ангелочка. Харуюки мысленно сказал ей «спасибо», потом открыл массивную дверь и вышел из радиоизолированной комнаты в коридор.

…И тут.

– Сюда. Скорее.

Этот голос раздался откуда-то сверху, и Харуюки, вздрогнув, поднял голову.

Перед ним стояла, вне всяких сомнений, та самая официантка, которая недавно принесла Харуюки и компании торт и напитки.

Длинное платье виноградного цвета с рукавами-фонариками. Поверх него – белоснежный передник с умеренным количеством оборчатой тесьмы. Белая кружевная лента на голове, немного более красный, чем платье, бант над грудью.

Короче, она была одета в форму горничной. На вид официантка была моложе, чем Харуюки показалось, когда он смотрел издалека. Довольно высокая, но, похоже, она все еще училась в старшей школе. Волосы были зачесаны по бокам, образуя идеальный пробор, сзади ниже лопаток опускалась коса. Лицо у нее было довольно суровое, а глаза с чуть закошенными вверх уголками усиливали эту суровость раза в два.

…Это из-за того, что я рано вышел? С Нико и Таку все будет в порядке?

Несмотря на эту мысль, Харуюки пока что просто кивнул и попытался сбежать из коридора в магазин. Но.

– Не туда.

С этими словами девушка резко схватила его за ворот блейзера, и голова Харуюки отчаянно мотнулась назад.

Харуюки офигел. *Что еще за обращение с клиентом кондитерской со стороны официантки, да еще одетой как горничная?!* Впрочем, следующие слова девушки усилили его замешательство в десятки раз.

– Выйдем через черный ход. За мной, *Сильвер Кроу*.

– …Чего?!.

Мысленно вопя «айкакпоганоменяраскололиврealeeeeeee», Харуюки на автомате кинулся в бегство, но, поскольку девушка продолжала крепко сжимать его воротник, это привело лишь к тому, что Харуюки чуть не задохнулся. Несмотря на стройную фигуру, хватка у официантки была просто страшная.

– Бежать не нужно. И даже если сбежишь, уже слишком поздно.

После того как девушка произнесла это высоким, но сипловатым голосом, Харуюки неохотно оставил попытки удрать и развернулся.

Горничная-сан смотрела на Харуюки сверху вниз с абсолютно непроницаемым выражением лица, потом, выпустив наконец ворот его блейзера, произнесла будничным тоном:

– Скарлет Рейн сказала помочь тебе. Мое имя «Блад Лепард»[7]. Когда обращаешься, зови меня «Лепард», не «Блад». Сокращенно «Пард», не «Лепа».

– Пого… ди секун… дочку, – каким-то чудом сумел выдавить Харуюки, изо всех сил пытаясь въехать в ситуацию.

«Спроси того, кто больше знает».

Красный король Нико четко сказала это Харуюки, прежде чем он разлогинился. Но Харуюки, естественно, предположил, что этого «кого-то» он встретит в ускоренном мире.

Но, судя по всему, эта вот горничная-сан, показавшаяся Харуюки в реале, и была тем самым Бёрст-линкером из Красного легиона, который «больше знает». Кроме того, она же работала в этом магазинчике. Иными словами, здесь была не просто кондитерская, а что-то вроде базы «Проминенс»…

Когда он додумал до этого места, горничная-сан, которую теперь уже следовало звать «Блад Лепард» (сокращенно – «Пард-сан»), с явным нетерпением произнесла:

– Я ждала две секунды. Дальше будешь думать на ходу.

Длинная юбка мягко заколыхалась, когда девушка развернулась и решительно зашагала к двери в конце темного коридора.

Дверь, похоже, и была черным ходом; она располагалась возле гаража за кондитерской.

Горничная-сан поводила пальцами в воздухе, и ворота гаража, выходящие на дорогу, начали открываться. Похоже, Блад Лепард была той еще торопыгой; она выставила палец в сторону Харуюки, будто не могла позволить себе тратить время на ожидание, и сказала:

– Командир мне сообщила только одно. Есть Бёрст-линкер, который подключается к локальной сети, но не появляется в дуэльном списке. Ты хочешь узнать, как он это делает. Это так, кей?

Она задала вопрос, использовав суперкороткую фразу, в которой и без того маленькое слово «окей» сократила еще больше. Харуюки в ответ кивнул.

– А… ага, все так и есть.

– О перехвате списка я слышу впервые, но слышала о «локальносетевом тролле».

Услышав эти слова, неожиданно произнесенные горничной-сан, Харуюки машинально подался вперед и нетерпеливо переспросил:

– Ло-локальносетевой тролль?.. Кто он?

– Я мало что знаю. Похоже, в одной сети есть Бёрст-линкер, который влезает, дерется и исчезает, прежде чем его вызывают на реванш.

– И г-где эта «одна сеть»?!

– Акихабара.

Услышав мгновенный, короткий ответ, Харуюки на этот раз отшатнулся назад.

– …Ак-кихабара, если я правильно помню, – территория Желтого легиона…

– Да.

Глядя на горничную-сан, которая кивнула как ни в чем не бывало, Харуюки сглотнул.

Всего три месяца назад Красный король Нико оказалась в смертельной опасности, угодив в коварную ловушку Йеллоу Рэдио, Желтого короля, правящего легионом «Крипт Космик Саркус». Харуюки и остальные члены «Нега Небьюлас», сопровождающие Нико, тоже попали в засаду с участием десятков игроков, и им пришлось очень тяжело, так что, можно сказать, «Нега Небьюлас» сейчас был с Желтым легионом в более враждебных отношениях, чем с другими из шестерки больших легионов.

Конечно, Харуюки очень хотелось собрать информацию, но в то же время ему недоставало смелости соваться в логово такого

врага. Он закусил губу.

Нет, сейчас я не могу позволить себе бояться. Мне уже повезло, что я узнал, что в Акихабаре есть ключ. И потом, если я там пролезу в число зрителей какой-нибудь обычной дуэли и там подслушаю, как говорят об этом, то мне самому, может, и не придется драться…

Так Харуюки думал, пытаясь собрать в себе хоть чуть-чуть храбрости.

Тем временем Блад Лепард, несколько секунд стоявшая молча, отрезала:

– Кей. Мы выдвигаемся.

– Э?

…«Выдвигаемся» – в смысле, в Акихабару? Она тоже идет со мной? Надеюсь, не в этом наряде?..

Горничная-сан вновь схватила Харуюки за ворот и, не произнося ни слова (будто давая понять, что вообще не собирается больше ничего говорить), вошла в гараж. Ее полуботинки глухо стучали по земле.

Там, внутри, всем видом внушая почтение, стоял…

…здоровенный, больше двух метров в длину, электрический мотоцикл.

Это «нечто» не имело ничего общего с обычными электроскутерами, мирно ездящими по улицам. Всю его тушу покрывал блестящий красно-черный обтекатель, переднее и заднее колеса, каждое с собственным встроенным мотором, были ужасно толстыми. Несмотря на то, что покрытие рычагов активной подвески было настолько потрепано, что уже практически ее не защищало, в целом мотоцикл выглядел очень обтекаемым и приземистым, будто прильнувшим к земле.

– Офи… геть… – вырвалось у восхищенного Харуюки. Тем временем Пард-сан взяла с полки возле стены что-то круглое и бросила ему. Харуюки машинально поймал этот предмет и лишь потом взглянул на него – это был красный открытый шлем.

– …Чего?

Не сводя глаз с Харуюки, не понимающего, что происходит, Блад Лепард быстрым шагом подошла к нему и забрала шлем обратно.

Потом вдруг нахлобучила его Харуюки на голову. После чего одной рукой мастерски застегнула пряжку у него под подбородком.

Потом она надела свой шлем – черный и глухой – прямо поверх наголовной ленты, поправила выбившуюся из-под него косу, в очередной раз схватила Харуюки за ворот и усадила на двухместное сиденье мотогромадины.

…Нет. Не может быть. Погодите. Погодите минутку.

Харуюки только успел мысленно прокричать эти слова, а горничная-сан, так и не сняв одеяние горничной, уже оседлала мотоцикл и взялась за грубые рукоятки своими тонкими руками, на которых вдруг оказались кожаные перчатки.

– Включить.

Похоже, это была голосовая команда – приборная панель мотоцикла тускло зажглась. Рычаги активной подвески, торчащие вперед и назад, чуть спружинили.

Поскольку нейролинкер Харуюки тоже подключился к процессору мотоцикла, в поле зрения открылись окошки спидометра и индикатора заряда батареи. Одновременно он услышал слова Блад Лепард, но не голосом, а мыслями, через беспроводное соединение.

«Хватайся».

«Ээ, эмм, не, но…»

Едва он успел так подумать, как перед ним возникли две ладони и вцепились в его запястья. Харуюки почувствовал, что его руки тянут вперед и заставляют сомкнуться на тонкой талии горничной-сан прямо поверх передника. Похоже, эта девушка следовала принципу «не повторять одно и то же дважды».

Хотя Харуюки уже наполовину сдался (все равно, похоже, сбежать отсюда нереально), все же он спросил:

«А… эмм, ты так и поведешь в таком виде?»

«Тратить время на переодевание бессмысленно».

«И… и это, с магазином все будет в порядке?»

«Моя смена до пяти. Если есть еще вопросы, задавай все сразу».

«…Больше нет».

«Кей».

После чего горничная-сан непринужденным движением врубила мотор.

ВРРРРР. С бездонным рокотом посреди тишины гигантский мотоцикл выскользнул из гаража кондитерской.

На часах в правом нижнем углу поля зрения было 17.08. Дождь уже успел прекратиться, прорехи между плывущими на запад облаками светились суперским оранжевым светом.

Ой, я забыл в магазине зонт. Ладно, Такуму потом заберет.

Пока Харуюки с трудом ворочал эти мысли в явно эскапистской манере, электромотик медленно и практически беззвучно выехал из квартала Сакурадай. Похоже, Блад Лепард, хоть и кажется очень нетерпеливой, все-таки водит безопасно –

Харуюки почувствовал, как напряжение уходит из плеч, и как раз в эту секунду мотоцикл, добравшись до большого

перекрестка, свернул вправо, на седьмую кольцевую.

ВРРРАААААА!!! Встроенные в колеса моторы резко взвыли, и стрелка голографического спидометра скакнула вверх.

Длинная юбка перед глазами Харуюки захлопала на ветру. Поток воздуха нажал на визор его шлема.

– …Аааааааа!!! – завопил Харуюки реальным голосом.

Громадный мотоцикл с водителем в одежде горничной и учеником средней школы в школьной форме съехал с седьмой кольцевой на улицу Мэдзиро и решительно устремился на восток.

…Кстати сказать. В нынешнее время случаев превышения скорости мотоциклами и автомобилями просто не было. Потому что система управления машиной автоматически выставляла ограничитель скорости на уровне разрешенного на данной конкретной дороге максимума. Если кто-то захочет разогнаться сверх предела, ему придется либо незаконно перестроить всю систему, либо приказать ей войти в режим чрезвычайной ситуации и временно отключить управляющий ИИ. Разумеется, отключение ИИ без уважительной причины тоже незаконно, так что в обоих случаях нужно быть готовым познакомиться с наручниками.

Мотоцикл, которым управляла Блад Лепард, естественно, не был модифицирован ни одним из этих способов и летел со скоростью 80 км/ч – предельно допустимой на улице Мэдзиро; однако от нуля до максимума он разгонялся за невероятно короткое время. Естественно, круглое тело Харуюки то и дело мяли ускорения, которые он никогда прежде не испытывал в реале, и всякий раз он вскрикивал. Вдобавок ко всему его живот давил на стройное тело Пард-сан, которую он обхватил руками; Харуюки просто уже не знал, что делать.

…Слава богу, что я сижу сзади. Иначе бы я чувствовал не ее спину, а грудь. Нет, стоп, это «иначе» же вообще невозможно?

Пока он ворочал эти мысли в идущей кругом голове, мотоцикл въехал на улицу Сотобори в Иидабаси. На этой небольшой улочке в центре города было полно машин; водители электромобилей и скутеров, замечая мотоцикл с Пард-сан и Харуюки, начинали изумленно моргать.

Это было вполне естественно. Ослепительная горничная в белоснежном переднике едет в сумерках на громадном спортивном мотоцикле, какие мало кто из людей видит в наши дни, – та еще картина. Мало того – у нее за спиной еще и среднешкольник приютился.

Не в силах вынести многочисленные взгляды, впивающиеся в них, пока они ждали на светофоре, Харуюки опустил голову и

мысленно произнес:

«…Э-эмм, мы просто потрясающе выделяемся».

«Да».

Краткий ответ Пард-сан, явно намекающий, что это все для нее не имеет значения (нет – она правда думала, что это не имеет значения!), вовсе не обескуражил Харуюки, и он продолжил:

«…П-по-моему, так вот заявляться на территорию ККС немножко опасно».

На этот раз ответ был подлиннее.

«Эн-Пи[8]. Наоборот, мы не вызовем подозрений».

«Ээ?»

Больше отвечать она не стала и, когда светофор загорелся голубым[9], врубила полный газ. Двигатель выстрелил их вперед, как молнию. Харуюки задохнулся.

Смысл ответа Пард-сан он понял уже после того, как мотоцикл въехал на многоэтажную парковку на западном краю Акихабары и они вдвоем пошли пешком.

Едва они выбрались на главную улицу, пронзающую весь квартал электроники с севера на юг, в глаза Харуюки бросились по меньшей мере три горничных. Ну, разумеется, это были ненастоящие горничные – впрочем, Блад Лепард тоже, но все равно; они с улыбками раздавали прохожим голографические листовки, рекламирующие, похоже, какой-то магазинчик. Да уж, единственное внешнее различие между этими девушками и Пард-сан – их улыбающиеся лица.

– Понятно…

Сообразив наконец, в чем дело, Харуюки снова вгляделся в Неспящий город, Акихабару.

Квартал был перестроен в начале двухтысячных и стал выглядеть очень модерново и интеллектуально. Но позже цены на землю упали, основные продажи бытовой электроники переместились в Икэбукуро и Синдзюку, банки, сильно ослабшие во время экономической депрессии тех времен, ушли отсюда, собственность раздробилась между множеством владельцев – словом, в 20-е годы в квартале воцарился такой же хаос, как в прошлом веке.

Сейчас, в 2047 году, здесь располагалось дикое количество мелких магазинчиков, где продавалось все, что имело отношение к электричеству, сетям и субкультурам. В витринах выстроившихся вдоль улицы магазинов сияли неоновые огни, в каждой что-то свое – полное разнообразие; находиться здесь было все равно что в центре галактики, в окружении бессчетного множества звезд всех мыслимых ярких цветов.

Если сейчас Харуюки подключится к Глобальной сети и

согласится принимать рекламную информацию без ограничений, его поле зрения мгновенно забьется голографическими листовками, рекламирующими детали для нейролинкеров, компьютеры в рассрочку, всяческие программы… за этими листовками он вообще видеть что-либо перестанет.

– Класс… – выдохнул он, блаженно купаясь в информационном хаосе, который уже нельзя было назвать реальностью, только виртуальным миром; но тут его снова ухватили за ворот.

– Сюда.

Блад Лепард, у которой окружающее, похоже, особо сильных эмоций не вызывало, двинулась по забитому покупателями тротуару на север, волоча Харуюки за собой.

В итоге она его привела к особо шумному зданию, вход в которое был не непосредственно с улицы, а чуть в глубине.

С первого взгляда Харуюки не сумел понять, что это за магазин. Над входом мигала неоновая вывеска «QUADTOWER», внутри царил полумрак. А еще оттуда вырывалось множество накладывающихся друг на друга громких электронных звуков.

– …«Квадтауэр»? Что это?.. – спросил малость испугавшийся Харуюки.

– Ге-цен.

После этого короткого ответа Пард-сан решительно вошла в магазин. *Что еще за ге-цен?* С этой мыслью Харуюки засеменил следом.

Значение этого слова стало ясно, как только он спустился по короткой лестнице и шагнул на темный пол.

На бетонном полу плотными рядами стояли доисторические игровые автоматы – здоровенные, с устаревшими ЭЛТ-экранами и джойстиками. Из всех динамиков безостановочно лилась игровая музыка, звуки ударов и взрывов. Игроки, полулежащие на креслах с откинутыми спинками, сосредоточенно молотили по клавишам.

Пока Харуюки, стоя у входа, обалдело смотрел на происходящее, возле стоящих в два ряда игровых автоматов победно вскинул руки один из игроков, и тут же толпа зрителей на заднем плане подняла шум. По другую сторону ряда с убитым видом встал паренек. Похоже, эти двое сражались друг против друга на двух машинах.

Один из зрителей – точнее, одна – тут же села за освободившийся автомат. Ярко одетая девушка, смахивающая на какого-то игрового персонажа, достала из кармана серебряную 100-иеновую монетку и сунула в щель посреди автомата.

– По… понятно, – сухим ртом прошептал Харуюки. – Ге-цен – это значит гейм-центр. А эти машины – «аркадные игровые

автоматы»!

Харуюки продолжал говорить возбужденно, но Блад Лепард, как обычно, ответила коротким «да» и снова двинулась вперед.

Харуюки, хоть и понимал важность цели, которая привела его в этот квартал, не мог подавить в себе желания тоже сесть за одну из этих машин; один-то разок ничего не изменит! С такими громадными контроллерами он раньше дела не имел, но на домашней игровой приставке, управляемой с геймпада, он столько играл в 2D-файтинги, что даже устал от них.

Но, увы, у него не было с собой этих старинных штук, 100-иеновых монет – ни в карманах формы, ни в сумке. Если как следует поискать, где-то здесь наверняка найдется автомат по обмену электронных денег; но стоит ему только разлучиться с Пард-сан в этом большом и темном заведении, может случиться ужасное… его, вероятно, отругают. Так что Харуюки, едва не плача, отказался от этой идеи.

Когда в его голове с ооооочень большим запозданием всплыл вопрос «А зачем, собственно, она притащила меня сюда?», Харуюки погнался за качающейся косой на фоне платья горничной, и совсем скоро они оба оказались возле дальней стены заведения, где был лифт.

Страшненький древний лифт проглотил Харуюки и Пард-сан и с грохотом понес их вверх. Остановился он на четвертом этаже.

За открывшейся дверью царила атмосфера, абсолютно ничем не напоминающая ту, что была в полуподвале; здесь было тихо, как в могиле. И тоже были ряды, но не игровых автоматов, а узких кабинок, разделенных внушительными на вид панелями. У правой стены стояли автоматы по продаже напитков.

Такого рода места Харуюки тоже были знакомы. Так называемые «дайв-кафе», предлагающие дешевые кабинки для Полного погружения в уединенной обстановке. Поскольку кабинки запирались, нырять отсюда было безопаснее, чем оставлять свое тело на открытом пространстве – в какой-нибудь кофейне или семейном ресторанчике.

Однако рядом с парковкой, где Пард-сан оставила мотоцикл, было полно дайв-кафе. Харуюки задумался, почему они пришли именно в это неблизкое заведение, но тут Пард-сан, быстро получив чек в автомате, широким шагом двинулась вглубь помещения. Харуюки неохотно последовал за ней.

Но –

– Входи.

То, на что указала Блад Лепард, было, вне всяких сомнений, одноместной кабинкой. Более того, когда Харуюки сделал что было велено, она сама зашла следом как ни в чем не бывало, так

что он просто не мог не уточнить:

– Э-эмм, здесь всего одно сиденье.

– Все двухместные кабинки заняты. Если мы вдвоем поместимся, все нормально.

Дав этот бесстрастный ответ, она задвинула дверцу, и крепкий на вид замок громко щелкнул. Подобрав длинную юбку, она затем уселась немного боком на откидывающееся кресло.

Когда Пард-сан отодвинулась своим стройным телом к самому краю, осталось сантиметров сорок свободного пространства. Однако толстый Харуюки влез бы туда с трудом. Там было бы *очень* тесно.

– …Эм.

Харуюки хотел было сказать: «Пойду закажу себе еще одну кабинку», – но горничная-сан его опередила:

– Эн-пи. Меня не заботит прижиматься к ребенку.

Зато меня еще как заботит!!! И вообще, если вспомнить первое условие возможности стать Бёрст-линкером, ты старше меня не более чем на три года!!!

Несмотря на этот мысленный крик души, Харуюки уже успел смириться с таким обращением и потому, пробормотав «т-тогда прошу прощения», сел рядом с Блад Лепард. Несмотря на то, что он пытался как можно сильнее отклониться от девушки и прижаться к ручке кресла, между его носом и грудью под

белоснежным передником оставалось миллиметра два.

Едва Харуюки почувствовал в воздухе сладковатый аромат, отдающий сливками и клубникой, у него закружилась голова, однако он вытерпел. Тут же до него донесся шепот с такого близкого расстояния, что, казалось, даже дыхание Пард-сан ощущалось.

– Первое. Установи аватар для Полного погружения, который нельзя связать с тобой в реале.

– …А, ага.

Кое-как снова запустив затормозившийся мыслительный процесс, Харуюки быстро влез на виртуальный рабочий стол и сменил аватар с розового поросенка, которым он пользовался в локальной сети средней школы Умесато, на зеленую ящерку, которую не применял раньше никогда.

– Г-готово.

– Второе. Когда нырнешь, иди в ворота «Акихабара BG».

– П-понял.

– Кей. Начинаю отсчет. Один, ноль.

…Обычно отсчет ведут как минимум с трех!

Одновременно с этой мыслью, мелькнувшей в голове Харуюки, два рта одновременно произнесли команду:

– Директ линк.

Фшшш! С этим звуком сознание Харуюки отделилось от тела и упало в черноту.

Снизу подплыло несколько ворот доступа. Поскольку от Глобальной сети Харуюки был отключен, все это были локальные сети, расположенные в этом здании, «Квадтауэре». Среди сверкающих надписей «Читайте сколько захотите!» и «Онлайн-игры бесплатно» обнаружилась и неприметная строчка «Акихабара BG».

Как только Харуюки потянулся к ней невидимой рукой, круглая иконка подплыла ближе, и его туда затянуло. Харуюки ощутил легкую задержку – признак того, что проводилась какая-то процедура идентификации.

Но совсем скоро он вновь ощутил движение, и наконец его ступни с металлическим стуком опустились на пол.

Подняв голову, Харуюки обнаружил себя в месте, которое можно было бы назвать или громадным баром, или клубом.

Стены и пол были из ржавых железных плит и проволочной сетки. Посередине было прямоугольное пространство вроде атриума; на полу первого этажа, окружающего этот атриум, и второго этажа стояли примитивные столы – просто железные плиты, установленные через равные промежутки.

За этими унылыми столами сидело множество аватаров, которые, видимо, тоже нырнули в этот бар. Все они были в тени, но когда Харуюки увидел их силуэты, то вздрогнул.

Это заведение было не в ускоренном мире, а в обычном виртуальном пространстве. И тем не менее Харуюки понял. Все они – Бёрст-линкеры. Иными словами, сеть под названием «Акихабара BG» была тем местом, куда могли подсоединяться только люди, у которых в нейролинкере установлена программа «Brain Burst».

Сглотнув горлом своей зеленой ящерки, Харуюки огляделся повнимательнее.

Следующее, что он заметил, – висящий на цепи в центре атриума большой четырехсторонний монитор. В тускло освещенном помещении символы на виртуальных дисплеях виднелись совершенно отчетливо.

На самом верху готическим шрифтом было написано: «TODAY'S BATTLE»[10].

Ниже – «18.00», скорее всего, текущее время.

Следующая строка: «"Фрост Хорн lv 5" 1.57 VS "Слейт Болт lv 4"[11] 3.22» – явно объявление о дуэли. Но Харуюки не понимал, что означают числа с десятичной точкой после уровней.

– …Эмм, это же… – тихо обратился Харуюки, закончив наконец глазеть по сторонам, к стоящей рядом Блад Лепард.

Ее аватар, естественно (или, правильнее сказать – ожидаемо), был без платья горничной. Все тело облегал черный кожаный гоночный комбинезон. Однако из ворота торчала вовсе не человеческая голова. Зверь – что-то из кошачьих – с красивым темно-красным мехом. Впервые за все время до Харуюки дошло, что имя «Лепард» похоже на «леопард».

Леопардоголовая гонщица глянула своими пепельно-золотыми глазами сверху вниз на ящерку Харуюки и ответила:

– «Акихабара Батлграунд»[12]. Священная дуэльная арена Бёрст-линкеров.

– С-священная?.. – переспросил Харуюки. Потом внезапно ему в голову пришла одна мысль, и он добавил: – Акихабара – значит, здесь база Желтого легиона, или как?

– Нет. Единственная абсолютно нейтральная зона во всей Акихабаре… За мной.

И, цокая сапогами, она пошла прочь. Харуюки засеменил следом.

В самой глубине бара находилась, естественно, стойка, сделанная из железных пластин. Блад Лепард текучим движением села на табурет посередине. Харуюки на раз-два взгромоздил свое ящеричье тельце на соседний.

– Добрый вечер, «Матчмейкер»[13].

При взгляде на аватар по ту сторону стойки, вскинувший голову в ответ на тихие слова Пард-сан, Харуюки мгновенно подумал: «Дворф!»

Низкое, кряжистое тело, спутанная борода. Очки в металлической оправе поверх запавших круглых глаз, громадный галстук-бабочка. Странно, что он не держал топор в грубых лапищах.

Дворфоподобный аватар сперва поднял взгляд на леопардовую голову Пард-сан и выгнул бровь, потом посмотрел на ящеричью голову Харуюки и хмыкнул, затем снова повернулся к Пард-сан и улыбнулся.

– О, да у нас редкий клиент. Сколько месяцев мы тебя не видели, Леопард[14]?

И голос был как у типичного дворфа – этакий баритон. Но раз уж этот аватар был подключен к здешней сети, управлял им тоже Бёрст-линкер, а значит, ему не больше 17 лет.

Впрочем, забивать себе голову подобными вопросами – глупо, да и невежливо. Пард-сан слегка пожала плечами и ответила коротко: «Восемь месяцев». Дворф с многозначительным именем «Матчмейкер» снова улыбнулся – его усы шевельнулись – и спросил:

– Что, заскучала по настоящим боям? Или пришла подзаработать на карманные расходы?

– Прости, но сегодня я пришла не ради дуэлей и не ради ставок.

После этих слов у Харуюки невольно вырвалось:

– Ста… ставок?!

Дворф поднял обе брови и качнул бородой в сторону огромного центрального монитора.

– Глянь-ка на те цифры. Это букмекерские коэффициенты.

– Коэффициенты…

Теперь, когда он это сказал, все стало очевидно. Числа 1.57 и 3.22 следом за именами участников дуэли могли быть только букмекерскими коэффициентами.

Иными словами, здесь делались ставки на исход дуэлей между Бёрст-линкерами.

– …И, и что тут ставят? Не-не-не-не бёрст-пойнты же, да? – хрипло спросил он. Дворф громко фыркнул.

– Дурачок, если бы мы тут ставили очки, азартные идиоты теряли бы «Брэйн Бёрст» один за другим. Конечно, ставят реальные деньги.

– Ре-реальные деньги…

Это тоже было достаточно плохо; собственно, частные

игорные заведения сами по себе были вне закона. Глядя на хлопающего губами Харуюки, Матчмейкер вдруг удовлетворенно усмехнулся.

– Ты еще не в курсе, сколько денег здесь заработала эта леопардоголовая сестрица?

– Не говори того, что неверно поймут. Одними ставками на бой ничего не заработаешь, и даже если выиграешь, получишь всего пятьсот иен. Гораздо меньше, чем за час подработки.

– …П-пятьсот иен… – вновь пробормотал Харуюки, все еще неспособный прийти в себя. Дворф довольно рассмеялся.

– Да, так тут все устроено. Максимум тут можно поставить три сотни за бой. Столько карманных денег дают обычно школьникам.

– …П-понятно…

Напряжение наконец начало было покидать плечи Харуюки, но тут голос Блад Лепард вернул его обратно.

– Кончаем с приветствиями, переходим к делу.

– Леопард, ты все такая же нетерпеливая. Если ты не хочешь ни драться, ни ставить, то зачем же пришла?

– Сегодня ты мне нужен как информатор. Мне нужна информация о «локальносетевом тролле»… Бёрст-линкере, который влезает в дуэльные списки, не подключаясь к сети.

Реакция дворфа на эти слова была весьма примечательной.

Едва он услышал вопрос Пард-сан, его глаза ошеломленно сверкнули и забегали. Убедившись, что в пределах слышимости нет других Бёрст-линкеров, Матчмейкер процедил еще тише:

– …О вмешательстве в дуэльный список я слышал в другом месте. Здешние слухи не такие детальные.

На этот раз уже Блад Лепард подняла брови на своем леопардовом лице.

– Спрашиваю я, не кто-нибудь.

– Мм… да, верно. Ну ладно, платить за информацию не надо, но взамен сами расскажете мне, что знаете.

– Кей. Расскажем, сколько сможем.

Матчмейкер кивнул и, перегнувшись над стойкой, заговорил голосом, идущим откуда-то из бороды.

– …Бёрст-линкер, который перехватывает дуэльный список… это большая проблема, от которой сейчас втихаря трясется вся сеть «Акихабара BG».

«Слушай сюда, мелкий».

Этими словами дворф начал рассказ, адресованный впервые пришедшему в этот бар Харуюки.

«Акихабара BG» – локальная сеть, к которой можно

подключиться из игрового центра «Квадтауэр». Бёрст-линкер, желающий участвовать в боях, должен сперва прийти в бар и зарегистрироваться как игрок у стойки. Потом система выбирает самую подходящую пару исходя из уровней и способностей, и на главном мониторе появляются время боя и коэффициенты.

Те, кто хотят сыграть, могут поставить любую сумму в пределах 300 иен до определенного времени. Потом (прямо перед назначенным временем боя) один из игроков ускоряется, выбирает другого из дуэльного списка, и поединок начинается. Вот так все устроено в общих чертах. Просто, да?

Первостепенное правило в этой локальной сети – никто ни с кем не имеет права драться, кроме тех, кого зарегистрировал Матчмейкер. Любой, кто нарушит это правило и ввяжется в дуэль против игрока, с которым ему удобнее иметь дело и который пришел сделать ставку или просто поглазеть, будет отлуплен сильными охранниками – в дуэли, разумеется, – а потом вышвырнут из локальной сети. Здесь священное место, на которое даже Желтый король, правитель Акихабары, не может наложить лапы.

– Однако, – продолжил Матчмейкер, отпив из бокала (Харуюки и не заметил, как этот бокал появился на стойке), – где-то неделю назад появился наглец, который не зарегистрировался как игрок и вызвал на дуэль одного из двух запланированных участников перед самым началом их боя. Поскольку у нас есть механизм, который фиксирует всех, кто ныряет в «Акиба BG» в первый раз, на следующий день, когда этот тип появился снова, охранники тут же ускорились, чтобы как следует его отметелить. Но. Хотя он явно подключился к локальной сети… в дуэльном списке его не было.

– !..

Харуюки резко втянул воздух.

Случай, рассказанный Матчмейкером. Это было в точности то же, что сейчас происходило в локальной сети средней школы Умесато.

Дворф отхлебнул своего янтарного напитка и стукнул дном бокала по железной плите стойки.

– В тот день он опять вмешался в назначенный поединок, победил своего противника и спокойно разлогинился. И на следующий день, и еще. Сейчас мы объясняем игрокам и посетителям, что это баг в системе регистрации игроков, но долго мы так делать не сможем. Да еще слухи о «локальносетевом тролле» расползаются. Если так пойдет и дальше, если этому типу так и позволят делать все что он пожелает, под угрозой

будет само существование «Акиба BG».

Харуюки сглотнул и робко спросил:

– Э, это… Как зовут этого Бёрст-линкера, который не появляется в списке?..

Имя, которое выплюнул дворф…

– «Раст Джигсо»[15].

…не совпало.

Невольно у Харуюки вырвался вздох облегчения, однако то, что это оказался кто-то другой, тоже представляло проблему. Ведь это значило, что Бёрст-линкеров, умеющих вмешиваться в дуэльный список, больше одного. А в системе «Brain Burst» такое умение дает *слишком* большое преимущество.

Матчмейкер подавленным тоном высказал похожее опасение.

– «Нельзя всегда выбирать дуэльного противника по собственному вкусу». Это одно из главных правил ускоренного мира. Даже если ты всегда вызываешь только тех противников, с которыми тебе удобно драться, нельзя заранее предвидеть, кто именно окажется в дуэльном списке. Пока ты ждешь, когда появятся подходящие, тебя самого вызовет кто-то, против кого ты слаб. Поэтому Бёрст-линкеры изо всех сил стараются не только оттачивать свои спецприемы, но и бороться со своими слабыми местами.

– …Да, так и есть.

– Но Раст Джигсо сейчас пользуется «Акиба BG» и при этом свободно выбирает себе соперников по вкусу. Если взглянуть на тот монитор, становится ясно, кто из Бёрст-линкеров в какой момент подключен. Так что ему достаточно просто выбрать себе противника, у которого он точно выиграет, и вмешаться непосредственно перед началом боя. Этот тип уже на одних дуэлях выиграл здесь больше ста очков. Я не могу его простить… не только как Матчмейкер, но и просто как Бёрст-линкер.

Произнеся эти жесткие слова, дворф пристально взглянул из-за круглых очков сперва на Харуюки, потом на Блад Лепард.

– Вот, собственно, и все. Теперь ваша очередь рассказывать. Сейчас здесь только я и охранники знают, что Раст Джигсо вмешивается в дуэльный список; где, черт побери, вы об этом пронюхали?

Харуюки кинул взгляд на сидящую слева от него Пард-сан и, шевеля ящеричьими губами, пробормотал:

– …Эмм, я не слышал о том, что здесь происходит. Просто другой Бёрст-линкер с точно такой же способностью объявился в локальной сети, куда я обычно подключаюсь… И я подумал, что вдруг кто-нибудь в Акихабаре что-нибудь об этом знает…

– Чтооо?! Еще один, и в то же время?!. Совершенно

недопустимо… – прорычал дворф и тут же задал естественный вопрос: – Где эта сеть?

– П-прошу прощения. Это связано с моей реальной информацией…

– Чего, это же все равно что я один тут распинался!

…И тут.

Наконец раздался тихий голос Пард-сан.

– Матчмейкер. Какой уровень и тип у Раст Джигсо?

– Хмм? Шестой уровень, как у тебя. Цвет – как имя намекает, цвет ржавого железа. Это тоже очень похоже на тебя; однако стиль боя совершенно другой. Он специализируется на том, чтобы биться с аватарами ближнего боя, держась при этом на средней и дальней дистанции, так что, честно говоря, у рукопашников вроде тебя против него плохие шансы.

…Пард-сан – рукопашник? Несмотря на то, что она в Красном легионе, да и «кровь» в ее имени тоже красная?

Вопросы, мгновенно вспыхнувшие в голове у Харуюки, начисто сдуло следующими словами Блад Лепард.

– Кей. Тогда я за информацию заплачу так. Зарегистрируй меня и парнишку командой и назначь противниками дальнобойщиков. Плюс отмени остальные бои. Тогда у Раст Джигсо не останется других соперников, и он выберет нас.

– …Ч-ч-чтооо?!

Харуюки в панике грохнулся с табурета, потом поднялся, держась за стойку. Дворф снова посмотрел на него подозрительным взглядом.

– …Леопард, твое-то имя здесь достаточно известно, чтобы ты могла быть приманкой… но для начала – кто вообще этот новенький?

На лице Пард-сан появилась едва уловимая улыбка, только намек; потом девушка прошептала дворфу на ухо:

– Его имя еще известнее, чем мое. Этот пацан – «Серебряный Ворон» из нового «Нега Небьюлас».

Из бороды Матчмейкера раздался тихий присвист.

Харуюки и Блад Лепард открыли каждый свое меню «Brain Burst» и зарегистрировали друг друга как команду. Теперь если любого из них вызовут на дуэль, на арену автоматически отправятся оба.

Когда Бёрст-линкеры объединяются в команду, эта команда появляется на самом верху дуэльного списка. Игрок-одиночка может вызвать такую команду, в то же время команде вызывать на бой одиночку, естественно, запрещено.

Как только на громадном центральном мониторе появились

имена «Блад Лепард» и «Сильвер Кроу», в баре поднялась суматоха. Отовсюду доносились возгласы типа «Эй, Леопард из Проми дерется!» и «Чего это она вместе с Вороном из НН?!». Числа, показывающие букмекерские коэффициенты, тут же забегали.

Отойдя от стойки и сев за унылый столик в углу бара в ожидании начала боя, Харуюки решил, что пора позадавать вопросы.

– …Эмм, почему мы деремся в команде? Этот Раст Джигсо ведь соло, он на двоих сразу не нападет, ведь так?..

– Не так, – качнула головой Пард-сан, поднеся к кошачьему рту коктейльный бокал. – Разница в уровнях – не по среднему уровню команды, а по сумме. Если нас вызывает одиночка, при поражении он почти не теряет, при победе получает много. Раст Джигсо любит очки, мы для него вкусная добыча. Я здесь известна как спец по ближнему бою, Джигсо – спец по спецам по ближнему бою, значит, у него преимущество. И… – ее золотые глаза обратились на Харуюки, она закрыла рот, но потом все-таки продолжила. – …Слухи, что ты больше не летаешь, уже разошлись. Если Раст Джигсо знает, шансов, что он нападет, еще больше.

Чувствуя одновременно боль и радость от того, что Блад Лепард хотя бы на секунду проявила сочувствие по поводу того, что он лишился крыльев, Харуюки быстро ответил:

– Ясно… если он вырубит меня сразу же, потом ему придется иметь дело с тобой один на один.

Кивнув, Харуюки последовал примеру Пард-сан, вновь поднесшей бокал ко рту, и тоже отпил свой виртуальный коктейль. Нахмурившись от необычного вкуса, он задумался.

Если допустить на минуточку, что Раст Джигсо как-то связан с Даск Тейкером и получил от него информацию о Сильвер Кроу, то Харуюки, естественно, следует быть осторожным. Потому что именно из-за Даск Тейкера Сильвер Кроу потерял крылья и стал слаб.

Проверив табло и убедившись, что до начала боя еще есть время, Харуюки задал следующий вопрос:

– Теперь… насчет того рассказа о предыдущих дуэлях… Матчмейкер сказал, что Раст Джигсо не появляется в дуэльном списке, но все-таки к локальной сети он подключается, значит, в реале он должен быть где-то в «Квадтауэре», да?

– Да.

– Тогда не можем ли мы как-то найти его реальное тело?

Пард-сан легонько пожала затянутыми в кожу плечами.

– Здесь ге-цен от полуподвала до третьего этажа и дайв-кафе

с четвертого по шестой. Сейчас здесь сотни посетителей, найти в толпе кого-то одного трудно. Но.

– Н-но?

– Возможно, способ есть.

– К-как?!

– Позже объясню. Важнее, – Пард-сан, сидящая на диванчике рядом с Харуюки, гибко пододвинулась, ее рот оказался у самого уха ящеричьего аватара, и на самой низкой громкости, чтобы голос наверняка не услышал никто из окружающих, она прошептала: – Ты не должен применять инкарнацию, пока враг не применит.

Харуюки резко съежился и кивнул, но не мог не сказать в ответ:

– А… ага. Мне и Красный король так сказала. Но… но почему? Ну да, я согласен, это нечестно, когда только одна сторона применяет такую сильную штуку. Но если противник сам нарушает правила ускоренного мира…

– Неправильно. Это не для противника, это для тебя.

– Э?..

Кстати, Нико тоже что-то такое говорила…

Тем временем Пард-сан придвинулась еще ближе и прошептала, в упор глядя Харуюки в глаза:

– «Сила воображения» рождается из дыры в сердце. Когда ты оттуда тянешь силу, ты сам постепенно приближаешься к ней. Если когда-нибудь проиграешь, тебя проглотит тьма этой дыры.

– Ть-тьма?..

– Проклятие «Доспеха бедствия», с которым ты сражался, произошло от беспечного применения инкарнации первым Кром Дизастером. Короли много лет скрывали существование системы инкарнации, потому что знали это.

– !..

Харуюки вновь задеревенел.

Силу инкарнации порождает жажда, вызванная абсолютной нехваткой чего-либо… Красный король Нико и это говорила. И заполучить эту силу невозможно, если не посмотреть в лицо своим шрамам.

– …Но, – прошептал Харуюки, словно пытаясь убедить не Блад Лепард, а себя самого. – Человек, который познакомил меня с инкарнацией, сказал так. Что инкарнацию рождает сила «желания». И что обратная сторона душевных ран – это «надежда».

Красная девушка-леопард, услышав это, тихо вздохнула и таким же шепотом ответила:

– …Я тоже верю в это. Но у системы инкарнации, как и у

самого «Брэйн Бёрста», есть две стороны. Напротив «надежды» – «отчаяние». Если за этой силой гнаться, что-то обязательно потеряешь. Думаю, и твой учитель – не исключение.

На миг в памяти Харуюки всплыл силуэт Скай Рейкер на серебряной инвалидной коляске. Ее ноги, которые утрачены и уже никогда не вернутся.

Быстро заморгав глазками своего аватара, Харуюки выплеснул свои полуоформившиеся мысли:

– …И все равно я хочу верить. В «силу воображения»… в силу «желания». Нет… в «Брэйн Бёрст», который меня спас.

– …

Блад Лепард начала было что-то говорить, но замолчала и, что нетипично для нее, молчала долго.

Наконец ее пристальный взгляд смягчился, и она прошептала, поднеся губы к самому уху Харуюки:

– Ясно. Все как Рейн говорила. Ты… может, именно ты для ускоренного мира –

Что она хотела сказать дальше, Харуюки не узнал.

За минуту до официального начала боя, объявленного на мониторе, по ушам Харуюки ударил сухой грохот. И в поле зрения появилась огненная надпись, сообщающая о появлении нового претендента.

Глава 7

Харуюки, уже в дуэльном аватаре «Сильвер Кроу», приземлился на водяной бак, стоящий на крыше здания.

Сплошные ряды магазинов на улицах внизу были все в неоновых вывесках – совсем как перед тем, как Харуюки нырнул. Множество огней и лазерных лучей подсвечивало низко висящие в ночном небе облака. Над головой парил аэростат с гигантской рекламной панелью, с улиц неслись объявления на непонятном языке.

Но, разумеется, это была не Акихабара реального мира. А 3D-арена, воссозданная по снимкам сети Общественных камер. Арена под названием «Торговый квартал».

Харуюки быстро пригнулся и проверил полосы хит-пойнтов в верхней части поля зрения.

Верхней левой была его собственная полоса. Прямо под ней – полоса поменьше, принадлежащая товарищу по команде, Блад Лепард.

А в правом верхнем углу сияла, как он и ожидал, полоса с подписью «Раст Джигсо». Затаив дыхание под серебряным шлемом, Харуюки уставился на маленький голубой курсор, появившийся в центре поля зрения. Противник был в той стороне. К счастью или к несчастью, на арене «Торговый квартал» в здания заходить было запрещено, как и на арене «Конец века», и потому, похоже, участников перенесло на некоторое расстояние от их изначального местонахождения.

Так, во-первых, надо найти Пард-сан…

Едва подумав так, Харуюки услышал сзади тихий голос и, вздрогнув, крутанулся на месте.

– Кей. Он клюнул.

Харуюки не слышал шагов, не ощущал присутствия, однако высокий, стройный аватар внезапно оказался у него прямо за спиной.

В целом очертания очень походили на аватар леопардоголовой гонщицы, который Пард-сан использовала в баре. Но вместо кожаного комбинезона все ее тело покрывала матовая темно-красная броня. Маска ее спереди была заострена, как пуля, а сзади переходила в острые кончики слева и справа, напоминающие уши; все вместе создавало ассоциацию с хищной кошкой.

На ее силуэте, в целом очень стройном и вытянутом, выделялись широкие, мощные бедра. Весьма проворный на вид аватар сел рядом с Харуюки, и Блад Лепард, Бёрст-линкер шестого уровня из легиона «Проминенс», продолжила шепотом говорить:

– Мы с тобой по ближнему бою, враг работает на средних и длинных дистанциях. Он попытается сперва разделить нас дальними атаками, потом снять тебя. Поэтому: не лезь в глупые

контратаки, главная цель – не отделяться от меня.

– …П-понял, – кивнул Харуюки. Полсекунды спустя –

Дзззззз! С той стороны, куда показывал курсор, послышался резкий вибрирующий звук, и Харуюки на рефлексах отскочил в сторону.

Через долю секунды водяной бак, на котором они только что находились, оказался рассечен на две равные части. Вода расплескалась по всей крыше. Стараясь не наступать на нее, Харуюки подбежал к Лепард – та отпрыгнула куда дальше, чем он, и теперь стояла, прижавшись спиной к вентиляционной трубе.

– Похоже, это была его дальнобойная спецатака, «Хил со»[16].

Вспомнив про способности Раст Джигсо, о которых они заранее узнали у Матчмейкера, Харуюки ответил на устрашающе быстрый комментарий Пард-сан, стараясь тоже говорить побыстрее:

– Это он выстреливает кольцевидную пилку. Но в такой темноте саму эту пилку мы не разглядим.

– Придется ограничиться слухом. Несколько подряд он, видимо, пускать не может; мы увернемся от следующей атаки и подберемся ближе.

– К-кей.

Кивнуть Харуюки уже не успел – снова раздалось «вззз!».

Вглядевшись, нет, вслушавшись в источник звука, Харуюки прыгнул вправо-вперед. Вращающееся с бешеной скоростью сверхтонкое, едва видимое кольцо мелькнуло слева, ровно там, где он только что стоял. Вентиляционную трубу рассекло надвое, и верхняя часть упала на крышу у него за спиной.

Но оглядываться Харуюки не стал, а со всех ног помчался за Блад Лепард, бегущей прямо перед ним.

Как он и ожидал, развиваемая багровым аватаром скорость была далеко не средней. Лепард передвигалась не столько бегом, сколько скачками. Всего в несколько таких скачков она достигла края крыши – и без тени колебания сиганула в воздух.

От их здания до того, что стояло напротив, через дорогу, было метров двадцать. Лепард с легкостью перемахнула через этот провал, заполненный неоновыми огнями.

…Мне тоже, что ли, прыгать?!

Не тормози, прыгай!!!

Направив эту мысль в правую ногу, Харуюки махнул вперед со всей силы. Воздух яростно засвистел в ушах, крыша следующего здания стремительно придвинулась.

Ноги Харуюки опустились на бетон в десяти сантиметрах от края. Но облегченно вздыхать было некогда. Потому что на крыше соседнего здания, соединенного с этим, он наконец-то

различил силуэт врага. Тот стоял прямо, и в огнях, освещающих арену, был отчетливо виден его ржавый цвет.

Раст Джигсо!

Харуюки мысленно выкрикнул:

Ты союзник Номи… Даск Тейкера?! Ты перехватываешь список тем же методом, что и он?! Что, блин, это у вас за секрет?!

Будто издеваясь над нетерпением Харуюки, Раст Джигсо развел руки в стороны и проворно повернулся. После чего неожиданно быстро отступил на соседнюю крышу.

– …Думаешь, сможешь слинять?! – тихо прорычал Харуюки. Пусть у него нет крыльев, но проиграть в скорости дальнобойщику – это просто…

– Стой.

Если бы Харуюки, среагировав на этот резкий приказ, не притормозил слегка, у него бы отлетела голова.

Внезапно он ощутил жестокий удар в горло. Ощущение было такое, будто в него впилось что-то очень тонкое. По горлу прошла вибрация, во все стороны брызнули оранжевые искры, точно кровь. И полоса хит-пойнтов чуток просела.

– Гхх…

Харуюки стиснул зубы и, отчаянно дернувшись всем телом, избавился от штуковины, въедавшейся ему в шею. Уже падая на спину, он наконец увидел. В воздухе – висела сверхтонкая нить; висела горизонтально в том самом месте, где несколько секунд назад Раст Джигсо развел руками. Пилка.

Харуюки упал навзничь, и тут же рука Блад Лепард ухватила его сзади и со всей силы дернула вверх. В следующий миг кольцевая пила, прилетевшая с соседней крыши, разорвала кровлю в том месте, где он только что лежал.

Затащив Харуюки в тень гигантской вывески, Лепард изумленным голосом произнесла:

– Хорошо, что ты металлик.

– Я… прости, я забыл… о втором приеме этого типа, о котором нам рассказали…

– «Стилл Со»[17]. Он помещает пилку прямо в воздухе в определенное место.

Золотые глаза под остренькой маской прищурились, и Лепард продолжила:

– Вблизи атаковать он не дает неподвижной пилой, а сам обстреливает кольцевой. Да, естественный враг рукопашников.

– …И ч-что нам делать?

Всего мгновение поразмышляв, Лепард ответила:

– Дай мне свою шкалу спецатаки.

И, не дожидаясь реакции Харуюки, вдруг открыла пасть, до

сих пор прятавшуюся под маской, и впилась острыми клыками в плечо Сильвер Кроу.

– Иии?! – пораженно вскрикнул Харуюки. Но то, что произошло следом, изумило его еще больше. Его шкала спецатаки, заполнившаяся на 30% из-за полученного только что урона, начала разряжаться, а шкала Блад Лепард – с такой же скоростью заполняться.

Забрав у Харуюки всю шкалу, Лепард отвела пасть и воскликнула:

– «Шейп чендж»[18]!

Опустив руки на бетон, ее аватар на миг ало вспыхнул и –

В мгновение ока она превратилась из «человека на четвереньках» в «прекрасного четвероногого зверя». Стройная спина выгнулась, плечи увеличились в размере, задние ноги приняли форму буквы Z, заряженной мощнейшей силой.

– Че… чего…

Уже в третий раз Харуюки был ошарашен происходящим. Блад Лепард тем временем обратилась к нему голосом, в котором заметно усилились звуковые эффекты:

– Забирайся.

Ясно было одно: если он так и будет стоять и пялиться, как идиот, его всего лишь еще раз укусят, поэтому Харуюки, по-прежнему в трансе, влез на гигантскую леопардовую спину. Прильнув к крыше, Лепард прыгнула в сторону, чтобы уклониться от очередной летящей в них кольцевой пилы, после чего понеслась в искрящейся неоновыми огнями ночи по прямой.

– …Кууу! – вырвался у Харуюки гортанный вскрик, когда они помчались на скорости, к которой уже не подходило простое слово «быстро».

Одним прыжком они покрывали метров десять, не меньше. Неоновые огни сливались в полосы, пролетающие мимо с обеих сторон.

На фоне неба четко выделялся черный силуэт Раст Джигсо, бегущего в нескольких крышах впереди. Не оборачиваясь, он на бегу то и дело раздвигал руки в стороны. Там, где он это делал, в воздухе повисали смертельные пилки, но на такой скорости, на которой Харуюки летел, он их совсем не видел…

У него начали возникать дурные предчувствия, и в тот же миг Лепард прыгнула вперед-вправо.

Она приземлилась на все четыре ноги позади ярко освещенной вывески и тут же снова прыгнула – на этот раз вперед-влево. Оттолкнулась от залитой неоновым светом башенки и снова полетела вправо. Несмотря на то, что она неслась зигзагом, избегая тех мест, где были развешаны пилки, а

враг бежал по прямой, расстояние между ними сокращалось.

Когда до Раст Джигсо оставалось три, нет, уже два прыжка, он развернулся и сделал то, чего раньше не делал.

Прочертив в воздухе большой круг правой рукой, он затем метнул его прямо в Харуюки и Лепард.

Вззз! Та самая вибрация. «Хил со». Но Блад Лепард, уже взлетевшая в воздух, никак не могла уклониться –

– Она твоя.

Услышав эти слова от аватара под собой, Харуюки машинально ответил «кей».

Несмотря на просто невероятную режущую способность, оружие Джигсо все же обладало уязвимостью. Ведь если летящая к шее Харуюки пилка имела форму кольца, значит, внутренняя ее поверхность не должна быть зазубрена. И, что еще важнее, это кольцо летело медленнее пули.

Конечно, если бы Харуюки не видел траекторию полета пилки, он вряд ли смог бы четко рассчитать время. Но в последний момент он поймал взглядом сверхтонкую черту, пересекающую залитое светом пространство. За миг до того, как пилка прикоснулась к правому плечу Блад Лепард – Харуюки изо всех сил ткнул правой рукой, пронзив ей кольцо.

Раздалось резкое «дзыннн!», и от пальцев Харуюки посыпались искры. Но пальцы не были перерублены; Харуюки поймал кольцо диаметром сантиметров пятьдесят и, изменив его траекторию, послал назад, себе за спину. По телу Раст Джигсо прошло что-то вроде дрожи, когда он увидел, что его сверхприем оказался парирован на убойной дистанции.

– Джи-джей[19].

С этой короткой репликой Блад Лепард совершила последний прыжок.

Она налетела на Раст Джигсо, как раз когда он разводил руками, подвешивая в воздухе очередную пилку, и –

Раскрыв пасть, впилась ему в правое плечо.

От столкновения Харуюки слетел со спины Блад Лепард и, лежа на спине, ошеломленно наблюдал за разворачивающейся перед ним сценой сражения – нет, скорее, охоты.

– Ггх…

Аватар Раст Джигсо, будто склепанный из стальных частей, отчаянно молотил левым кулаком по нависшей над ним багровой Лепард. Однако мощные клыки, впившиеся глубоко в правое плечо, сжимались, как тиски, и не отпускали.

Будь Джигсо аватаром ближнего боя, он бы еще мог перевернуть все с ног на голову. Хит-пойнты Лепард тоже снижались всякий раз, когда кулаки Джигсо достигали цели, но

его хит-пойнты падали гораздо быстрее. Периодически прокушенное плечо испускало световой эффект, красный, как настоящая кровь. Даже когда Джигсо, отчаянно изогнувшись всем телом, сумел-таки вырваться из хватки Лепард, та, словно решила уже, что ни за что его не выпустит, мгновенно прыгнула вперед и вонзила клыки ровно в то же самое место.

После бог знает какого по счету укуса –

– У… гуаааа!!!

Крик боли вырвался из-под маски Раст Джигсо, как будто аватар не мог больше сдерживаться.

Одновременно раздался жуткий металлический хруст, и правая рука Джигсо, оторванная в плече, грохнулась на крышу.

Полоса хит-пойнтов после потери части тела сразу обвалилась в ноль. Знакомый звуковой эффект, как от бьющегося стекла, – и аватар Раст Джигсо, развалившись на бессчетное множество осколков, исчез. Уже огненная надпись «YOU WIN!»[20] возникла в центре поля зрения Харуюки, а он все не мог встать.

…Вот это сила!!!

Одна лишь эта мысль крутилась в его занемевшем мозгу. Гигантская девушка-леопард, одной зубастой атакой уничтожившая врага, быстро подняла голову, взглянула на Харуюки своими золотыми глазами и коротко произнесла:

– Джи-джи[21].

После чего ускорение кончилось.

Даже когда краткое головокружение осталось позади и ощущение реального тела вернулось, Харуюки не сразу смог вспомнить, где он и что он тут делает.

Поэтому перед тем, как открыть глаза, он не смог сообразить, что это такое упругое прижимается к его лицу. Открыл глаза, тут же машинально закрыл обратно, в голове мелькнуло: «Что это сейчас было?» – и тут его потянули за воротник; резкий голос произнес:

– Вставай.

Харуюки подпрыгнул на месте и обнаружил, что, разумеется, сидит на откидывающемся кресле в одноместной кабинке в дайв-кафе на четвертом этаже «Квадтауэра». Поскольку «Brain Burst» по умолчанию сразу после завершения дуэли отключает и ускорение, и Полное погружение, они с Пард-сан, естественно, вернулись не в бар «Акихабара BG», а в реальный мир.

Девушка в костюме горничной, нырявшая в том же кресле, что и Харуюки, уже встала и отперла замок кабинки. Как только дверь открылась, девушка слегка высунула голову и быстро огляделась.

Харуюки встал с кресла, недоумевая, что она делает; но следующие слова Пард-сан подействовали на него как ледяной душ.

– Уходим. Сейчас у нас есть шанс вычислить его.

Вычислить. Вычислить кого? …Естественно, *реальную личность Раст Джигсо.*

Однако вопрос «Как, блин, мы это сделаем?» он отложил на полку и засеменил за косой, раскачивающейся поверх платья горничной.

Блад Лепард быстрым шагом направилась к лифту, не забывая внимательно оглядываться по сторонам. Как только она нажала кнопку «Вниз» и они с Харуюки вошли в лифт, Блад Лепард негромко затараторила:

– Я наносила постоянный урон справа от шеи Джигсо. Если болевую чувствительность одной точки так долго стимулировать, эффект останется надолго и после бёрст-аута. Будем искать вблизи входа человека, который ведет себя так, будто у него там болит.

– …П-понял.

Устрашающий метод вычисления. Но – да, возможно, это единственный способ оставить метку на реальном теле противника, находясь в ускоренном мире.

Как только лифт остановился на первом этаже, Харуюки, сглатывая слюну, прошел мимо мальчишек и девчонок, кайфующих за реалистичными дуэлями в игровые автоматы. Минимально шевеля головой, он зыркал по сторонам, но искомого поведения не видел. Все вокруг сосредоточенно таращились в древние дисплеи.

Харуюки и Пард-сан выбрались из помещения и вышли наружу, в деловито суетящуюся толпу. Быстро переглянувшись, они разошлись в разные стороны.

Харуюки пошел налево, сосредоточив всю свою нервную систему на разглядывании десятков проходящих мимо него людей.

Женщина, одетая как персонаж из игры и раздающая гололистовки. Трое парней, стоящих у стены дома и болтающих. Поспешно шагающий мужчина с уймой разноцветных бумажных пакетов в руках –

Взгляд Харуюки обратился на молодого парня, лишь на миг промелькнувшего позади других прохожих.

Потому что он четко увидел белую шею, на которой не было нейролинкера. Харуюки вздрогнул и сосредоточил на парне взгляд, и вдруг тот поднял левую руку и прижал справа к шее.

Это он?!

Харуюки перешел на бег и бросился за уходящим прочь парнем. Серая спортивная куртка. Выцветшие джинсы. Кожаная шапочка на голове. Длинные темно-каштановые волосы.

Опустив голову, парень быстро направлялся в сторону станции. По-прежнему прижимая левую руку к шее, он вдруг выбросил в сторону правую, отталкивая прохожего.

Харуюки на миг кинул взгляд через плечо, чтобы позвать Блад Лепард, но ее костюма горничной в толпе было не видать. Харуюки неохотно повернул голову обратно, и тут –

– Добро пожаааловать!

Одновременно с этим миленьким голосом прямо перед глазами Харуюки возникла рука, не давая пройти. Резко подняв голову, он увидел прямо перед собой улыбающуюся девушку, рекламирующую какой-то магазинчик. Скорее всего, она раздавала гололистовки, но их Харуюки не видел, поскольку не был подключен к Глобальной сети.

Харуюки покачал головой, всем видом показывая «не, спасибо», и дернулся вперед, мимо выставленной руки. Но.

– А… э?..

Он не видел того парня. Спина в серой спортивной куртке исчезла.

Закусив губу и бормоча мысленно «черт!», он прибавил ходу и принялся отчаянно вертеть взглядом во все стороны. Но парень, похоже, свернул куда-то за угол: сколько Харуюки ни бежал вперед, найти его снова так и не смог. В панике он вернулся назад тем же путем, на этот раз осматривая переулочки по обе стороны, но, естественно, парня и след простыл.

– …

Харуюки неохотно остановился и закусил губу. Прохожие толкали его, будто он мешал им идти, но их лица не задерживались в его памяти. В груди расплывались лишь презрение к себе и сожаление от потери ключа, который был уже почти в руках.

– Хорошая работа. Даже если видел его только со спины.

Несмотря на эти слова Блад Лепард, которые она произнесла, когда они снова соединились, Харуюки продолжал стоять, прислонившись к стене дома и не поднимая головы.

– …Прости, после всех трудов… ты так старалась, Лепард-сан…

Отвращение к себе за то, что он был бесполезен и в бою, и потом, во время преследования, тяжким грузом давило Харуюки на плечи.

Вдруг он ощутил, как рука опустилась на его взъерошенные

волосы.

– Ты тоже старался.

– …Э…

Невольно подняв глаза, он увидел, что на лице девушки, до сих пор абсолютно бесстрастном, появилось нечто вроде легкой улыбки. Пард-сан прошептала:

– Получился великолепный бой… Я передам Матчмейкеру описание человека, которого ты видел со спины. Если в следующий раз, когда он придет, мы его идентифицируем, то будем за ним наблюдать и, возможно, узнаем, как он перехватывает список. Как только мы поймем, как это работает, я сразу сообщу тебе.

– А-ага…

Если взглянуть с этой точки зрения, то надежда еще есть… можно ведь так думать?

Утешая себя, Харуюки тоже улыбнулся, хотя его улыбка получилась жалкой. Пард-сан передвинула руку с головы Харуюки на плечо и, вернув прежнее выражение лица, добавила:

– Сегодня Джигсо наверняка не явится больше. И вообще детям пора по домам.

Между прочим, Пард-сан сама училась максимум во втором классе старшей школы, но Харуюки все равно послушно кивнул.

– Да.

Блад Лепард подытожила вечернее приключение в своей всегдашней лаконичной манере:

– Кей, возвращаемся.

Было уже восемь вечера. Выбравшись из квартала электроники, становящегося все более многолюдным, и забрав мотоцикл с парковки, Харуюки и Пард-сан направились на запад тем же путем, каким ехали сюда.

В своем обычном динамическом стиле вождения Пард-сан резко вывернула с улицы Мэдзиро на седьмую кольцевую и направилась в Сугинами.

Когда они добрались до нависающей над головами скоростной линии Тюо, Харуюки произнес «здесь нормально», и Пард-сан ссадила его. Вернув ей шлем, Харуюки снова низко поклонился.

– Эмм… огромное тебе спасибо, правда… Тебе пришлось в такую даль отправиться из-за проблем другого легиона…

Блад Лепард тоже сняла шлем и качнула головой.

– «Акихабара BG» – дорогое мне место, так что это и моя проблема. И еще…

Она замолчала и отвела взгляд; потом Бёрст-линкер в

костюме горничной продолжила с каким-то застенчивым выражением лица:

– …Я хотела хоть раз лично тебя поблагодарить. Ты защищал Рейн в той истории с Кром Дизастером… Спасибо, что защитил моего короля…

– Ээ…

– Я хочу, чтобы ты и дальше оставался ее другом.

Блад Лепард впервые за все время, что Харуюки ее видел, улыбнулась чистой, открытой улыбкой и тут же быстро надела шлем. Мотор взвыл, громадный мотоцикл резко развернулся, выехал на противоположную полосу и умчался на север с устрашающей бодростью и напором.

Проводив его глазами, пока задняя фара не затерялась среди огней других машин, Харуюки с силой закусил губу – какое-то чувство с большим опозданием вспухло у него в груди – и еще раз очень низко поклонился.

Вернувшись в пустой дом, Харуюки кинул сумку на пол и лег – почти швырнул себя – на кровать.

…*Интересно, как там дела у Таку.*

Он подумал было сделать звонок, но двигать правой рукой было слишком тяжело. Физическая и ментальная усталость навалилась на него и не давала даже шевелиться.

Харуюки неподвижно лежал какое-то время, но веки становились все тяжелее, и в конце концов он встряхнул головой и встал. Сейчас спать было нельзя. Следовало поговорить с Такуму, пока воспоминания о произошедшем в Акихабаре еще свежи, да и домашка, которой его сегодня нагрузили, лежала нетронутая.

Он снял школьную форму, принял душ и поставил в микроволновку замороженную запеканку с морепродуктами. Пока она не сготовилась, Харуюки подключил нейролинкер к Глобальной сети и через голосовой вызов связался с Такуму.

«Привет, Хару».

Ответивший ему голос звучал совершенно обычно, и Харуюки облегчено выдохнул.

«Привет… ты как? Сегодняшнего дня тебе хватило, чтобы разобраться с этой штукой?»

В ответ на робко заданный мысленный вопрос с той стороны возникла тень неловкой улыбки.

«Эй, эй, обстоятельства, конечно, разные бывают, но так долго я не мог туда нырять. Ну, правда, неделю я там проторчал…»

«Т-так значит, ты инкарнацию освоил?..»

«Хмм».

Короткая пауза.

«Еще не настолько, чтобы пользоваться ей в настоящем бою, – так сказала Красный король. Но суть я ухватил».

«Понятно. Ну, зная твой характер перфекциониста – ты наверняка продолжишь в одиночку нырять в "Безграничное нейтральное поле" и там еще несколько лет тренироваться!»

Харуюки отправил эти мысленные слова вместе с облегченным вздохом. Такуму снова улыбнулся.

«Не настолько много сил у меня осталось. Ладно, важнее другое: что у тебя? Удалось что-нибудь узнать, как Даск Тейкер жульничает с дуэльным списком?»

«Там было кое-что неожиданное…»

Харуюки принялся пересказывать события, произошедшие после того, как он вышел из радиоизолированной комнаты в кондитерской; ту часть, где речь шла о Блад Лепард, он сократил насколько возможно. И все равно –

«…Хммм. Значит, пока я в гордом одиночестве потел на тренировке, ты опять устроил себе свидание с женщиной старше себя».

Это было первое, что сказал Такуму. Харуюки тут же запротестовал:

«Это, это вовсе не так было! И п-потом, ты тоже был с Нико всю неделю!»

«Прости, но она меня обучала только в начале и в конце, а когда как следует наиздевалась, сказала мне зарабатывать очки охотой на "энеми" и удрала».

«Вот… как…»

Прежде чем разговор ушел в еще более странном направлении, Харуюки силой вернул его к главной теме.

«Ладно, насчет перехвата дуэльного списка. Поскольку я облажался и не увидел Раст Джигсо в реале, сейчас нам остается только ждать информацию от менеджера "Акихабара BG"».

«Священное место для дуэлей… хех. Я только слухи об этом слышал, а она на самом деле существует, подпольная арена».

«Только там ни ставки, ни выигрыши не особо большие».

«Если бы не наша ситуация, я бы туда тоже сходил подраться, но…»

Такуму помолчал, потом сочувственно добавил:

«Независимо от результата, думаю, ты отлично поработал, Хару. Ты молодец. Теперь нам остается только надеяться, что этот менеджер быстро расколет, каким приемом пользуется Джигсо».

«Да… верно. Спасибо».

«Да, твой зонтик я забрал с собой. Ну, до завтра, увидимся в

школе».

Вздохнув одновременно с завершением соединения, Харуюки достал разогревшуюся запеканку и съел ее в одиночестве.

Потом прибрался на столе, вернулся к себе в комнату и взялся за домашку, но, как всегда, не смог сразу на ней сосредоточиться.

Вчера он пробился сквозь трюк Номи, позволяющий ему не появляться в дуэльном списке, на следующий день снова дуэлился; Харуюки чувствовал, что абсолютно вымотан, как и Такуму, освоивший систему инкарнации. В душе он ожидал – нет, даже предчувствовал такое.

Но, увы, тратить время на отдых было нельзя. Если Харуюки хотя бы на один день выключится из ситуации, Тиюри больше времени проведет во власти Номи. Харуюки стало больно даже при попытке представить себе, как они общаются между собой, пусть и всего несколькими словами.

Харуюки замотал головой и попытался сосредоточиться на голографическом окне перед собой. Он с огромным трудом переводил английские слова, однако тяжесть на сердце все не уходила.

Будто издеваясь над нетерпением Харуюки –

В тот же день, 17 апреля, команда из Даск Тейкера и Лайм Белл полновесно дебютировала в ускоренном мире. Харуюки узнал об этом на следующий день от Такуму.

Эта пара нанесла внезапный удар не в Сугинами, а в Синдзюку, мекке дуэлей в западном Токио. Команда, сочетающая «способность к лечению» Лайм Белл и комбо «способность к полету» плюс «дальнобойные атаки» Даск Тейкера, оказалась абсолютно непобедимой и выносила одного за другим самых разных противников.

Номи выстроил тактику совершенно логично. Не обладающую особой атакующей силой Тиюри он использовал как приманку, после чего уничтожал из огнемета тех, кто приближался, чтобы ее атаковать. Слепых зон просто не было; он действовал с безжалостной расчетливостью и не стеснялся при надобности и свою партнершу накрывать площадными атаками. Первые Бёрст-линкеры, сражавшиеся с ними, сгорали, вообще ничего не успев предпринять.

Когда два активных члена Синего легиона, вызвавшие их тоже командой, проиграли следом за остальными, Даск Тейкер стал вызывать в ускоренном мире даже больший шок, чем Сильвер Кроу полгода назад.

Глава 8

– Сто… сто процентов побед?!

На следующий день, 18 апреля, четверг. Большая перемена.

Сидя на скамейке на крыше средней школы Умесато, Харуюки потрясенно воскликнул:

– Это… это ты не преувеличиваешь, они правда ни разу не проиграли?..

Сидящий рядом с ним Такуму кивнул, положив на колени купленный в столовке сэндвич.

– Да, я слышал от знакомого в Синдзюку. Поскольку он, похоже, смотрел все бои Номи и Ти-тян, начиная с самого первого, это, видимо, правда… Он сказал, что когда шкала Даск Тейкера заполняется и он взлетает, ни один дуэльный аватар, никакого типа, уже ничего не может с ним поделать.

– …

В полном обалдении уткнувшись взглядом в свой недоеденный гамбургер, Харуюки через какое-то время кивнул.

– …Ясно, вот, значит, как… Рукопашники к нему не могут подойти в принципе, а дальнобойщики не могут его сбить в перестрелке, потому что у Даск Тейкера есть хилер.

– Да. …Не хочу тебя как-то принижать, Хару, но твоя «способность к полету» изначально настолько крута, что просто не помещалась в аватаре, если только всего остального у него не по минимуму. Но когда Номи отобрал ее у тебя, то совместил с дальнобойной техникой. Сейчас он совершенно не вписывается в общее правило «равный уровень – равные возможности». Да и тактически у Номи нет уязвимых мест…

Механически раздирая пленку, в которую был запакован сэндвич, Такуму потяжелевшим голосом добавил:

– Седьмые и восьмые уровни вчера, судя по всему, выжидали, не связывались с Номи; невозможно сказать, что будет, когда они им займутся, но… если Номи и тогда продолжит побеждать, ситуация станет гораздо серьезнее, чем я предполагал.

– В к-каком смысле?..

– …Хару, где-то в глубине души мы оба думаем примерно так. «Каким бы сильным ни стал Номи, когда командир… Блэк Лотус вернется, она решит все проблемы одним ударом», верно? Но…

Услышав эти слова, Харуюки едва не выронил гамбургер. Не замечая, что он сжимает его со всей силы и соус капает на колени, он хрипло выкрикнул:

– Т-Таку… Ты хочешь сказать, она проиграет?! Семпай

проиграет Номи?!

– Я тоже не хочу об этом думать! …Но как минимум мы должны признать, что Номи рассчитывает на это.

Харуюки заметил, что рука Такуму, пытающегося снять пленку с сэндвича, чуть подрагивает. Став еще бледнее, чем обычно, его лучший друг почти простонал:

– Да… думаю, Номи планировал это с самого начала. За неделю, когда командира нет, загнать нас троих в угол и собрать козыри, которые позволят ему противостоять командиру. Нет, не только противостоять. Он… *собирается уничтожить Черного короля, Блэк Лотус.*

– У… уничтожить?..

– Да. …В прошлом я охотился за Черным королем, просто потому что она в своем фальшивом аватаре не обладала боевыми способностями. Однако я всего лишь хотел отобрать часть ее очков. А Номи – он другой. Наверняка он собирается уничтожить Блэк Лотус в ее оригинальной форме и взять под контроль школу… нет, занять ее трон…

Харуюки замотал головой, словно пытаясь отогнать ледяное ощущение, карабкающееся по спине.

– Невозможно… как будто семпай может проиграть такому гаду!

Для Харуюки прекрасный угольно-черный аватар был единственной абсолютной сущностью в ускоренном мире. Какой бы Бёрст-линкер ей ни противостоял – пусть даже другой король – Харуюки верил, что она не может уступить.

Просто невозможно, чтобы Черный король проиграла нарушающему все правила «пользователю ускорения». Просто невозможно, но…

…Если я буду тянуть ее назад.

Если идиот, который позволил обмануть себя с помощью вируса, угодил на видео и даже лишился крыльев, притупит ее *мечи.*

Тогда может случиться худшее…

– …Хару.

Такуму вдруг с силой вцепился в плечо Харуюки.

– Хару, что бы ни затевал Номи, нам остается лишь одно. Сделать все, что сможем, до субботы.

– Все, что мы сможем… но что мы сможем? Мы совершенно беспомощны, пока он перехватывает дуэльный список.

Харуюки пробормотал эти слова пустым голосом; потом его лицо исказилось, и он продолжил:

– Или ты предлагаешь нам тоже отправиться в Синдзюку? Ты хочешь, чтобы мы вдвоем напали на команду Номи и вынесли

Тию?..

На этот раз Такуму замолчал надолго.

В конце концов он убрал руку с плеча Харуюки, зажмурил глаза за стеклами очков и тихо произнес:

– …Пожалуйста, не говори мне такие вещи.

– …Прости, – извинился Харуюки, повесив голову и протяжно вздохнув. – В конце концов, семпая и Тию нельзя сравнивать… Пока давай верить. Что ребята из «Акихабара BG» и Блад Лепард решат эту загадку…

Слова эти больше походили на молитву, чем на выражение надежды, но факт оставался фактом – других путей у Харуюки и Такуму не оставалось. Даже если они снова отправятся в Акихабару, это будет все равно что слепо брести по дороге.

Харуюки принялся усердно запихивать в рот раздавленный гамбургер, глядя в небо с редкими облачками.

Как только время перевалило за два часа, Харуюки выскользнул из класса, спасаясь от обычной холодной атмосферы, переобулся и на максимальной скорости выбежал со школьного двора.

Молясь всем сердцем, он подключил нейролинкер к Глобальной сети и проверил анонимный почтовый ящик, который он дал Блад Лепард, но –

– …Еще нет, да?..

Харуюки понимал, конечно, что так просто вряд ли могло получиться, но все равно от накатившего разочарования сник.

Черноснежка вернется с Окинавы уже послезавтра, в субботу вечером. Этого он ждал с нетерпением, с одной стороны, но в то же время хотел, чтобы она еще хотя бы денек оставалась в безопасности на Окинаве.

За оставшиеся 48 часов ему и Такуму необходимо раскрыть секрет Номи, уничтожить видеоулику и забрать назад Тиюри. Но сейчас Харуюки не мог поделать ничего, кроме как терпеливо ждать информацию.

Сгорая от нетерпения, Харуюки уткнулся взглядом в землю и зашагал домой в одиночестве. Такуму, естественно, ему компанию не составил – он пропустил секцию уже три дня подряд и теперь пошел туда.

Харуюки тащился домой под небом, грозящим вот-вот истечь дождем. Войдя в подъезд, он поднял глаза.

В дальнем конце коридора перед одним из двух лифтов спиной к нему стояла девушка в форме средней школы Умесато.

Короткие волосы до плеч. Криво висящая на боку спортивная сумка. Даже со спины Харуюки мгновенно узнал Тиюри. …Однако

почему она здесь?

Будучи членом секции легкой атлетики, Тиюри каждый день бегала на стадионе, пока школьное время не заканчивалось. Домой она обычно возвращалась на два часа позже Харуюки, не состоящего ни в каком кружке или секции. И когда он сегодня видел ее в классе, она вовсе не казалась простуженной.

Когда знакомая спина исчезла за дверями лифта, до Харуюки наконец дошло.

Она прогуляла секцию по приказу Номи. Чтобы дуэлиться в Синдзюку, как вчера вечером. Чтобы он снова использовал ее аватар в качестве приманки для врагов, чтобы она лечила Даск Тейкера, пока он парит в небе в полной безопасности.

– …Тию, – пробормотал Харуюки, и его кулаки сами собой сжались. Он не понимал, что это за чувство поднимается из глубины живота, чувство с температурой и плотностью расплавленного металла. Но этот жар подтолкнул Харуюки – он направился к лифту, впрыгнул туда, как только двери открылись, и неожиданно для самого себя ткнул пальцем в кнопку на две ниже обычной – 21 этаж.

Выйдя из лифта, Харуюки пошел по коридору, пока не остановился перед квартирой семьи Курасима. Без колебаний нажал кнопку звонка, и его ушей коснулся тихий звуковой эффект.

Тиюри через домашний сервер должна была уже знать, что посетитель – Харуюки.

Он упрямо стоял и ждал. Наконец раздался щелчок, и дверь открылась.

Мать Тиюри, наверно, пошла в магазин, поскольку в проеме стояла сама Тиюри. Похоже, она как раз переодевалась – блейзера на ней не было, развязанный синий бант свисал с ворота блузки.

Склонив чуть набок голову, Тиюри с внешним спокойствием произнесла одно-единственное слово:

– …Чего?

– Я зашел поговорить, – тут же ответил Харуюки. По правде сказать, он совершенно не думал, что именно собирается говорить, но его губы двигались почти сами по себе.

– …Ясно.

Вновь всего одно слово – и Тиюри, развернувшись, ушла обратно. Харуюки, затаив дыхание, вошел в дверь, снял туфли и направился следом.

Полгода назад Харуюки вот так же, под влиянием импульса, зашел в комнату к Тиюри.

Тогда он собирался устроить Прямое соединение с ней, чтобы выяснить, не Тиюри ли была неизвестным Бёрст-линкером по

имени Сиан Пайл, совершавшим тогда набеги в локальной сети средней школы Умесато.

Этот его визит тоже имел отношение к «Brain Burst». Однако ситуации были сколь сходны, столь же и различны. Сейчас Тиюри совершенно точно была Бёрст-линкером «Лайм Белл» и, по крайней мере внешне, по собственной воле выступала против Харуюки и Такуму.

Хлопнувшись на кровать и положив на колени одну из своих плюшевых тварюшек-подушек, во множестве валяющихся на полу, – видимо, какое-то морское животное, – Тиюри спросила:

– О чем ты хочешь поговорить?

Стоя возле двери, Харуюки, двигая губами, выдавил:

– …Ты прогуляла секцию, да?

– Ага.

После этого минимального ответа Тиюри он, нетипично для себя, продолжал смотреть на нее пристально, не отводя взгляда, потом задал следующий вопрос:

– Это тебе Номи велел?

– …И что, если да?

– Если да, то прекрати. Нельзя ставить «Брэйн Бёрст» выше реальной жизни.

Впервые за все время выражение лица Тиюри изменилось. Брови нахмурились, и она ответила голосом, в который вернулась острота:

– Кто бы говорил. Хару, сколько ты уже думал только о «Брэйн Бёрсте» и ни о чем другом?

– Это… это неправда. Я ни в каких кружках не состою, и я ни разу не забыл про домашку из-за него.

– Зато все остальное время ты только там…

Тиюри внезапно оборвала фразу и закрыла рот.

А потом неожиданно улыбнулась.

– Давай прекратим. Это просто игра. Не надо к ней так серьезно относиться.

Она весело улыбалась, но Харуюки, много лет видевший лицо Тиюри чаще, чем собственное, почувствовал тень неловкости за этой улыбкой. Однако Тиюри улыбнулась еще шире и сделала правой рукой знак V.

– …Знаешь, как круто? Я только вчера начала и уже на два уровня поднялась. Зрители говорили, за один день с первого до третьего уровня – самый быстрый результат за всю историю «Брэйн Бёрста». Я даже сбилась со счета, сколько раз меня приглашали в разные легионы.

– …Тию.

Голос как будто застрял у Харуюки в горле; он сделал шаг

вперед.

– Я только временно пропускаю секцию, так что можешь не беспокоиться. Скоро у меня все стабилизируется, я буду меньше драться и даже смогу дуэлиться соло. Я уже более-менее приспособилась –

– Тию!!! – почти выкрикнул Харуюки, а потом слова полились из него рекой. – Тию, ты подчиняешься Номи из-за того видео, так ведь?! Он сказал, что сдаст это видео, где я подглядываю, так?! Если так, можешь об этом не беспокоиться! Номи этим видео не может пользоваться, потому что даже он сам понимает, что, если сделает это, я сдам его реальную информацию другим Бёрст-линкерам. Эта дрянь… это видео он может только против тебя использовать, чтобы угрожать, а против меня нет, так что кончай из-за этого париться!

Говорить это все бесполезно. Умом Харуюки прекрасно это понимал.

Если Номи выложит свое видео, Харуюки почти гарантированно исключат из школы. Хуже того – не исключено, что его арестуют и после слушаний в суде по делам семьи отправят в дом заключения для несовершеннолетних.

Пока эта возможность существует, Тиюри будет слушаться Номи. Потому что – она Тиюри. Потому что она подруга Харуюки, которая всегда пытается его защищать.

– …

Тиюри опустила глаза и надолго замолчала. А потом снова улыбнулась.

– Все не так, Хару. Я просто хочу побыстрее набрать очки и повысить уровень. Я ведь это уже говорила.

– Это… это совсем на тебя не похоже! – выкрикнул Харуюки, и слезы против его воли побежали по щекам. – Это я, это только я во всем виноват! Я позволил ему играть со мной, как ему хотелось, взяться за мои слабые места, и вдобавок… Если даже тебя он заберет, я просто не знаю, что делать…

Харуюки плюхнулся на пол и повесил голову, и тут в его ушах –

Раздался наполненный слезами голос Тиюри.

Харуюки резко поднял голову. Его подруга все так же улыбалась, но по загорелым щекам бежали две дорожки слез.

– …Ты не понимаешь. Хару, ты меня совсем не понимаешь.

– Э?..

– Совсем… совсем ничего не понимаешь!!!

После этого возгласа Тиюри сделала нечто неожиданное.

Дрожащими пальцами она принялась расстегивать пуговицы своей белой блузки – сверху вниз, одну за другой.

Прямо на глазах у остолбеневшего, забывшего дышать Харуюки она, лишь мгновение поколебавшись, разом сдернула блузку. Тело Тиюри оказалось перед ним, совершенно неприкрытое, кроме лишь простенького лифчика.

Несколько дней назад, когда Харуюки, обманутый визуальным маскировщиком, вошел в женскую душевую, он увидел Тиюри вообще безо всего, но почему-то сейчас, когда она была перед ним в таком вот виде, это показалось ему очень важным, значимым и жутко долбануло по сознанию.

– …А так ты понимаешь? – дрожащим голосом прошептала Тиюри. – Даже если мой аватар в ускоренном мире подчиняется Номи, настоящая я… там, где ты можешь прикоснуться ко мне, если хочешь, Хару. Все еще непонятно? Меня никто не забирал, ничего такого.

Глядя на Харуюки горящими, хоть и влажными от слез, глазами, Тиюри говорила, будто стараясь впечатать в него каждое свое слово.

– Я все делаю по своей воле. И раньше, и буду делать.

Харуюки –

Не понимал.

Тиюри все делала по своей воле. Что это могло значить? Она имела в виду, что, как и сказала совсем недавно, она решила, что ей как Бёрст-линкеру выгоднее объединиться с Номи, чем с Харуюки и остальными? Что она объединилась с Номи, чтобы заработать больше очков?

Внезапно до Харуюки дошло, что за чувство в нем бурлило с того момента, как он увидел Тиюри у лифта, – это была ревность. Несмотря на то, что сам он любил Черноснежку и хотел, чтобы у Такуму и Тиюри тоже все было хорошо, это черное чувство в нем не погасло и вот теперь вспыхнуло с новой силой при одной мысли о том, что Тиюри на стороне Номи.

Однако Харуюки вытряхнул из головы эти мысли. Уткнув взгляд в пол, он произнес:

– …Прости. Пожалуйста, оденься обратно.

Он совершенно не понимал ни целей, ни намерений Тиюри.

Но он решил верить. Тиюри, наверно, тоже сейчас сражается. Она тоже старается справиться с проблемами своими силами. Он должен верить в это. Если он не сможет верить в то, что Тиюри ему говорила, он уже недостоин быть ее другом.

Встав на ноги и переведя взгляд на дверь (чтобы не смотреть на Тиюри, которая до сих пор не двинулась с места), Харуюки твердым голосом произнес последнюю фразу:

– …Я верю в тебя. Поэтому, пожалуйста, верь в меня тоже. Я не проиграю всяким Номи. Я обязательно верну все, что он у меня

отобрал.

После этого Харуюки открыл дверь и широким шагом направился к своей квартире.

Выйдя на балкон из гостиной, Харуюки положил руки на перила и посмотрел на небоскребы Синдзюку, возвышающиеся на востоке.

Под косыми лучами солнца скопление высоток, включающее в себя 500-метровый Дом Правительства, отбрасывало яркие отблески. И прямо сейчас среди тех небоскребов наверняка разворачивались ожесточенные дуэли.

Харуюки пока что никак не мог помешать Даск Тейкеру стабильно наращивать силу и славу.

Но, не желая сдаваться, он сжал пальцами перила и пробормотал:

– …Что-то даже я могу сделать.

Это что-то – думать.

Анализировать, размышлять, делать выводы из имеющейся информации.

Это оружие никакому вору не украсть. Позволяя холодному ветру на уровне 23 этажа, обдувать школьную форму, Харуюки принялся вспоминать в подробностях все, что случилось за восемь дней, прошедших после появления в школе корня всех бед, Сейдзи Номи.

Поздно вечером Харуюки узнал от Такуму, что на этот раз Даск Тейкер появился не в Синдзюку, а в Сибуе.

Но, хотя место было другое, произошло там ровно то же самое, что и вчера. Бёрст-линкеры, впервые выступившие против Номи, собравшего, возможно, сильнейшую руку из «полета», «лечения» и «огневой мощи», даже на среднюю дистанцию к нему подойти не могли.

Команда, в течение двух дней побеждавшая в 100% дуэлей, вновь набрала безумное количество очков. В результате Даск Тейкер поднялся до шестого уровня, Лайм Белл до четвертого.

Это уже не укладывалось в рамки «дуэлей».

Пожалуй, правильнее было бы назвать это «вторжением в ускоренный мир».

Небо над Сибуей уже стало багровым, словно огонь сражения, а Харуюки все продолжал напряженно размышлять, облокотившись на перила балкона.

Он прокрутил в памяти свое отчаянное сражение с Номи во вторник и добрался до вчерашних событий в Акихабаре.

Загадочный Бёрст-линкер «Раст Джигсо». Как и Номи, он вторгался в долгое время существовавшую систему. Пользуясь преимуществом, которое ему давал перехват дуэльного списка, он набирал уйму очков в локальной сети «Акихабара BG».

Если отстраненно смотреть – не таким уж невероятным выглядит предположение, что между Раст Джигсо и Даск Тейкером есть какая-то связь. Во всяком случае, шанс, что для перехвата списка они используют один и тот же прием, велик. Да, то, что Харуюки из-за толпы упустил возможность увидеть реальное лицо Раст Джигсо, было чертовски печально.

Снова ощущая вчерашнюю горечь, Харуюки вспомнил спину Джигсо, которую видел всего миг.

Серая спортивная куртка. Белая шея, на которой была четко видна «загарная метка» от постоянного ношения нейролинкера. Он уходил быстрым шагом, потирая левой рукой шею, будто успокаивая боль.

Прямо перед тем, как исчезнуть, он махнул правой рукой на прохожего, хотя тот был не сказать чтоб прямо на пути…

На этом месте мысленное воспроизведение резко затормозилось.

Харуюки отмотал изображение назад на несколько кадров.

Парень махнул правой рукой с выпрямленными пальцами на уровне груди, расчищая пространство справа от себя.

Почему же эта картина сидела занозой в мозгу?

Харуюки отчаянно сжал пальцами перила и напряг все свои мыслительные способности. В голову потихоньку начало стучаться ощущение, которое бывало у него, когда он, играя в логическую игру, прикасался к пути, ведущему к решению головоломки.

Думай. Думай.

Снова и снова прокручивая в голове ту сцену, Харуюки машинально сам проделал то же самое движение.

Поднял правую руку и махнул ей вправо.

Движение показалось странно знакомым.

Быстрый взмах правой рукой. Взмах правой рукой. Взмах.

Это – это вовсе не то движение, каким отпихиваешь в сторону человека впереди себя.

Это движение, которым закрываешь окна на виртуальном рабочем столе, нет?

Но ведь тогда у парня не было нейролинкера. Может, какое-то устройство из тех, что проецируют изображение на сетчатку? Нет, на человеке, запечатленном в памяти Харуюки, никакого такого устройства не было.

Он смотрел на голографическое окно, не имея ни

нейролинкера, ни другого какого гаджета?

…Исключено. Насколько знал Харуюки, мониторы размером с контактную линзу еще только разрабатывались, устройств, внедряемых непосредственно в глазное яблоко, тоже не существовало.

Может, я ошибаюсь. Харуюки уже собрался было отбросить это направление мыслей, но тут ему на ум пришли слова, услышанные недавно от Номи.

«…Ты что, думаешь, что нейролинкер – единственное портативное устройство в мире?»

Эти слова он произнес, показывая миниатюрную цифровую видеокамеру, с помощью которой он втихаря заснял Харуюки перед душевыми средней школы Умесато. Никакого другого значения этим словам Харуюки тогда не придал. Но почему же сейчас его это так беспокоило?

– Устройства… другие устройства, кроме нейролинкера…

Так бормотал Харуюки, поглаживая алюминиево-серебристый нейролинкер, закрепленный на шее.

VR-устройство, но не нейролинкер. Такие существовали. В 2020-х годах, еще до рождения Харуюки, были громадные шлемы, которые надевались на голову. Но тогдашние машины были только для Полного погружения, а нейролинкер стал первым устройством с функцией Дополненной реальности, позволяющим управлять виртуальным рабочим столом, одновременно свободно передвигаясь в реальном мире…

– …Нет.

Харуюки внезапно нахмурился.

– Нет, не так. Первым устройством с функцией ДР был, как же его…

Он замолчал, его взгляд стал блуждать в воздухе. В расплывчатых воспоминаниях что-то такое покалывало. Между ранними шлемами и нынешними нейролинкерами должно было существовать еще что-то.

Поколебавшись немного, Харуюки тихо кликнул по иконке «Диск» на виртуальном рабочем столе.

Он принялся стремительно пролистывать бесконечный список папок с данными, хранящимися в локальной памяти его нейролинкера. Наконец на очередном, абсурдно глубоком уровне появилась папка, озаглавленная просто «О».

«О» означало «Отец». Там хранилась вся информация – нет, вся память о реальном отце Харуюки, с которым он ни разу не связывался с того самого времени, как отец ушел из семьи. Несколько фотографий. Голосовые файлы. Текстовые заметки. И папки с данными, относящимися к работе отца, – Харуюки успел

скопировать их с домашнего сервера как раз перед тем, как мать их все стерла.

Отец работал менеджером в компании, имеющей отношение к сетевым технологиям. Хотя дома он практически не бывал и заходил только для короткого отдыха, файлы, связанные с его работой, постоянно были у Харуюки перед глазами; он тогда вовсе на другие файлы не смотрел.

Харуюки помнил, что среди документов, оставленных отцом на домашнем сервере, были и файлы, относящиеся к истории разработки VR-устройств; и потому он принялся лихорадочно листать содержимое папки, стараясь не замечать покалывания в груди. Наконец он нашел нужный файл и открыл. Пробежался пальцем по строкам, сжато описывающим историю в хронологическом порядке.

Первые VR-машины в виде шлемов, использующие технологию Полного погружения, вышли на рынок в мае 2022 года.

Первое поколение нейролинкеров – в апреле 2031.

Взгляд Харуюки прилип к названию некоего гаджета, выписанному мелким шрифтом между ними.

Тут же его сердце подпрыгнуло и дыхание остановилось. Чувствуя, как все тело стремительно холодеет, Харуюки сжал обеими руками перила балкона.

Нет. Не может быть. Просто невозможно. Но.

Возможно. Если эту штуку использовать. Человек будет видеть виртуальный рабочий стол безо всякого нейролинкера. И можно подключаться к локальной сети тоже без нейролинкера.

Его губы задрожали и выпустили в воздух одну-единственную хриплую фразу.

– …Мозговой… чип-имплантат…

Мозговой чип-имплантат. Сокращенно BIC, от «Brain Implant Chip».

Он существовал лишь в очень краткий период истории индивидуальных VR-машин, пресловутый «урод в семье».

Он представлял собой маленький нейроэлектронный чип, имплантируемый между поверхностью головного мозга и твердой оболочкой. Терминальная часть, способная расти самостоятельно, располагалась над сенсорной зоной коры мозга, и обладатель чипа мог пользоваться ДР (то есть виртуальным рабочим столом) и Полным погружением без каких-либо внешних устройств. В каком-то смысле его можно назвать идеальной VR-машиной – в еще большей степени, чем нейролинкер.

BIC был разработан и выпущен на рынок в 2029 году. Однако всего несколько лет спустя его использование в Японии было запрещено.

Связано это было с тем, что, в отличие от нейролинкера, BIC невозможно снять, тем более – отключить. Если, к примеру, у кого-то BIC подвергается хакерской атаке, сделать что-либо оказывается невероятно трудно.

И наоборот: если обладатель BIC намеревается использовать его с преступными целями, у него есть множество способов уйти от закона. Самый очевидный пример – использование BIC на вступительных экзаменах в старшую школу или в ВУЗ, либо во время разнообразных тестов. Нейролинкеров в то время не было, но применение любых VR-устройств на экзаменах запрещалось в принципе, однако человек с имплантированным чипом мог с легкостью получать высший балл по всем предметам, требующим запоминания. Потому что это по сути то же самое, что иметь с собой все словари и справочники.

Неизбежный итог: уйма случаев по всей стране, когда родители имплантировали BIC в своих детей перед сдачей экзаменов. Дальше – больше: то же начало происходить с экзаменами на адвокатов и на государственные должности. У правительства не осталось иного выхода, кроме как издать закон, запрещающий изготовление и применение BIC.

Да – сейчас, в 2047, BIC был вне закона.

По этой самой причине Харуюки даже не рассматривал такую возможность изначально, когда Номи только поступил в школу. Но сейчас он был уверен: других вариантов быть не может. Несмотря на то, что общее применение BIC было под запретом, Харуюки слышал, что производство само по себе продолжалось для узкоспециального применения; кроме того, существовали больницы, где имплантировали нелегальные чипы, которые можно купить на черном рынке. У Харуюки не укладывалось в голове, как ученик средней школы мог заполучить себе такую штуку, но в то, что именно Номи на такое способен, охотно верилось.

Сейдзи Номи/Даск Тейкер и, скорей всего, Раст Джигсо обладали второй VR-машиной.

Номи вовсе не перехватывал дуэльный список, будучи подсоединенным к локальной сети средней школы Умесато. Его нейролинкер, в котором был установлен «Brain Burst», не был подключен к сети изначально.

В общем, все было так. Нейролинкер Номи, как правило, работал в оффлайновом режиме. Так он избегал «неизбежных»

дуэлей – платы за «способность к ускорению» Бёрст-линкера; при этом благодаря BIC он мог находиться в сети.

К примеру – поединок в кендо против Такуму. Тогда Номи был подсоединен к сети школы через BIC у себя в голове и при этом включал физическое ускорение с помощью находившегося в оффлайновом режиме нейролинкера; так ему и удавалось с легкостью уклоняться от синая Такуму. Естественно, в дуэльном списке его имени при этом не было.

И только для того, чтобы с помощью ускорения получать высшие баллы на экзаменах и контрольных по общественным наукам, ему необходимо было подключаться не через BIC, а через нейролинкер; но если этот момент исключить –

– Ясно… вот, значит, как… – сипло выдавил Харуюки, взмахом руки избавившись от кучи окошек, загромождавших все поле зрения.

Наконец-то. Наконец-то он нашел ответ. Единственно верный ответ.

Более того – для Сейдзи Номи эта информация фатальна. Наличие BIC можно определить с помощью рентгена. И если чип в голове Номи обнаружат, его поступление в среднюю школу Умесато будет отменено.

Если Харуюки воспользуется этой картой, Номи окажется в том же положении, что и он сам. На поле боя без каких-либо привилегий. И тогда останется лишь одно. Дуэль. Сражаться изо всех сил – и победить.

Глядя в вечернее небо центра Токио, где сейчас должен был летать Номи, Харуюки коротко произнес, будто пулю выпуская:

– Номи… на этот раз я с тобой разберусь.

Глава 9

19 апреля. Пятница. Всего один день до возвращения Черноснежки в Токио.

На большой перемене Харуюки отправился в школьную столовую. Он прошел мимо длинных столов в дальний конец зала.

Там был вход в рекреацию. Согласно неписаному правилу, заходить в рекреацию могли только ученики второго и третьего классов; кроме того, часть столиков там были предназначены исключительно для отдельных комитетов и успешных спортивных секций. Со дня отъезда Черноснежки Харуюки не заходил в рекреацию ни разу.

Однако сейчас он собрался с духом и, пройдя сквозь белую дверь, направился к одному из круглых столиков. Ученики за этим столиком обедали и болтали, но, заметив Харуюки, разом подняли головы.

Надежды плавательной и софтбольной секций глядели на приближающегося ученика, кажущегося здесь совершенно чуждым, и лишь сидящий с ними щуплый первоклассник не повернулся. Харуюки подошел прямо к нему и тихо произнес:

– Номи. Я должен тебе кое-что сказать. Пожалуйста, приходи туда, где мы говорили в первый раз.

И, не дожидаясь ответа, развернулся и вышел.

Поджидая Номи в тени деревьев, растущих в центральном дворе вне поля зрения Общественных камер, Харуюки вспоминал тот день, когда впервые встретился с ним здесь же.

Младшеклассник с красивым, похожим на девчоночье лицом улыбнулся и жизнерадостно заявил Харуюки, что игра окончена. И, как он и предупреждал, чем больше Харуюки сопротивлялся, тем хуже становилось его положение.

Харуюки попытался ударить Номи, но сам был сбит с ног; Номи наступил на него, навязал дуэль через Прямое соединение и отобрал способность к полету; затем Харуюки овладел системой инкарнации в «Безграничном нейтральном поле» и был близок к тому, чтобы вернуть должок и победить в их втором сражении, но в итоге снова проиграл из-за неожиданного вмешательства Тиюри.

Атаки Номи этим не ограничились – он распускал слухи в реальном мире, что видеокамеру в женской душевой установил Харуюки; в то же время в ускоренном мире он заработал уйму очков, пользуясь Тиюри и крыльями, и поднялся на уровень выше.

Если все так и пойдет, следующая цель Номи, Блэк Лотус, Черный король, окажется в опасности, как и предсказал Такуму.

Однако.

Здесь твой путь и закончится, Номи.

Услышав за спиной хруст веточки, на которую кто-то твердо наступил, и звук приближающихся шагов, Харуюки медленно развернулся.

Он увидел невинную, но в то же время коварную улыбку младшеклассника, вышедшего из тени толстого дуба, – и произнес.

– Гейм овер, Сейдзи Номи… нет, Даск Тейкер.

– …Что это было? – Номи склонил голову набок, по-прежнему улыбаясь. – Ты хочешь сказать, что полностью признаешь свое поражение? Типа, «Я сдаюсь, так что не приставай ко мне больше»?

– …Нет. Это значит, что твоей игре конец, – тихо ответил Харуюки, встретив насмешливый взгляд противника и вложив всю силу в собственный взгляд.

Улыбка Номи постепенно скрылась. Между бровей появилась слабая, но все равно вызывающая отвращение морщинка.

– …Семпай, ты тоже из тех, кто очень медленно схватывает, да? Я, конечно, признаю, ты хорошо постарался, чтобы заполучить огрызок техники инкарнации и блескучее «Усиленное вооружение», но разве тебе до сих пор не очевидно, что ты не можешь со мной ничего поделать, какие бы карты у тебя ни были? Ты и Маюдзуми-семпай – вы оба можете только засунуть пальцы в рот и смотреть. Я разделаюсь с Черным королем и возьму под контроль школу… да нет, весь Сугинами.

Харуюки мотнул головой, отбрасывая эти слова, произнесенные холодным и острым как нож голосом.

– Нет. Этого не будет.

Харуюки сделал шаг вперед –

И отчетливо проговорил:

– Ты не появляешься в дуэльном списке, потому что у тебя в башке вторая VR-машина… мозговой чип-имплантат.

В тот же миг.

Выражение лица Номи переменилось настолько резко, что Харуюки сразу понял – его догадка верна.

На мгновение его глаза выпучились, потом мрачно прищурились. Оскаленные зубы заскрипели, несколько тонких морщинок спустилось к переносице.

– …

Упершись взглядом в молчащего Номи, Харуюки продолжил атаку.

– Если я ошибся, сними нейролинкер и покажи мне. Школьная метка, которую я сейчас вижу, наверняка от этого не исчезнет.

И Номи, и Харуюки прекрасно понимали, что сейчас нет смысла изображать неведение и говорить что-то вроде «с какой радости я должен это делать». Потому что если Харуюки анонимно сообщит о своих подозрениях в администрацию школы, Номи отправят в больницу, где его голову просканируют в присутствии сотрудников школьного отдела Министерства образования; сфальсифицировать результаты этого сканирования абсолютно невозможно. Потом Номи обвинят в нарушениях при сдаче вступительного экзамена; мало того, что его исключат из школы, – у него еще и BIC извлекут.

Он понесет такой же, а может, и больший урон, чем Харуюки за подглядывание.

Сверля Харуюки взглядом, который горел нескрываемой злобой, Номи наконец хрипло выплюнул:

– …Я всегда думал, что ты свинья, а ты, оказывается, крыса. Везде лезешь, везде вынюхиваешь…

– Тогда ты должен был раздавить меня с самого начала. Твоя ошибка, что не сделал этого, – огрызнулся Харуюки.

Номи наконец взял себя в руки, на его лице вновь появилась презрительная усмешка.

– Ладно, признаю. И что дальше? Что ты собираешься делать? Хочешь обменяться ядерными ударами и погибнуть вместе со мной? …И меня, и семпая исключат из школы. Я отправлюсь в больничку, ты в детскую тюрьму. Потом на нас обоих начнут нападать в реале, и мы останемся без «Брэйн Бёрста»… Ты ведь не хочешь такого конца, да, семпай?

– Если придется, я так сделаю, я не боюсь. Но, – сжав холодные, потные ладони в кулаки, Харуюки стал излагать придуманный им за ночь способ решить все проблемы. – Номи. У нас обоих есть козыри. У тебя мое видео, а у меня твой секрет. Если и можно как-то снять раз навсегда все вопросы, не пользуясь этими козырями и не уничтожая друг друга в реале… то это «дуэль».

– Дуэль?..

– Да, раз уж мы с тобой оба Бёрст-линкеры. С этого момента ты будешь подключаться к локальной сети через нейролинкер, а не через BIC. Кроме того, ты снимешь ограничение «один вызов в день» и будешь постоянно драться со мной. Пока кто-то из нас либо не сдастся, либо не потеряет все Бёрст-пойнты… хотя лично

я сдаваться не намерен и буду драться до последнего очка.

И даже если я проиграю, следом придет Такуму. А потом Черноснежка-семпай.

Наверняка Номи тоже услышал эти слова, которые Харуюки добавил мысленно.

Вновь злоба и раздражение проступили на лице Сейдзи Номи, и вновь лишь на короткое время.

– …Дуэли. Бёрст-линкеры. Оба этих слова я ненавижу. Нет, на самом деле я ненавижу менталитет, который заставляет пользоваться этими словами на полном серьезе. Но… если семпай этого хочет, ничего не поделаешь.

На лице Номи появилась его обычная тонкая улыбочка; он прислонился к стволу дуба и быстрым движением поднял палец.

– Но. Если мы собираемся решить наши проблемы таким путем, у меня тоже есть предложение.

– …Предложение?

– Да. Ты не находишь, что проводить ускоренные дуэли десятки, а то и сотни раз, пока либо я, либо семпай не потеряем все очки, просто глупо? И еще: если кто-то из нас сдастся, как мы гарантируем, что сдержим слово?

– Тогда что ты предлагаешь взамен?

– Давай закончим все в один прием. С помощью «благородного поединка», который Арита-семпай так обожает.

С отвратной ухмылкой на лице Номи пояснил:

– В «Безграничном нейтральном поле» можно поставить на один бой сразу все Бёрст-пойнты всех участников. Два или больше игроков заряжают все свои очки в некий предмет, и когда остается лишь один игрок, он получает все. Ну как? Тебе не кажется, что это более умный способ все решить?

– …

Несколько секунд Харуюки пристально глядел на улыбающееся лицо Номи, потом покачал головой.

– …К сожалению, Номи, я не могу тебе доверять. Однако ты меня не очень удивил. В «Безграничном нейтральном поле» всегда есть возможность, что ты отправишь кого-нибудь из своих дружков в засаду туда, где у нас будет дуэль.

Номи развел руками, будто говоря: «Ну уж это слишком».

– Думаю, для меня тоже есть такой риск! …Ладно, если так, давай добавим гарантий. Во-первых, можешь взять с собой Сиан Пайла… Маюдзуми-семпая. Будете драться со мной по очереди. А во-вторых, вы можете откладывать и переносить дуэль сколько хотите и на сколько хотите. При таком раскладе просто невозможно устроить засаду.

– …

Харуюки, затаив дыхание, принялся думать.

В «Безграничном нейтральном поле» время течет в тысячу раз быстрее, чем в реальном мире. К примеру, если он назначит время погружения на 17.00, а потом отложит на десять минут, там, внутри, пройдет неделя. Если откладывать дуэль несколько раз, в «Безграничном нейтральном поле» времени пройдет

столько, что ни один нормальный человек этого не выдержит.

Если вместо долгого ожидания постоянно нырять и разлогиниваться, каждый раз будет обходиться в десять бёрст-пойнтов. Такого даже король долго не выдержит.

Если говорить о засадах в «Безграничном нейтральном поле» – Харуюки припомнил ту историю трехмесячной давности с Кром Дизастером, когда Желтый король устроил ловушку Нико, Красному королю; однако он не знал, когда именно они там появились. Вовсе не факт, что они поджидали Нико много месяцев. Реальную информацию о Кром Дизастере, «Черри Руке», они уже знали, поскольку передали ему «Усиленное вооружение» через Прямое соединение; в таком случае, скорее всего, за ним постоянно наблюдали и предсказали, когда именно он нырнет.

В данном случае такого рода приемы не могут использоваться, а значит, устроить засаду в «Безграничном нейтральном поле» невозможно – так, по крайней мере, Харуюки казалось.

Однако он прекрасно понимал, что его познания по части ускоренного мира далеки от полноты, поэтому, естественно, быстрого ответа давать не стал.

– …Не возражаешь, если я посоветуюсь с Такуму?

– Конечно, вперед! Советуйтесь сколько захотите, – улыбнулся Номи и отступил на шаг. – Когда примете решение, пожалуйста, сообщите мне вот на этот адрес. Мне тоже нужно время на подготовку.

Дернув пальцем, он переслал Харуюки анонимный электронный адрес; потом молча развернулся и ушел. Харуюки, затаив дыхание, провожал его взглядом.

У него было неприятное ощущение. Когда Харуюки произнес слово «BIC», он предполагал, что они схлестнутся в дуэли прямо на месте. А теперь он чувствовал, что Номи, отложив развязку, снова перехватил инициативу.

Убедившись, что Номи ушел в школьный корпус, Харуюки прислонился к стволу ближайшего дерева и мысленно произнес:

«…Что ты об этом думаешь, Таку?»

«Это опасно», – мгновенно ответил Такуму, слушавший весь разговор с Номи.

Харуюки еще прошлой ночью сообщил Такуму о своей догадке насчет BIC. Плюс рассказал, как именно он собирается решить все вопросы с Сейдзи Номи. То есть – что сначала он, а затем Такуму будут упорно вызывать Номи в локальной сети, пока у Номи не кончатся бёрст-пойнты.

Конечно же, они учитывали возможность потери всех очков в дуэлях против шестиуровневого Даск Тейкера. Но если они

проиграют нормальную дуэль – это значит ровно одно, проигрыш одной дуэли, не больше. «Когда ты ныряешь на арену, то просто сражаешься». Так учила Черноснежка, их командир.

Однако предложение Номи стало для них неожиданностью. Такуму напряженным мысленным голосом вновь повторил:

«Это слишком опасно, Хару. В "Безграничном нейтральном поле" произойти может вообще все что угодно. Тем более, если противник – этот Номи».

«Значит, откажем?»

«…»

Такуму замолчал. Наконец в голове у Харуюки снова раздался его мысленный голос, но тише.

«…Но, как Номи и сказал только что, нет никаких гарантий, даже если он сдастся… потому что все равно остается возможность, что когда-нибудь он нам подстроит какую-нибудь новую ловушку…»

«Слушай, Таку. Как думаешь, можно ли как-то обойти этот трюк с постоянным переносом времени и все-таки устроить засаду заранее?..»

Вновь Такуму на несколько секунд погрузился в молчание, затем медленно ответил:

«Можно, но нужно иметь либо колоссальный запас бёрст-пойнтов… либо колоссальное терпение. Других способов быть не должно. Вопрос в том, есть ли у Номи товарищ, способный ради него на такие жертвы…»

На этот раз Харуюки сделал паузу на раздумье.

«Хмм… Думаю, шанс, что он принадлежит к какой-то организации, довольно большой. Причем другие члены тоже ходят с BIC. Думаю, Раст Джигсо, с которым я дрался в Акихабаре, тоже из них. Правда, раз у их дуэльных аватаров никакого значка нет, эта организация должна быть устроена не так, как легион…»

«Значит, это парни, которые эффективно зарабатывают бёрст-пойнты с помощью чипа, а потом не стесняются использовать их в реальном мире. Да уж, действительно "пользователи ускорения", как сказал Номи».

«Ага… Будут ли такие типы сотрудничать настолько плотно, что потратят безумное количество очков или времени ради решения личных проблем Номи?..»

Харуюки закусил губу и тут же сам себе ответил:

«Вряд ли. Номи сам говорил, что "просто друзей" не бывает; думаю, это и к нему самому относится. И наоборот: если бы у него был такой друг, думаю, Номи… и сам бы стал нормальным Бёрст-линкером».

Слова Харуюки были совершенно ни на чем не основаны, но

Такуму тут же согласился.

«Да. Да… так и есть. Это будет бой между нами, Бёрст-линкерами, и пользователем ускорения Номи. Нам позволяет держаться наша гордость… верно…»

На миг общая воля друзей прошила нематериальный контур «голосового вызова» белой вспышкой.

Харуюки кивнул и решительно передал свою мысль:

«Хорошо, я приму его предложение. Я отправлю Номи первое время встречи, когда вы с ним оба закончите занятия в секции и вернетесь по домам… скажем, в восемь вечера. Потом будем откладывать минимум десять раз, суммарно минимум на час, так что засаду он нам устроить не сможет».

«Понял».

Услышав этот четкий, как удар, ответ, Харуюки ощутил, как напряжение потихоньку уходит из его плеч, и добавил еще:

«…И потом, честно говоря, все решить за один бой мне самому больше нравится».

«Ху-ху, да, Хару же любит сверхсосредотачиваться. Ты всегда предпочитаешь все решать разом».

Друзья коротко рассмеялись, договорились встретиться после школы, и Харуюки разъединился.

Как здорово, что Такуму со мной.

При этой искренней мысли Харуюки от всего сердца порадовался, что полгода назад при первом своем сражении с Сиан Пайлом не стал наносить другу завершающий удар.

После школы. 7.30 вечера.

Харуюки, прибравшись у себя в гостиной, как раз вынул из холодильника замороженную пиццу, чтобы, как обычно, ее разогреть, когда раздался звонок в дверь.

Быстро глянув в голографическое окно и увидев лицо Такуму, Харуюки выскочил в коридор. Там нажал кнопку отпирания и побежал к двери.

– Привет. Точно, как в ап-…

Не успев добавить «-теке», Харуюки застыл, и у него отпала челюсть.

Сбоку-сзади от стоящего с серьезным лицом Такуму виднелся еще кое-кто знакомый.

– …Ти-Тию?!.

«Почему ты пришла именно сейчас?»

Не дав Харуюки возможности задать этот вопрос, одетая в домашнее Тиюри тусклым голосом пробормотала «прошу прощения» и вошла. Быстро миновав Харуюки, она сразу направилась в сторону гостиной.

Обалдело проводив взглядом ее спину, Харуюки развернулся к Такуму.

– …П-почему?

– Я ее не звал. Она сама зашла, когда я поднимался на лифте, – промямлил Такуму, склонив голову набок, будто сам не понимал, что происходит. Потом выдохнул и закрыл за собой дверь.

Кивнув, Харуюки пошел по коридору вместе с Такуму.

Тиюри была не в гостиной, а в кухне. Подняв коробку замороженной пиццы, которую Харуюки оставил в раковине, она едва-едва улыбнулась и произнесла:

– …Вы, как всегда, едите эту дрянь.

После чего сунула коробку обратно в холодильник и приподняла бумажный пакет, который, судя по всему, принесла с собой.

– Я попросила маму снова сделать лазанью. Давайте втроем ее съедим.

И после короткой паузы добавила:

– …Не бойтесь, я туда яду не подсыпала.

Едва Харуюки услышал эту шутку, острая боль пронзила его грудь, и лицо исказилось.

Почему у нас все стало вот так?

Отвернувшись, он увидел, что взгляд Такуму за стеклами очков тоже потяжелел.

Не в силах смотреть на них обоих, Тиюри быстро достала термоконтейнер и разложила его содержимое на три тарелки. Потом, ловко держа одну тарелку в левой руке и две в правой, перешла в гостиную.

– Давайте сюда, садитесь.

Улыбнувшись, она поставила тарелку с немного большей порцией перед Харуюки, а две другие, с одинаковым количеством содержимого, перед собой и Такуму. Достала вилки из отделения для приборов в обеденном столе и протянула друзьям.

По сравнению с поведением Тиюри всю прошлую неделю, каждое ее действие по отдельности казалось каким-то значимым; а они сплетались вместе в невидимую нить. В конце концов Харуюки почувствовал, что просто не может на это смотреть. Он взял вилку и, уткнувшись взглядом в тарелку, тихо промямлил:

– Спасибо. Приятного аппетита.

– …Приятного аппетита, – сказал и Такуму. Потом Тиюри произнесла «налетай», и это послужило сигналом – все трое принялись в молчании уничтожать лазанью, приготовленную специально для них мамой Тиюри.

Было вкусно. Намного вкуснее, чем неделю назад. Но,

наслаждаясь вкусом, Харуюки продолжал чувствовать ту же боль в груди. Понимая, что если перестанет есть, то заплачет, он держал тарелку и сосредоточенно уписывал ее содержимое.

Три тарелки опустели за пятнадцать минут. Тиюри, вымыв посуду, вернулась и снова села за стол.

Какое-то время все трое молчали. На часах было 7.50, когда Тиюри наконец раскрыла рот.

– …Номи сказал мне прийти. Туда, где у вас бой.

– Что…

– Э…

Возгласы вырвались у Харуюки и Такуму одновременно.

После краткого потрясения мысли Харуюки завертелись со страшной быстротой.

– По… понятно. Ну да, ты же уже на четвертом уровне… и тоже можешь нырять в «Безграничное нейтральное поле»…

Харуюки по глупости вовсе не рассматривал возможность того, что Тиюри туда придет. Но, конечно же, Номи не постесняется использовать Тиюри как часть своей ловушки.

– Н-но… как Номи собирается сообщить тебе назначенное время, Ти-тян?..

Вопрос Такуму был вполне естественным. Он и Харуюки будут случайным образом менять время встречи, чтобы у Номи не было шансов подстроить засаду с участием других Бёрст-линкеров. И к Тиюри это тоже относилось.

Тиюри опустила глаза, будто стараясь избегать взглядов друзей, и пробормотала:

– …Номи сказал мне сделать так. Встретиться с Хару и Такуном и сказать, что я его предала. Чтобы они мне поверили и взяли с собой… а когда начнется бой, чтобы я его лечила.

– …Че… го?..

Харуюки заскрипел зубами.

До какой же грязной игры он способен опуститься!

Ярость иглой прошила его мозг, но в то же время Харуюки совершенно не понимал, зачем Тиюри рассказывает все это ему и Такуму.

Будто почувствовав это замешательство, Тиюри еле слышным голосом продолжила:

– …Но это невозможно. Даже если бы я сейчас вам это сказала, это было бы совсем неубедительно. Вот почему я… подумала, что надо сказать вам правду и попросить.

– Попросить, говоришь…

Взглянув сперва на Харуюки, потом на Такуму своими большими глазами, мокрыми от светлых слез, Тиюри отчетливо проговорила:

– Пожалуйста, возьмите меня с собой. Я *должна* идти. Если вы скажете, что это невозможно, ну, ничего не поделаешь – тогда я нырну в «Безграничное нейтральное поле» здесь и сейчас и буду там ждать, когда вы придете. Пусть сколько угодно месяцев или лет понадобится – я все равно буду ждать.

– …Тию, ты…

Одни лишь эти слова Харуюки удалось выдавить из непослушного горла. Он был просто в шоке от того, что слова «Безграничное нейтральное поле» так легко произнесла девушка, которая всего неделю назад была желторотиком, незнакомым даже с самыми основами «Brain Burst».

У Харуюки в груди роились десятки, сотни вопросов.

Почему!

Тию, зачем, черт побери, ты собираешься на такое пойти! Зачем ты так целеустремленно и так глупо зарабатываешь очки в том самом «Brain Burst», который до того отвергала!!!

Тем не менее Харуюки не мог удержаться и от таких мыслей:

Что если даже эти слова Тиюри – ловушка? Что если она собирается предать нас вдвойне, вмешаться в ход боя и украсть очки и у меня, и у Такуму?

Честно говоря, в сражении с Даск Тейкером даже один на один никогда нельзя знать, что может случиться; а если влезет еще и Лайм Белл со своей способностью к лечению, их шансы на победу станут почти нулевыми. Все будет как в том вторничном бою.

Харуюки не понимал. Намерения Тиюри для него оставались полнейшей загадкой.

Тяжелое молчание прервал тихий голос Такуму.

– …Ясно, Ти-тян. Мы пойдем вместе.

– Т-Таку…

Такуму повернулся к Харуюки, улыбнулся и сказал:

– Хару. Полгода назад ты спас меня во время нашей первой дуэли в больнице. Ты ведь наверняка тогда колебался, правда? Была ведь абсолютно реальная возможность, что все мои мольбы – лишь слова, что я нападу на Блэк Лотус, пока она все еще без сознания, сразу, как только наша дуэль закончится. Но… ты простил меня. Нет – ты поверил в меня. Я никогда не забуду тот раз… и вот поэтому, – втянув воздух через дрожащее горло, Такуму решительно заявил: – Я тоже буду верить в Ти-тян. Меня страшно раздражает, что я не понимаю, чего она добивается, как я ни думаю об этом… Но – я приму все, что произойдет из-за действий Ти-тян.

Посреди молчания, вновь заполнившего комнату, Харуюки увидел, как губы Тиюри шевельнулись.

Это было краткое движение – будто деревце качнулось, – но слова отчетливо коснулись ушей Харуюки.

«…Спасибо, Так-кун».

Харуюки тут же зажмурился изо всех сил. На закрытых веках, как на экране, возникла картина, которую он видел вчера, – Тиюри, плачущая у себя в комнате.

«Я все делаю по своей воле».

Тиюри произнесла эти слова со слезами на глазах. Раз так, мелкие детали уже не имеют значения. Все так, как сказал Такуму. Либо он верит, либо не верит. Вопрос только в этом. И ответ на этот вопрос уже известен. Он известен с давних пор, с того времени, когда Тиюри и Харуюки могли вдоволь говорить друг с другом.

– Ладно, – кивнул Харуюки. – Пошли вместе. Втроем.

В восемь вечера Харуюки послал Номи первый мэйл. Назначенное время погружения – 8.30. Место встречи – перед станцией Коэндзи в «Безграничном нейтральном поле».

Конечно, и то, и другое будет меняться снова, и снова, и снова. Поскольку новые указания они будут посылать всего за несколько секунд до предыдущего назначенного времени, то, даже если у Номи есть сообщники, которые должны устроить засаду, он просто не успеет передать им информацию. Была только одна опасность: если Номи и его сообщники встретились в реальном мире и готовы нырять вместе, как Харуюки и его друзья, но Харуюки не верил, что у Номи есть товарищи, которым он настолько доверяет. Более того, Харуюки и Такуму рассматривали вариант, что сообщники будут нырять, предварительно встретившись с Номи на этой стороне, но отвергли его, поскольку оставлять свое бессознательное тело рядом с Номи еще опаснее.

Харуюки продолжал слать мэйл за мэйлом, хаотично меняя время и место встречи.

Чувство напряжения от ожидания было неприятным – как если долго ждать в приемной у стоматолога. Но мысль, что Номи сейчас испытывает раздражение, несравнимо большее, чем его собственное, помогала Харуюки терпеть. Номи ведь не мог предсказать, как долго это еще будет продолжаться и сколько раз встреча будет перенесена.

9.12 вечера.

Отложив встречу уже больше пятнадцати раз, Харуюки наконец произнес:

– Ладно… ныряем через минуту.

– Понял, – коротко ответил Такуму. Тиюри тоже кивнула.

Один бой, в котором на кон будут поставлены все очки троих участников. Сколько бы его ни откладывали, продлится он вряд ли больше часа. Иными словами, все будет кончено через 3.6 секунды реального времени.

Семпай. Харуюки мысленно обратился к Черноснежке, которая была далеко, на Окинаве.

…Семпай, если я проиграю, ты наверняка страшно рассердишься и расстроишься. Но я уверен, в конце концов ты поймешь. Именно потому, что я намерен стать твоим рыцарем, я и должен сделать то, что делаю.

Пять секунд до 9.13.

Харуюки нажал кнопку отправки сообщения в последний раз.

«Место: двор школы Умесато. Время: сейчас».

– Поехали!!!

И сразу после этого возгласа Харуюки все трое в один голос выкрикнули команду:

– Анлимитед бёрст!!!

Глава 10

Ночь.

Громадный бледный диск в черном небе.

Земля, дома – все белое, цвета пропали. Это было не обесцвечивание – скорее, цвет сухой кости. Прямоугольники домов отбрасывали на широкую дорогу четкие тени. Вдали вонзался в небо центр Синдзюку, смахивающий на спиральную меловую башню.

– …Арена «Лунная ночь», хех, – прошептал Такуму, Сиан Пайл, оглядев западный Токио виртуального мира.

Харуюки быстро перечислил свойства этой арены:

– Яркая, но в тени почти ничего не видно. Звук далеко разносится. «Энеми» мало. Ландшафтных ловушек тоже нет…

– На открытом пространстве атаки из засады почти невозможны. Школьный двор – правильный выбор.

Кивнув друг другу, Харуюки и Такуму оглянулись назад.

В пустом белом пространстве, бывшем в реале гостиной комнатой семьи Арита, под лунным светом молча стояла ярко-изумрудная Лайм Белл.

Внешне она выглядела точно так же, как во вторник, когда друзья видели ее в прошлый раз. Однако за два дня, пройдя через безумное количество дуэлей и выиграв их все, она поднялась уже до того же, четвертого уровня, что и Харуюки с Такуму.

Правда, они на четвертый уровень вышли довольно давно и уже подходили к пятому, между ними и Тиюри, скорее всего, была приличная разница в очках, но, во всяком случае, по потенциалу Лайм Белл была с ними на равных.

Когда Тиюри, служа Номи хилером и наживкой, стремительно догоняла Харуюки и Такуму, наверняка она испытывала на себе самые разные атаки огромного количества Бёрст-линкеров. Харуюки прекрасно понимал, какой болью ей дался этот трудный опыт.

Однако стоящая перед ними Тиюри никак не выказывала усталости. Она произнесла лишь короткую фразу:

– Пошли.

После чего без колебаний спрыгнула с высокой террасы, соответствующей 23 этажу многоквартирного дома в реальном мире. Перепрыгивая между террасами и декоративными подпорками, она быстро добралась до земли. В ее движениях не было ни намека на неуклюжесть новичка.

Харуюки и Такуму вновь переглянулись и, невольно обменявшись горькими улыбками, спустились на землю тем же

путем.

Друзья не стали пользоваться главной дорогой, которой они всегда ходили в школу, а поспешили кружным путем. Внимательно оглядывая окрестности, Харуюки и Такуму разрушали все подходящие объекты, заполняя свои шкалы спецатаки.

Не заходя на территорию школы, они сперва забрались на крышу семейного ресторанчика по другую сторону улицы Оме и из-за ограждения принялись изучать место предстоящего сражения.

Средняя школа Умесато приняла форму средневекового европейского дворца. Стиль, пожалуй, можно было охарактеризовать как готический: впереди стояли в ряд высоченные колонны, на стенах виднелось множество скульптур ангелов и демонов.

Сосредоточенно изучив здание и убедившись, что никаких других дуэльных аватаров поблизости нет и все вокруг из камня, Харуюки снова посмотрел на школьный двор.

Просторная площадка была выложена маленькой плиткой с замысловатым орнаментом. Там не было абсолютно ничего, лишь похожие на копья башни у южного края – изначально столбы, поддерживающие проволочную сетку, которая не выпускала наружу мячи, – отбрасывали длинные, тонкие тени через весь двор.

– …Кажется, тут никто не прячется, – пробормотал Харуюки, и Такуму кивнул.

– Мм… Но и Номи тоже нет… Он должен был нырнуть максимум на полсекунды позже…

– Если он не явится через пять минут, давайте временно отойдем от станции Коэндзи подальше… не, стойте.

В этот самый момент ушей Харуюки коснулся слабый свист воздуха. Поскольку на арене царило полное безветрие, значит, что-то двигало воздух. Летающий «энеми» – или летающий аватар.

Харуюки повернулся на юго-восток, задрал голову – и тут же задеревенел.

В ночном небе, заполненном мерцающими звездочками, приближался слабо подсвеченный луной силуэт.

Худощавое тело. Когтистые пальцы на руках. И демонические крылья за спиной.

– Но… ми… – невольно простонал Харуюки. Аватар тем временем начал снижаться, будто его тянула какая-то сила. Сложив руки, он прочертил в воздухе изящную спираль и

приземлился точно посреди двора.

Все это у него получилось почти беззвучно. Уже по этой манере полета и по позе Номи Харуюки видел, что он полностью освоил способность к полету.

Аватар с умением «отбирать» медленно сложил крылья и застыл.

Вновь мир погрузился в полнейшую тишину.

Харуюки тоже не ощущал никаких изменений вокруг. Ни крадущихся звуков, ни шагов со стороны мертвых зон – ничего.

Прошло больше минуты. Наконец Харуюки прошептал:

– …Пошли.

Такуму кивнул; все трое встали и разом спрыгнули на дорогу. Услышав шаги, Даск Тейкер быстро повернулся.

Под взглядом Номи троица вошла в ворота средней школы Умесато и, обогнув корпус, направилась во двор.

Шаги трех пар ног по плиткам двора звучали резко. Лунный свет оставлял на земле отчетливые тени.

Тиюри вглубь двора не пошла, а направилась вдоль южной стены школьного здания и тихо остановилась в его тени. Харуюки и Такуму зашагали в середину открытой площадки.

Остановившись в 20 метрах от стоящего в самом центре Даск Тейкера, Харуюки метнул в него безмолвный взгляд.

Несколько секунд Номи молча выдерживал этот взгляд, стоя со скрещенными на груди руками, потом развел руки в стороны.

– …Как я и говорил: вы имели возможность откладывать встречу сколько угодно раз, и я тут совершенно один!

Мальчишеский голос с легким металлическим эхом разнесся над бледным миром.

– Но я не думал, что ты будешь откладывать так долго, семпай! Интересно, это осторожность или недоверчивость?..

– Это потому что мы уже знаем: когда имеешь дело с тобой, лишней предосторожности не бывает.

Ответив на реплику Харуюки коротким «ку-ку-ку», Номи вытянул правую руку перед собой.

Между пальцами у него была карта. Она походила на тот предмет, которым воспользовался Желтый король Йеллоу Рэдио, чтобы воспроизвести видео, – только была кроваво-красного цвета. Харуюки слышал уже, что особые предметы, продающиеся в магазинах в «Безграничном нейтральном поле», почти всегда имеют форму карт.

Номи показал предмет Харуюки и Такуму и сказал:

– Это – «Дуэльная карта внезапной смерти». Она прилично стоит, но считайте, что это мой подарок.

Издав еще один смешок, он продолжил:

– …Сперва я заряжу в нее все свои очки. Остальные две позиции участников уже указаны как одна команда, так что вам обоим нужно зарядить туда свои очки. Если вы оба будете живы, когда мои хит-пойнты обнулятся, все очки с этой карты разделятся между вами поровну. Если выживет только один из вас, он получит всё. А когда я уничтожу вас обоих, ваши очки достанутся мне.

– Значит, если мы оба выживем, нам не придется сражаться друг с другом, да?

– Совершенно верно. Впрочем, это мало кого волнует. Важнее другое…

Номи взмахнул картой и проговорил:

– Бой не закончится, пока кто-нибудь не погибнет. И те, кто погибнут, потеряют «Брэйн Бёрст». Исключений не существует. Скажу сразу: если вы отступите через портал, это мгновенно будет засчитано как поражение. Как только вы вернетесь в реальный мир, сразу начнется деинсталляция.

– …Ясно.

Харуюки кивнул и взглянул на Такуму.

Глаза Сиан Пайла за щелями маски ярко вспыхнули, потом он решительно кивнул.

– Хорошо, годится.

На эти слова Харуюки Номи, в свою очередь, медленно кивнул, потом прикоснулся к карте кончиками пальцев левой руки. Что-то сделал – и карта на миг вспыхнула ярко-алым.

Потом он бросил карту Такуму; тот ее схватил и совершил такие же движения, что и Номи только что. Карта снова вспыхнула.

Такуму кинул карту Харуюки; тот поймал ее между пальцев правой руки.

Сделав глубокий вдох, он тюкнул по карте левой рукой. Посередине раскрылось голографическое окошко, и Харуюки прикоснулся к кнопке «Зарядить».

На экране появилось написанное рубленым шрифтом объяснение правил «внезапной смерти», потом появилось диалоговое окно «Да/Нет». «Да».

Когда чересчур холодная, как всегда, система «Brain Burst» переспросила свое обычное «вы уверены?», Харуюки наконец осознал реальность: это самый краешек самого краешка гибели. Несмотря на то, что он был вне своего реального тела, по спине пробрало морозом. Руки-ноги занемели – и в то же время виртуальный адреналин хлынул в кровь.

Но, разумеется, он выбрал «Да».

Карта кроваво вспыхнула еще ослепительнее, чем раньше, и –

покинув руку Харуюки, подлетела немного вверх.

Вокруг нее принялись медленно вращаться цифры обратного отсчета.

Если бы об этом бое стало известно в ускоренном мире, наверняка бы здесь собралась целая куча зрителей. Хотя Харуюки стал Бёрст-линкером уже полгода назад, он никогда еще не слышал про дуэль с правилом «внезапной смерти», участники которой ставят на кон все свои очки.

…Нет.

Неверно. Он слышал.

Королева мечей, которую Харуюки уважал и которой восхищался больше, чем кем бы то ни было, Черный король Блэк Лотус. Из-за особого правила, распространяющегося только на Бёрст-линкеров девятого уровня, она всегда сражалась под дамокловым мечом внезапной смерти. К примеру, если в одно из еженедельных территориальных сражений после тщательной подготовки вступят другие короли. И если она проиграет кому-то из них. Тогда она мгновенно лишится «Brain Burst».

…Семпай. Ты всегда живешь под этим грузом.

Через секунду после того, как Харуюки мысленно пробормотал эти слова –

Обратный отсчет дошел до нуля.

Перед глазами вспыхнула огненная надпись «Дуэль началась».

Даск Тейкер поднял разведенные в стороны когтистые руки.

Харуюки чуть согнул ноги в коленях и приготовил руки-мечи – одну перед собой, другую сзади.

Крылья Номи оставались сложенными, и он не выказывал намерения атаковать своей фиолетовой волной. Видимо, он собирался сперва сражаться на земле и без инкарнации.

Вот и ладно!

С этим мысленным выкриком Харуюки бросился вперед.

Он мчался со всех ног, стремясь как можно быстрее покрыть двадцатиметровое расстояние. Силуэт врага в центре его поля зрения стремительно рос.

Харуюки на бегу пересекал тени от столбов, тянущиеся через белый двор. Один столб, два столба –

Когда он наступил на тень третьего столба.

Из черноты тоненькой – не больше десяти сантиметров в ширину – тени, где ничего невозможно спрятать, что-то выбросилось, почти выбрызнулось, на Харуюки с обеих сторон.

Это были квадратные пластины шириной примерно по метру каждая. Две матово-черных пластины выскочили, как на пружинах, как только Харуюки наступил на тень от столба, и со

страшной силой сжали его с боков.

Даже скорость Сильвер Кроу не позволила ему увернуться. Он успел лишь расставить руки в стороны и со всей силы упереться в пластины.

Раздался металлический лязг, и от суставов Харуюки посыпались искры. Полоса хит-пойнтов, единственная, которую он мог видеть, чуть укоротилась.

– Гхх… – вырвалось у него от резкой боли. Пластины, хоть и сверхтонкие, не больше нескольких миллиметров в толщину, давили с устрашающей силой, словно гигантские тиски. Харуюки не мог развести руки до упора, так что просто поправил положение ладоней, чтобы нагрузка приходилось на них и на локти. Однако пластины мгновенно сжали Харуюки и остановились, когда между ними стало где-то полметра.

Слушая скрип своего аватара, Харуюки усилием воли вытряхнул из головы шок и принялся думать.

На арене «Лунная ночь» ловушек нет. Значит, это какой-то неизвестный прием Даск Тейкера?! Нет, в этом случае было бы какое-то движение или голосовая команда – должен же он как-то его активировать. И потом, если бы у него был такой мощный прием, он наверняка бы его применил в их предыдущей дуэли. Значит –

Эти черные доски применил не Номи. И, разумеется, не Лайм Белл.

Иными словами, здесь, на поле боя, был кто-то еще…

Нет, исключено. Никто не мог устроить засаду в этом сражении, которое Харуюки столько раз откладывал и лишь в последний момент подтвердил.

Когда поток его мыслей добрался до этого места, Харуюки вдруг слабо ощутил чье-то присутствие.

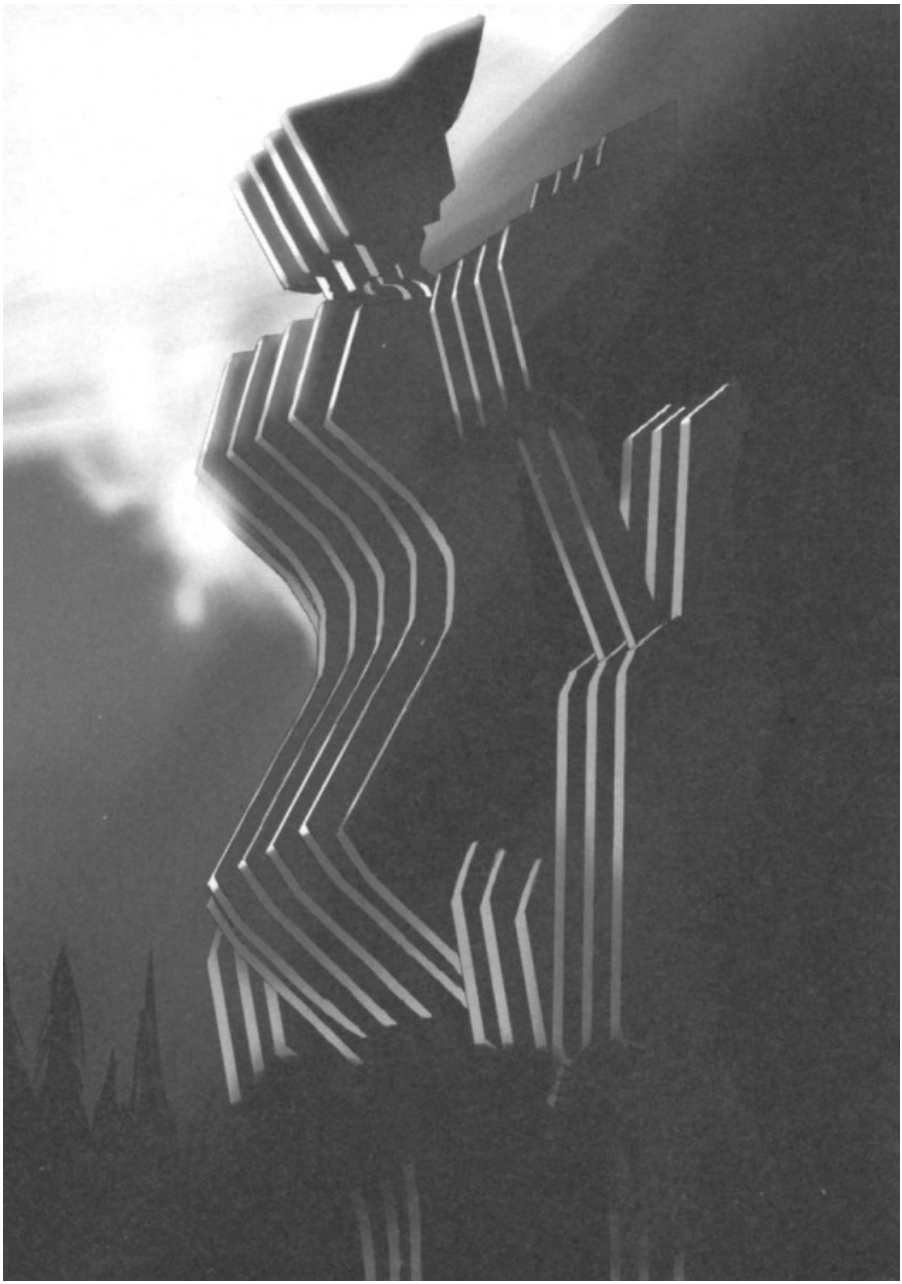
Его взгляд сам собой скользнул влево, в сторону школьного корпуса.

Северный край белого двора весь утопал в тени четырехэтажного здания. Съежившаяся фигурка Лайм Белл возле стены казалась совсем крохотной.

Харуюки, как и Такуму рядом с ним, безмолвно наблюдали, как пятый аватар вышел рядом с Тиюри из острого угла тени здания.

Странный.

Лишь это слово годилось для описания его внешности. Никогда еще Харуюки не видел в ускоренном мире более странного аватара.



Все его тело состояло из тонких вертикальных пластин. Как будто много листов бумаги обрезали по форме частей тела и сложили вместе. Между пластинами были примерно сантиметровые щели, и потому, хотя сбоку силуэт аватара можно было разглядеть отчетливо, спереди он выглядел просто набором вертикальных черточек.

И еще – десятки пластин, из которых состоял аватар, все были матово-черными, будто их в чернила окунули.

Харуюки сам не знал, что его потрясло больше – форма аватара или его цвет.

Пластинчатый аватар был абсолютно чернющим, как ни смотри. Не то что «черноватые» аватары, которых он видел раньше, – не серебряно-черный, как Кром Дизастер, не фиолетово-черный, как Даск Тейкер. Идеально черный, поглощающий свет всех длин волн и отказывающийся краситься.

– …Ты, – прохрипел Харуюки.

Аватар, однако, не ответил, а лишь повернул квадратную голову и уставился на Харуюки множеством своих щелей. И тут же давление пластин, сжимающих Харуюки, еще усилилось. Броня Сильвер Кроу неприятно захрустела.

Лишь в этот момент Харуюки заметил, что правой руки у пластинчатого аватара не было. Вместо нее возле плеча дрожало туманное серое сияние.

Харуюки не понимал, какая логика тут работала, но ясно было одно: судя по цвету и форме сжимающих Харуюки пластин, это и была правая рука аватара.

И еще кое-что было предельно ясно.

Этот черный аватар поджидал их в засаде, которую устроил Номи. Хотя этой засады просто не могло быть, ведь Харуюки и Такуму тщательно продумали все варианты.

– …Почему… как… ведь время же не было заранее известно… – почти простонал Такуму, по-прежнему стоящий позади Харуюки.

Даже после этих слов пластинчатый аватар продолжил молчать. Зато испустил короткое «ку-ку» и заговорил Даск Тейкер, находящийся в нескольких метрах от Харуюки.

– Ху, ху. Ох, ребята, вы все время такие забавные. Эти ваши обалделые лица такие прикольные. Мне даже хочется заплатить за просмотр… Кстати, что ты там говорил совсем недавно? «Мы уже знаем: когда имеешь дело с тобой, лишней предосторожности не бывает»? К сожалению, предусмотрительности вам все-таки не хватило, ха-ха, ХА-ХА-ХА-ХА!!!

Исторгнув очередной взрыв смеха, Номи вдруг развел руки в стороны.

– …Ну, впрочем, вы оба совсем скоро останетесь без очков, так что неважно, что вы сейчас узнаете. Я вам в качестве прощального подарка расскажу один секретик. …Я вовсе не предугадал время, которое ты назначил, но, конечно же, и этот вот товарищ вовсе не ждал тут несколько месяцев, пока мы не явились.

Когтями правой руки он похлопал по голове с линзоподобным визором.

– Вы оба уже знаете, у *нас* вот тут мозговой чип-имплантат. Этот BIC – фактически способный к росту терминал, он подсоединен к сенсорной зоне коры мозга и образует биоэлектронный интерфейс, но… в зависимости от программирования, он может добираться и до более глубоких областей мозга.

– Более… глубоких областей?.. – пробормотал Харуюки. Номи картинно кивнул.

– Да. Разумеется, это крайне опасно. Даже я так далеко не зашел. Но вот этот вот товарищ – он довольно смелый, хотя по нему и не скажешь. Его терминал достает до генератора частоты мыслительных процессов.

Генератор частоты мыслительных процессов.

Это понятие лежит в основе сверхтехнологии, позволяющей Бёрст-линкерам «ускоряться». Программа «Brain Burst» ускоряет мысли пользователя, увеличивая в 1000 раз тактовую частоту мозговых процессов, основу которой составляет ритм биения сердца. На обычную дуэльную арену ныряет пользователь или в «Безграничное нейтральное поле» – этот множитель фиксирован и изменяться не может.

Раз Харуюки и Такуму отложили начало боя более чем на час, здесь должно было пройти больше двух месяцев субъективного времени. У Номи просто не должно было найтись друга, который согласился бы терпеливо ждать в засаде столько времени, – просто не должно было. Однако.

– Повторю еще раз. Он нырнул в «Безграничное нейтральное поле» в восемь вечера по реальному времени. Но ему не пришлось ждать тут бог знает сколько месяцев. Слушайте сюда… он может с помощью BIC деактивировать свой генератор частоты и таким образом по собственной воле отключать ускорение своих мыслей. То есть – он *единственный «пользователь замедления» в ускоренном мире!*

– …Замед… ление…

Харуюки сам не знал, вырвались эти слова у него или у Такуму.

Других слов Харуюки просто не находил; но тут вдруг новый голос достиг его ушей.

– …Ай-яй-яй.

Негромкий юношеский голос звучал доброжелательно, даже несмотря на электронное эхо, типичное для дуэльных аватаров. Харуюки он сильно напомнил голос единственного своего любимого учителя в начальной школе – молодого классрука в очках.

Продолжая удерживать Харуюки на месте колоссальным

давлением, пластинчатый аватар впервые заговорил – мягко, без всякого намека на напряжение.

– Послушай, Тейкер-кун. Не могу удержаться от мысли, что эта твоя разговорчивость как раз и загнала тебя в такую ситуацию с «внезапной смертью».

– Ха-ха, всего лишь разница во взглядах. Ты считаешь оружием молчание, я – красноречие. Как тебе нравятся их обалделые физиономии? Тебе не кажется, что они перед нашим технологическим превосходством уже утратили волю сражаться?

– Не знаю, не знаю. Этот мальчик тут у меня по-прежнему держится. Сильнее я его сдавить не могу.

– Хее, он хоть и ослаблен, все-таки остается металликом. Ху-ху-ху.

Пластинчатый аватар подал Номи знак движением левой руки.

– При нынешних обстоятельствах я полностью сосредоточен на том, чтобы удерживать его на месте. Будет весьма любезно с твоей стороны, если ты приберешь большого немного раньше, чем планировалось.

– Понял, понял. Я не собираюсь заставлять тебя отрабатывать больше, чем я тебе заплатил. Дай мне три минуты… нет, тридцать секунд.

Эти презрительные слова Номи –

Наконец снова разожгли в Харуюки боевой дух.

Всего тридцать секунд? Ты, ни разу не победивший Таку в честном бою, – за тридцать секунд?!

Стиснув зубы, он кинул взгляд по очереди на сжимающие его пластины.

Сейчас не тот случай, когда я могу позволить себе оставаться на месте из-за этих хлипких штук. Врагов двое, но и нас тоже двое. Номи я оставлю для Таку, а сам разберусь… с этим типом!

Харуюки сосредоточил все свое сознание, все свои мысли в одну точку где-то между бровей.

Неожиданно из ниоткуда раздался высокий металлический звук, и тело Сильвер Кроу вздрогнуло. Возникло знакомое ощущение – что сознание подключилось к контуру инкарнации, скрытому в глубине программы «Brain Burst».

У пластинчатого аватара, сдавливающего Харуюки, возле правого плеча была серая аура. Нико говорила, что если аватар постоянно испускает свет, то есть «оверрей», то это признак использования системы инкарнации. Стало быть, эти пластины – инкарнационная техника того аватара. А раз так, то и Харуюки должен собрать всю свою силу и отбиваться.

Острые кончики пальцев Сильвер Кроу осветились белым

сиянием.

Оно быстро распространилось до запястья, потом до локтя.

Харуюки с силой втянул воздух – и выкрикнул название приема, совсем недавно им придуманное.

– «Лазерный… мееееч»!!!

После чего скрестил руки и вонзил кончики пальцев правой руки в левую пластину, а левой – в правую.

Доннн! С этим звоном клинки из света воткнулись в угольно-черные пластины. Брызнули искры.

Те места, в которые впились мечи, тут же приобрели раскаленно-красный цвет, как будто их поливали плазмой. Свечение быстро разошлось по всей поверхности пластин, и они завибрировали.

Я прорвусь!!!

Но как только Харуюки издал этот мысленный возглас и напряг всю свою силу воображения.

– Ого… Ай-яй-яй, как все серьезно, – раздался спокойный голос. А потом –

– «Статичный пресс».

Название приема.

Внезапно обе пластины зарокотали.

Толщина их, которая только что была всего несколько миллиметров, начала резко увеличиваться. Пять сантиметров, десять – они уже стали скорее «брусками», чем «пластинами».

Два огромных кубоида, материал которых, казалось, был вырезан из самой черноты, нажали на Харуюки с силой гораздо, гораздо большей, чем раньше.

– Гг… уу!

Застонав, Харуюки собрал всю силу воображения, какую только мог, и стал сопротивляться своими лазерными мечами. Однако, хотя всего секунду назад пластины выглядели так, будто вот-вот расплавятся, но как только их толщина выросла, раскаленные докрасна пятна стали вдвое меньше.

От плеча пластинчатого аватара исходила еще более яркая серая аура, чем раньше. Теперь уже было совершенно ясно, что враг применял не какой-то спецприем, регулируемый системой, а инкарнационную атаку, рожденную силой воображения.

Воображение двух сражающихся создало между ними некую нить – Харуюки показалось, что он прикоснулся к тому, что было внутри пластинчатого аватара.

Тьма.

В отличие от порождения инкарнации Номи, это не была голодная пустота, стремящаяся сожрать все на своем пути. Тьма была, но она не обладала энергией и потому ничего не отдавала и

не забирала – просто отвергала любое вмешательство. Нет, это было даже не активное отвержение. Это была «изоляция». Абсолютная отстраненность, которой наплевать на человеческие сердца.

Едва ощутив эту черноту, Харуюки невольно испугался своего контакта с ней через инкарнацию.

Всего краткий миг – но его лазерные мечи тут же ослабли и замерцали.

Этого оказалось достаточно. Став невероятно тяжелыми, твердые бруски надавили на плечи Харуюки, и он полностью потерял способность двигаться. И вновь раздался голос пластинчатого аватара.

– Эй, ты. Если не возражаешь, пожалуйста, стой смирно и не дергайся. Работа, на которую я подписался, – всего лишь временно тебя удержать на месте. Я не собираюсь сражаться.

Что за… эгоизм!

С этим мысленным возгласом Харуюки снова влил силу в лазерные мечи. Однако этого хватило лишь на то, чтобы чуть-чуть ослабить давление черных брусков; отпихнуть их не удалось.

Он был абсолютно обездвижен и мог лишь смотреть на два медленно сближающихся перед ним аватара.

С запада – немного непропорционально длинные руки свисали по бокам низкорослого тела – шел Даск Тейкер.

С востока – торчащий из пикомета на правой руке кончик стального стержня ярко блестел – шел Сиан Пайл.

Оба остановились лицом друг к другу на небольшом удалении посередине широкого школьного двора.

Поле боя залило напряжение; казалось, даже воздух загустел. Харуюки задрожал; он был не в силах ни говорить, ни даже молиться.

– …Хех, – вдруг произнес Номи, лениво шевельнув ладонями. – Похоже, ты тоже подготовился. Раз так, я смогу немножко поразвлечься… верно?

Он поднял руки и сомкнул пальцы перед грудью. Раздался искаженный, вибрирующий звук, и из рук Номи хлынул пульсирующий фиолетовый свет. Это был инкарнационный прием, который Харуюки и Такуму называли «волной пустоты». Харуюки думал, что Номи сразу взлетит и применит дальнобойное оружие, но тот, похоже, собирался драться на земле – возможно, чтобы понасмехаться над Сиан Пайлом.

– У этого приема есть название? – спокойным тоном поинтересовался Такуму. Номи в ответ рассмеялся, как будто бы с силой выдохнул.

– Ха, мне незачем давать приемам имена. Хотя вроде бы он

активируется немного медленнее, если безымянный, но такое поведение для игр, и оно мне не нравится! …Кстати… – он развел руки в стороны; фиолетовая волна оставила в воздухе туманный след. – Зачем тебе задавать такие вопросы? Если ты всего через несколько минут останешься без «Брэйн Бёрста»?

– Причина есть, конечно. Я хочу запомнить – пусть даже ненадолго, но в подробностях – своего противника, над телом которого буду читать молитву.

После этого холодного ответа Такуму занял стойку, поместив свое «Усиленное вооружение» перед грудью.

Харуюки знал, что Такуму неделю тренировал владение системой инкарнации под руководством Красного короля Нико. Однако он понятия не имел, какой именно прием освоил Такуму; не знал даже, способен ли его друг применять инкарнацию в реальном бою.

Несмотря на то, что сам Харуюки был зажат между двумя брусками и его аватар жалобно скрипел, он не мог отвести глаз от Такуму.

Вот Сиан Пайл поднял левую руку тоже и –

Сделал то, чего Харуюки ожидал меньше всего.

Пальцы его левой руки с силой обхватили стальную пику, торчащую из «Усиленного вооружения».

…Таку, какого черта ты делаешь?!

Харуюки выпучил глаза. Эта пика олицетворяла шрам в сердце Такуму – она была рождена из воспоминаний о жестоких издевательствах в секции кендо, когда Такуму учился в начальной школе. Это был синай, которым его постоянно тыкали в горло, и в то же время – смертельное оружие, предназначенное для того, чтобы пронзить горло тех гадов, которые измывались.

Почему же он сам схватился за острие?

На вопрос Харуюки Такуму ответил своими действиями.

– «Голубой клинок»!!!

И сразу же после этого выкрика.

Дынн! Стальная пика выстрелилась вперед. Харуюки ожидал, что острый конец оторвет Такуму кисть левой руки. Но.

Отлетел в сторону и рассыпался сам пикомет. А в левой руке Такуму остался окутанный бледным сиянием стержень. Такуму описал им размашистую дугу и поднял над головой, потом взялся за него и освободившееся правой рукой и рубанул сверху вниз перед собой.

Сияние рассеялось, и в руках Такуму оказался –

Меч.

Клинок длиной метра полтора. Не обоюдоострый, но совершенно прямой, с единственной темно-синей линией,

проходящей вдоль клинка до самого острия. Сам клинок светло-голубой, вокруг него едва заметное сияние такого же цвета.

Держа это красивое оружие в стойке, Сиан Пайл, сам тоже синий, теперь являл собой дуэльный аватар ближнего боя в чистом виде. Нет – это был в чистом виде «мечник».

…*Таку.*

Харуюки прошептал имя друга голосом, который не стал настоящим голосом.

Будто прочтя его мысли, Такуму кинул на Харуюки короткий взгляд и кивнул. Потом снова повернулся к Номи и шагнул правой ногой вперед. Поднял меч на уровень корпуса тренированным движением кендоиста.

Этот один шаг показал такую яростную жажду боя, что аура вокруг рук Номи задрожала.

– …Понятно.

Даже когда Номи встретился с этим боевым духом, голос его звучал не очень-то взволнованно. И тут же он презрительно рассмеялся.

– Ху-ху, понятно. Это потому что проиграть мне в поединке было так унизительно, да? И эти чувства ты зарядил в этот «типа меч». Ну ладно, если ты хочешь драку на мечах… ничего не поделаешь, подыграю тебе немножко.

После этих слов Номи тоже сделал движение, будто сжимает что-то руками, и занял такую же среднюю стойку.

Со смесью удивления и понимания Харуюки смотрел, как фиолетовая волна вытянулась и приняла форму меча. Раньше ведь Номи тоже поменял форму этой волны – сделал из нее когти. Видимо, это было оружие ближнего боя, способное принимать любую форму, которую Номи держал в воображении.

Хотя выглядели Такуму и Номи как дуэльные аватары, стояли они друг напротив друга в точности так, как во время финального поединка клубного турнира кендо. Однако никакого судьи здесь не было. Никаких защитных доспехов. И ставкой была их жизнь как Бёрст-линкеров.

Оба разом шагнули вперед, навстречу друг другу.

Между остриями двух мечей начали проскакивать, обжигая воздух, белые искорки.

Поединок на самом деле уже начался. Такуму и Номи сражались за «перезапись» – выясняли, у кого сила воображения выше.

Таку, верь в себя!!!

И в тот же миг, когда Харуюки мысленно выкрикнул эти слова.

– СЕАААА!!!

– ТЕЕЕЕЕЕ!!!

Два громких возгласа разнеслись над залитым лунным светом полем боя, и оба противника одновременно рванулись вперед.

Оставляя в воздухе голубой и фиолетовый следы, два меча врезались друг в друга.

Раздался мощный грохот. Инкарнация Такуму, воплощающая истинную суть меча, «силу разрубания», столкнулась с инкарнацией Номи, жаждущей все уничтожать. Мечи после столкновения разлетелись – и тут же снова устремились навстречу. Опять раздался грохот и посыпались искры. И еще раз.

Потом Такуму и Номи чуть разошлись и вновь застыли друг напротив друга в средней стойке.

Из-под маски Даск Тейкера раздался насмешливый голос:

– Нааадо же, как удивительно. Ты действительно изо всех сил стараешься выжать максимум из этого наспех состряпанного меча, да?

– Конечно. Ведь если не жульничать, я в кендо сильнее тебя.

– Ку-ку-ку, – гортанно рассмеялся Номи. – Не знаю, не знаю, семпай. Ты думал, я не замечу? Как бы ты ни старался скрыть, это легко видно! У тебя есть… слабое место!!!

Одновременно с этим выкриком Номи резко шагнул вперед. Фиолетовый меч в его руках с тихим шипением вырос в длину.

За счет собственного выпада и удлинения клинка – Даск Тейкер нанес яростный удар, нацеленный в горло Сиан Пайла.

– ТЕИИИИН!

Руки Такуму сами собой прыгнули вверх, защищая горло голубым клинком. Но меч Номи тут же изменил траекторию, как рапира фехтовальщика, и ударил в другое место.

Раздался вибрирующий звук, от которого ушам стало больно, и острие фиолетового меча пробороздило беззащитный правый бок Сиан Пайла.

Номи еще подал свой меч вперед. И следом из раны Такуму вылетела одна-единственная белая искорка.

– Гхх…

Несмотря на стон, Такуму мгновенно взял себя в руки и перешел в атаку. Он нанес подряд несколько ударов, целясь Номи в предплечье, второе предплечье, лицо и глаза. Однако фиолетовый клинок, извиваясь, как живое существо, с идеальной точностью отбил все атаки.

– Эй, эй, как так можно – оставить шею без защиты?

И вновь фиолетовый меч с визгом прыгнул вперед. Номи не упустил момента, когда движения Такуму застыли, и на этот раз нанес ему неглубокую рану в левую часть живота.

Таку, держись!!!

Харуюки мысленно кричал это другу, сам отчаянно сражаясь против черных тисков.

Душевная рана Такуму. Это были воспоминания об издевательствах, которым он подвергался в секции кендо, когда учился в начальной школе. Когда ему связывали руки за спиной и использовали его как манекен для отработки колющих ударов, это было невероятно унизительно, а главное – поселило в нем страх.

Однако Такуму не оставил кендо. Сам он говорил, что ему просто не хватило силы воли уйти, но на самом деле все было не так. Он остался, потому что любил кендо. Его любовь пересилила страх. Это чувство…

Верь в это чувство, Таку!!!

Такуму не мог слышать голоса Харуюки. Однако он вернул себе равновесие и –

Поднял меч вверх. Выше уровня шеи, даже выше головы.

Голубая аура, даже более яркая, чем лунный свет, окутала не только меч над головой, но и руки до самых плеч.

Оверрей Такуму колыхнулся, и он занял твердую стойку. Номи пристально смотрел снизу вверх в глаза своему противнику.

– …Что за очевидный блеф. Ну ладно, если ты желаешь оставить горло открытым, то…

Темно-фиолетовый оверрей с шипением окутал меч и руки Номи.

– …Я его проткну, сам напросился!!!

Рывок Даск Тейкера был стремительнее, чем Харуюки мог уследить взглядом. Размытым пятном аватар метнулся вперед и нанес в горло Такуму сумасшедший удар – на этот раз вовсе не финтя.

Такуму – не стал ни уклоняться, ни парировать.

Он двинулся вперед. Острие меча, таящее в себе убийственную мощь, он принял на толстое левое плечо. В броне образовалась глубокая дыра, полетели бледные искры.

– Гхх…

Тихий, полный боли стон вырвался из-под маски. Но тут же.

– ЗЕАААААА!!!

Голубой меч рубанул сверху вниз с такой силой, что воздух задрожал.

Номи, как и следовало ожидать, отдернулся вправо, но полностью уклониться не смог, и острие меча пробороздило его грудь слева. Рана была неглубокой, но все же из нее посыпались яркие красно-фиолетовые искры.

– Тц!..

Номи, цокнув языком, попытался разорвать дистанцию, но Такуму обрушил на него новую атаку. К сожалению, за миг до того, как голубой клинок коснулся маски Даск Тейкера, фиолетовый меч его заблокировал.

Соперники сцепились мечами. Целый водопад искр летел из той точки, где клинки упирались друг в друга, и ярко освещал маски.

Равновесие сохранялось лишь секунду. Сиан Пайл, превосходя противника по телосложению и физической силе, резко подал свой меч вперед. Результат не имел никакого отношения к системе инкарнации. Это было в чистом виде проявление разницы между аватаром ближнего боя и аватаром, сбалансированным на всех дистанциях.

Даск Тейкер пошатнулся, его правое колено опустилось на землю.

Его клинок качнулся, и «голубой меч» Такуму придвинулся вплотную к левому плечу Номи. От колоссального давления по выложенному белой плиткой двору пошли тонкие трещины. Маски сражающихся сблизились настолько, что почти соприкасались.

Внезапно Харуюки охватило предчувствие на грани уверенности.

«Таку, уклон!» Лишь мгновения ему не хватило, чтобы прокричать эти слова.

Номи резко воскликнул:

– «Демоник коммандир»!!!

Хруп! С этим звуком из маски Даск Тейкера вырвался густой поток черноты.

Он ударился в маску Сиан Пайла точно спереди и, словно какое-то живое существо, трепеща, проник внутрь. Туловище синего аватара откинулось назад и на миг застыло.

«Демоник коммандир».

Так назывался единственный *собственный* спецприем Даск Тейкера. Он поглощал всю шкалу спецатаки, но при этом крал у дуэльного аватара противника одну способность, спецприем или «Усиленное вооружение». То, что Номи не пользовался крыльями, а выбрал ближний бой лицом к лицу, видимо, было его ловушкой, рассчитанной как раз на это.

Спецспособностей у Сиан Пайла не было. А два из трех его спецприемов использовали «Усиленное вооружение». Значит, получив атаку «Демоник коммандиром», он должен был с вероятностью 75% потерять и пикомет, и спецприемы.

Если так будет – голубой меч, созданный воображением

Такуму из стальной пики, тоже пропадет.

Мгновение общей неподвижности, залившей все поле боя, казалось Харуюки вечностью.

Чернота, которая должна была потечь обратно от маски Сиан Пайла к Даск Тейкеру, –

Не потекла.

Вместо этого.

– …ОООООО!!!

С этим боевым кличем Такуму рубанул мечом, сжимаемым обеими руками, вниз по прямой.

Левая рука Номи, отсеченная чуть ниже плеча, превратилась в облачко фиолетового света и исчезла. Сам аватар рухнул на землю, его подбросило и отнесло метров на десять.

Как и следовало ожидать, он тут же встал и перехватил свой меч пустоты одной рукой. Однако кончик клинка мелко дрожал, выдавая тревогу в сердце своего хозяина.

Наставив сияющий голубой клинок на Номи, Сиан Пайл произнес:

– Ты действительно слишком жадный, в любой ситуации.

Харуюки не въехал в значение этих слов. Такуму, хоть, видимо, и не собирался объяснять, медленно продолжил:

– …Я давно думал об одной странной вещи. Почему ты не отобрал у Лайм Белл способность к лечению? Ведь так у тебя был бы полный комплект – «полет», «огневая мощь» и «лечение»; ты стал бы абсолютно сильнейшим, сильнее даже королей. А все дело в том, что… – глаза Такуму за щелями маски ярко вспыхнули, и он объявил: – *Твоей способности для этого недостаточно.* Не может быть, чтобы такой мощный спецприем, как «кража способностей у других аватаров», не имел ограничений. У твоего «Демоник коммандира» есть предел количества и силы того, что он может забрать и удержать. Из-за этого ты не можешь взять одновременно две таких редких способности, как «полет» и «лечение», даже если удалишь все остальные, что у тебя есть. Или я неправ?

Прижимаясь правой рукой к обрубку левой, Даск Тейкер молчал. Сейчас Номи должна была терзать дикая боль, вдвое более сильная, чем на обычной дуэльной арене. Может, он не мог двинуться с места – или же он был в такой ярости, что забыл про боль?

Не отводя от Номи острия меча, Такуму медленно приближался. Его спокойный голос вновь разнесся над полем боя.

– …Человек, который обучил меня инкарнации, сказал так. БОльшая часть потенциала Сиан Пайла сосредоточена в его пикомете. Ты, конечно, рассчитывал, что тебе хватит свободного

пространства, чтобы украсть мое «Усиленное вооружение», но… к несчастью для тебя, ты неверно оценил мой пикомет.

– …Ху-ху-ху, понятно.

Хотя Даск Тейкер наконец ответил со своим обычным презрительным смешком, голос его сопровождался мрачным и искаженным звуковым эффектом, словно выдавая его истинные чувства.

– Понятно. Я ведь говорил уже – эта палка состоит из твоих самых болезненных воспоминаний, да? Это… воплощение синая, правда ведь? Что, было что-то нехорошее в секции кендо? Неужели над таким крутым семпаем, как ты, позорно издевались? Ха-ха, не может быть! Ты же совсем не такой, как тот вон свинтус!!!

…Таку, эти слова – очередная ловушка Номи! Не слушай его!

Несмотря на то, что сам Харуюки по-прежнему отчаянно сопротивлялся безжалостно сдавливающим его черным тискам, он мысленно кричал своему другу.

Должно быть, из-за гнева сияние меча Сиан Пайла дрогнуло. Однако Такуму тут же взял себя в руки и спокойно ответил:

– …Мои воспоминания немногого стоят. По сравнению с теми ранами, которые создали твой аватар, Даск Тейкера. Ты стал «грабителем», потому что внутри у тебя ничего нет. Ты отбираешь все, потому что ты – пустая дыра. Думаю, ты и сам это понимаешь. Даже если ты отбираешь у других их умения… нет, их надежды, их дружбу и любовь, ты делаешь это потому, что своих у тебя нет и никогда не будет.

Снова повисло молчание.

Сумеречный аватар, окутанный голубым лунным светом, стоял, опустив голову.

Наконец Номи поднял ее, слегка покачиваясь. Продолжая сжимать левое плечо, он медленно посмотрел вверх. Его пробила короткая дрожь, тут же сменившаяся крупным пошатыванием.

– …Ку-ку-ку.

Из-под его круглой маски вырвался визгливый смех.

– Ку-ку, ху-ху-ху… ха-ха-ха, аха… а-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!!!

Откинувшись назад, Даск Тейкер продолжал ржать во весь голос.

– А-ха-ха-ха-ха!!! Во мне ничего?! Ничего?! Ха-ха-ха, это… не про меня, это про него!!!

Посмеявшись еще, он принялся говорить – в нем будто плотину прорвало.

– Вы, ребята, умные, так что наверняка догадались уже, когда просматривали альбомы выпускников, да? Да, мой Родитель – мой старший брат, на три года старше. Вот он был – настоящий

грабитель. В детстве он пользовался тем, что больше и сильнее меня, и отбирал конфеты и игрушки, когда стал постарше, стал отбирать карманные деньги и новогодние… он даже отобрал единственную девчонку, с которой у меня были нормальные отношения. Просто шикарный был грабитель, ху-ху-ху.

Номи покачал головой, смеясь, будто в удивлении. Потом его угрюмый монолог продолжился.

– …Первое, что он мне *дал*… это, конечно, был «Брэйн Бёрст». Я, дурак, был доволен, даже рад. И поэтому, когда его первая лекция закончилась и он сказал: «Теперь каждую неделю приноси по десять очков», – я страшно расстроился. Но если бы я отказался, у меня в реале был бы просто ад. И поэтому я вовсю дуэлился там, где было мало народу, и честно отдавал брату очки. Я стал просто собачкой. Да, он отобрал последнее, что у меня еще оставалось. Мою гордость.

…Нет. Я не хочу это слушать.

Харуюки, забыв дышать, пытался вытряхнуть из сознания слова Номи, которые даже просто слушать было больно, как будто они сами несли какую-то атакующую мощь.

…Я не хочу слышать эту байку. Нет, мне не нужно ее слышать.

Таку, нанеси завершающий удар побыстрей. Закончи это все. Нам вовсе не надо слушать рассказ сомнительной правдивости. Да нет, это наверняка вранье. Стратегия, чтобы вывести нас из равновесия.

Однако Харуюки в глубине души понимал.

История Номи, – правда. И Такуму просто не может сейчас его зарубить.

Даск Тейкер продолжил свой рассказ, обращаясь к остановившемуся Сиан Пайлу.

– …Но даже так я продолжал потихоньку набирать очки для себя и прокачиваться. И однажды я наконец получил первую спецатаку для своего аватара, который ничего особенного собой не представлял. «Демоник коммандир»… И примерно тогда же я обзавелся еще двумя мощными штуками. Мозговым чипом и знанием о системе инкарнации. Жестокие были тренировки… учитель черт знает сколько раз говорил, что это пустая трата времени. Но я держался чисто на ненависти к брату. Да, и мое время наконец пришло. Время, когда я вернул себе все, что этот гад… мой брат у меня украл.

Ку-ку-ку-ку.

Смешок с оттенком возмущения разнесся над школьным двором.

– …Я позвал брата в «Безграничное нейтральное поле» и для

начала отобрал его способность. Он был просто в шоке; а я после этого своей инкарнацией запытал его до смерти. Правда, его хит-пойнты кончились слишком быстро, на мой вкус, и я хорошенько продумал, как мне это сделать *в следующий раз.* Когда он через час воскрес, я уже поинтереснее его убил. Это был такой восторг, такой кайф – просто непередаваемо! Как он орал, когда у него наконец кончились очки и он потерял «Брэйн Бёрст»… При одном воспоминании мне даже сейчас смеяться хочется.. ку-ку, ху-ху, а-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Какое-то время он хватался за живот, потом вскинул голову и прокричал:

– Во мне ничего нет?! Пустая дыра?! Это не я теперь, это он такой!!! Бывший пользователь ускорения, который потерял «Брэйн Бёрст». Нет ничего более печального и жалкого! А я не такой… я заберу все. И в ускоренном мире, и в реальном. Даже иллюзии вроде дружбы и привязанности, в которые вы, ребята, так верите… – глаза под его маской вспыхнули. – Я не останусь без них, я их отберу и взлечу!!!

И одновременно с этим возгласом Номи размашистым движением отвел правую руку.

Из обрубка левой руки что-то вылетело с жуткой скоростью, как черные змеи. Это было «Усиленное вооружение» в виде трех щупалец, которым Даск Тейкер пользовался во время своей первой дуэли с Харуюки. Видимо, он незаметно произнес команду на его подключение и ждал, пока щупальца не регенерируются.

Эти щупальца, способные дотянуться до чего угодно, со свистом бросились – не на Сиан Пайла, стоящего перед Даск Тейкером. И даже не на Сильвер Кроу, зажатого в тисках.

Они полетели к Тиюри – Лайм Белл, которая, съежившись, сидела поодаль в тени школьного здания и до сих пор не произнесла ни слова.

– Что… – вырвалось у изумленного Такуму; однако он все же мгновенно среагировал и поднял меч в попытке рассечь щупальца.

Однако он на миг опоздал.

Щупальца стремительно сжались, точно резиновые, подняли схваченный ими аватар цвета листвы и подставили точно под клинок.

Сиан Пайл дернулся и остановил удар. Острие лишь прикоснулось к краю заостренной шляпы Лайм Белл и высекло одну-единственную искру.

Три щупальца тут же обвили все тело Тиюри и безжалостно сжали.

– !..

Хрупкий аватар откинулся назад, из горла вырвался болезненный стон. И поверх него прозвучал смешок Номи.

– Ху, ху-ху-ху. Ты думал, я ее позвал, просто чтобы она меня лечила? Ну неееет! Я уже знаю, что Лайм Белл – твое уязвимое место. Нужно пользоваться всем, что есть под рукой… вот в чем секрет побед в «дуэлях»!

– …Ах ты сволочь… – низко прорычал Такуму, и его клинок задрожал. Тиюри попыталась было что-то сказать ему, однако щупальца мгновенно обернулись вокруг рта Лайм Белл в несколько слоев.

– А теперь будь любезен, отбрось свой меч и отмени «Усиленное вооружение».

На этот холодный приказ Номи Такуму ответил скрипучим голосом:

– …Лайм Белл не участвует в нашей «дуэли до внезапной смерти». Ты не можешь брать ее в заложники.

– Ээ? Правда не могу?

Даск Тейкер склонил голову набок.

И небрежно обхватил правый локоть Лайм Белл своей правой рукой, сочащейся фиолетовой волной.

Дзынь.

Раздался очень, очень неприятный звук. Тонкая желто-зеленая рука Лайм Белл разломилась в локтевом суставе.

– !!!

Лайм Белл содрогнулась всем телом, из ее горла вырвался безмолвный вопль. Она изогнулась назад насколько могла, и еще раз, и еще. Всякий раз из локтя вырывался мощный поток зеленых искр.

Перед глазами Харуюки вдруг все стало обжигающе красным. Его охватила безумная ярость, и он стал изо всех сил вырываться. Однако черные тиски, будто насмехаясь над этой яростью, даже не дрогнули. Напротив – как только его лазерные мечи, до сих пор противостоявшие нажиму, из-за гнева поколебались, тиски сдавили его плечи еще мощнее.

– Ты… свооолооочь!!!

Это проревел Такуму. Он шагнул вперед, и тут же что-то стукнулось о грудь его большого аватара. Это была рука Лайм Белл. Отлетев от Сиан Пайла, она прямо в воздухе распалась на бессчетные полигоны и исчезла.

– …Ты ведь понимаешь, да, семпай? Она впервые ныряет в «Безграничное нейтральное поле». На арену, где уровень боли вдвое выше, чем на обычных дуэльных полях.

Это можно было и не говорить. Сейчас Тиюри испытывала такую боль, как если бы потеряла часть тела в реальном мире. Ее

хрупкий аватар продолжал подергиваться – возможно, из-за шока.

Прямо на глазах у застывшего Сиан Пайла Номи вновь поднял правую руку.

– …Кроме того, если я продолжу так делать, у нее заполнится шкала спецатаки, чтобы меня подлечить.

После чего ткнул своим острым указательным пальцем Тиюри в бок.

Ее аватар снова вскинулся. Даже из-под щупалец, в несколько слоев покрывавших ее рот, был слышен тоненький вскрик.

Тычок. Еще один. И – еще один.

Перед тем, как в теле Тиюри появилась четвертая дыра –

– …Прекрати!!! – низким, разбитым голосом прокричал Такуму.

Его всего трясло. Оверрей, покрывающий его меч и руки, мерцал нестабильно, как лампочка при плохом контакте.

«Не надо, Таку», – так хотел заорать Харуюки. Но не мог.

– …Пожалуйста, прекрати… – простонал Такуму. Голубой клинок вывалился у него из рук и с металлическим стуком упал на землю.

И тут же превратился в облачко света. Облачко взлетело в воздух и всосалось в правую руку аватара, где тут же снова появился пикомет.

Такуму прошептал команду, и «Усиленное вооружение» снова исчезло. Убедившись в этом, Даск Тейкер с силой махнул левой рукой и отшвырнул Тиюри куда-то далеко в сторону.

Больше он не обращал внимания на изогнувшуюся всем телом, корчащуюся от боли Лайм Белл.

Сумрачный аватар бросился на Сиан Пайла, и когти его правой руки погрузились в мощный синий живот.

Раздался влажный звук, и черная рука Даск Тейкера высунулась из спины Сиан Пайла.

Тут же Номи выдернул руку, и из раны хлынула струя бледно-голубых искр. Такуму зашатался, опустился на колени, чтобы не упасть, и неподвижно застыл, повесив голову.

– Все потому что ты веришь в ерунду под названием «узы», – тихо, будто всерьез жалея Такуму, произнес Номи. – Нет – ты проиграл, потому что вел себя так, будто веришь. Если бы вы на самом деле верили друг в друга, ты бы ударил меня вместе с ней. Или я ошибаюсь?

Ошибаешься… ошибаешься, ошибаешься!!!

Харуюки отчаянно вырывался. Он пытался вырваться из тисков и спасти Такуму; искры сыпались от его суставов. Продолжая сражаться, он безмолвно закричал:

Ну почему я не могу пошевелиться? Почему я не могу даже

голос подать? Вот сейчас, если вот сейчас я не сдвинусь с места, в чем тогда смысл всего, что я делал до сих пор…

– Прости, мальчик, – раздался шепот у него за спиной. Это был голос пластинчатого аватара, до сих пор молчавшего. – Этот прием блокирует не только твои движения, но и речь. Поэтому ты не можешь ни говорить, ни использовать голосовые команды. Я бы позволил тебе хотя бы попрощаться с твоим другом, но… прости.

После этих слов, которые звучали как искреннее извинение, ярость Харуюки разгорелась еще сильнее; она бушевала внутри его аватара.

Спину вдруг прострелило.

Импульсы боли, как удары молнии, расходились из точки где-то между лопатками.

Харуюки показалось, что он слышит что-то вроде голоса. Но голос не достигал сознания Харуюки, словно тиски блокировали и его.

Если говорить он не может, остается лишь сопротивляться с помощью инкарнации – лазерных мечей. Харуюки это понимал, но кипящая ярость сбивала концентрацию.

В школьном дворе Даск Тейкер перед стоящим на коленях Сиан Пайлом поднял правую руку.

Волна пустоты снова приняла форму тонкого меча. Меч с гулом нанес подряд два удара сверху вниз.

Раздался тяжелый стук – обе руки Сиан Пайла, отрубленные возле плеч, упали на землю. Водопад искр хлынул из ран.

Харуюки услышал голос.

«…Хару, прости меня».

«…Я не могу больше сражаться. Прости…»

Зрение Харуюки затуманилось из-за текущих под маской слез. Но он все равно видел искаженную фигуру Даск Тейкера, поднимающего меч, чтобы нанести смертельный удар.

Здесь.

Здесь все закончится? Конец «Brain Burst» для меня… и для Такуму?

Эта мысль со шлепком приземлилась в его голове.

И, как будто это была капля с температурой, равной абсолютному нулю, пламя ярости, горевшее в Харуюки, застыло и исчезло. Руки и ноги вдруг охватил холод. Сияние на руках мигнуло и погасло. Все ощущения улетели куда-то далеко. Осталось только предчувствие, которое он уже испытывал один или два раза, – предчувствие, что вот сейчас его аватар полностью отключится.

…Ааа, понятно. «Нулевой файл». Значит, его тоже создает

система инкарнации. «Минус-воображение» гасит огонь сердца, и аватар превращается в холодную статую.

…Хоть я это и понял, все уже потеряло смысл.

…Нет, неверно.

Если «обнуление» производит «минус-инкарнация», и это может произойти с каждым Бёрст-линкером, то и наоборот тоже должно быть возможно. Аватар, неспособный двигаться, должен обрести эту способность через «плюс-инкарнацию». Даже если – даже если он зажат тисками абсолютной мощи.

Как в тот раз, когда Харуюки, стоя рядом с *ней*, спящей в постели из черных шипов, подхлестнул свое избитое тело и вновь сумел подняться.

Слабый огонек вспыхнул у груди Харуюки.

Это не было пламя черной ярости к Номи, которое охватывало его много раз. К этому больше подходило название «воля». Чистая сила духа, которую в нем воспитали Черноснежка, Нико, Блад Лепард и Скай Рейкер.

Этот огонек начал плавить лед, сковывающий все тело Сильвер Кроу. Харуюки вновь стал ощущать свои конечности.

Синее сияние, тоже похожее на пламя, – оверрей, – внезапно окутало швы и сочленения зеркальной брони Сильвер Кроу.

Но Харуюки этого даже не осознавал. Он плотно прижал ладони к черным тискам.

– Гу… ууу…

Тихий стон вырвался из его горла. Собрав все силы, Харуюки пытался расширить щель. Аватар скрипел, острая боль прошила локти и плечи.

Раздалось подряд несколько хрустящих металлических звуков. Это трескалась броня на руках. Из трещин тоже вырывался синий свет.

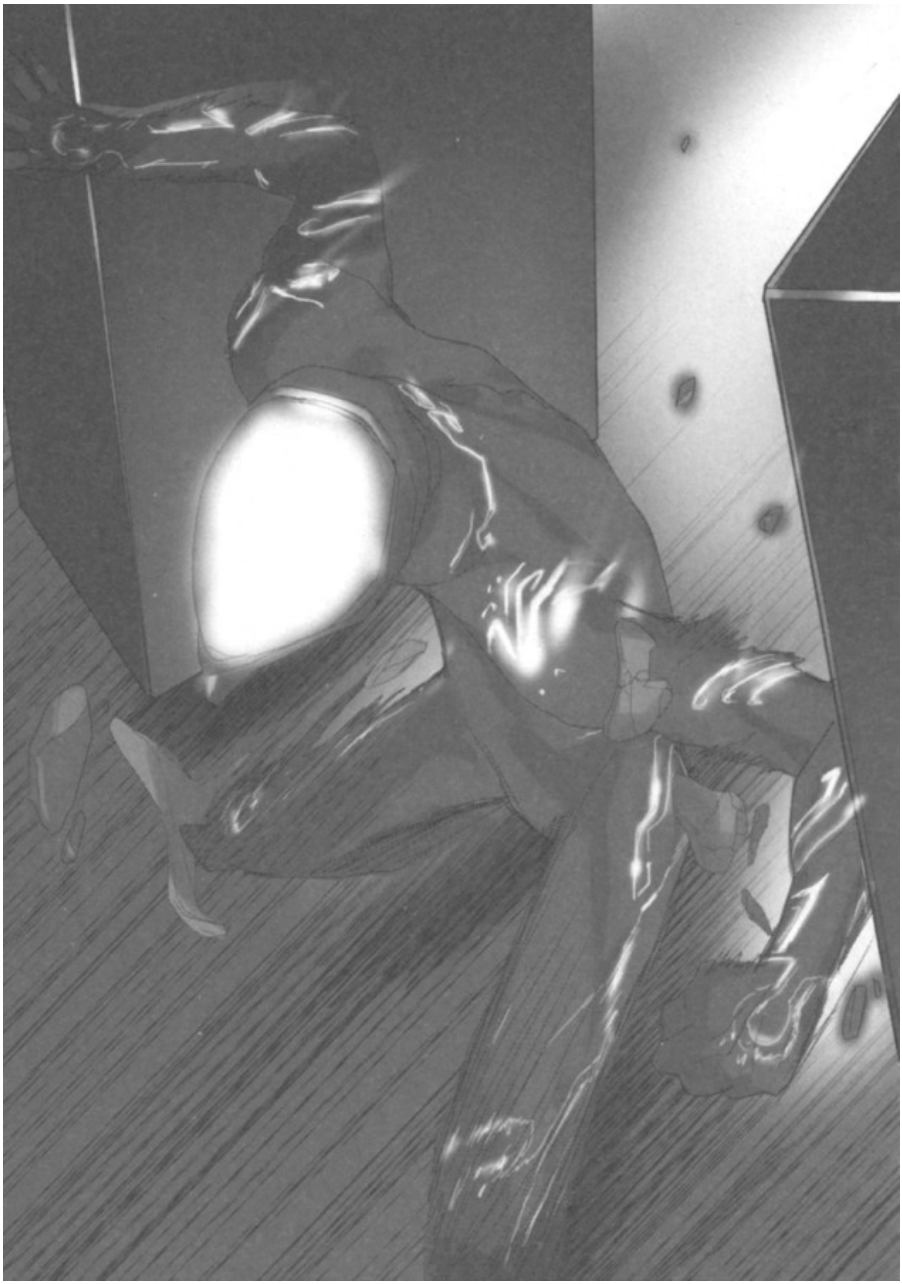
– У… о… ооо!..

Сгустки чистой боли взрывались в нервной системе Харуюки, перед его глазами все побелело. Но он продолжал давить. Кусочки брони, отламываясь, падали к его ногам и там рассыпались. Синяя аура подобно пламени окутала его темно-серое тело там, где оно выглядывало из-под брони.

Но и сейчас абсолютная прочность и давление черных брусков остались прежними. Однако – Харуюки верил.

Не в собственную силу.

Он верил в силу людей, для которых ускоренный мир – не просто инструмент; в силу людей, которые поддерживали и наставляли его до сих пор.



– Оо… о, ооооОООО!!!

И одновременно с этим воплем вся броня с его туловища отвалилась разом.

Синяя аура сконденсировалась, потом взорвалась и окрасила весь мир.

И Харуюки почувствовал. Всего на миг, но давление черных тисков ослабло.

Со всей силы он рванулся вперед. Его плечи терлись о стены,

полоса хит-пойнтов, рассыпая искры, съезжала вниз. Вложив всю свою энергию в один-единственный шаг, кажущийся бесконечным, Харуюки наконец вырвался из заточения.

Упал на землю. Перекатился и тут же вскочил на ноги. Инерция от этого движения сама понесла его вперед, и он выставил правую руку. Сосредоточился.

И выкрикнул.

– У… аааа!!!

Рука Даск Тейкера остановилась, не завершив удара, который должен был перерубить шею Сиан Пайла; он обернулся с тенью удивления во взгляде. Харуюки вложил всю оставшуюся в нем волю и выстрелил в Номи лазерным мечом.

Световой клинок вытянулся в воздухе более чем на пять метров и –

Отсек два из трех щупалец Номи, росших из левой руки.

Это был предел.

Силы покинули его тело, ноги заплелись; Харуюки рухнул и перекатился на спину.

Голос Номи достиг его пульсирующего сознания будто издалека – возможно, потому что Харуюки слишком сильно напрягал сознание.

– Эй, пожалуйста, не пугай меня так, семпай.

И после короткой паузы:

– …Ты там не слишком расслабился, что выпустил добычу из тисков?

Издалека донесся ответ пластинчатого аватара:

– Ты несправедлив; я здесь тружусь в полную силу, знаешь ли. Ты бы лучше мальчика похвалил, он невероятно упорен. Хотя, похоже, он уже на пределе.

И – Харуюки лишь бессильно смотрел, как тонкие пластины вновь выстраиваются по обе стороны от него.

Он перевел взгляд и увидел посреди перевернутого поля зрения, как Даск Тейкер поднимает свой фиолетовый меч, чтобы на этот раз прикончить Такуму.

Никаких мыслей в голову не шло. Душа Харуюки была истощена до такой степени, что он даже отчаяния уже не чувствовал.

– Ну что ж… прощай, Сиан Пайл.

Фиолетовый клинок рухнул, рассекая воздух.

Он падал по дуге, направляясь к шее синего аватара и оставляя за собой послесвечение –

Харуюки попытался закрыть глаза и отключить сознание, как вдруг.

Донн.

Чистый звук.

Меч Номи, готовый уже коснуться шеи Такуму, был перерублен у основания и исчез, будто растворился.

Инкарнацию нельзя победить, кроме как инкарнацией.

Это был не Харуюки. Пластинчатый аватар, удерживавший Харуюки на месте, тоже не стал бы вмешиваться в действия Номи.

Иными словами – на поле боя появился еще один Бёрст-линкер.

Харуюки распахнул глаза, поднял голову, будто его взгляд вело что-то, и посмотрел на ночное небо.

Прекрасный серый дворец стоял совершенно неподвижно. Посередине была башенка – изначально лестница средней школы Умесато; и вот там, на ее вершине.

На фоне огромной голубой луны стоял силуэт.

Кавалерист.

Мощный черный конь, длинная грива которого колыхалась на ветру. Глаза горели голубым огнем, четыре копыта тоже были охвачены синим пламенем.

На спине у него отважно восседал стройный всадник.

Кварцево-черная броня, волшебно отражающая лунный свет. Заостренная V-образная маска. Черная юбочка в виде лотоса вокруг тонкой талии.

Обе руки – острые длинные мечи. И обе ноги тоже – мечи. Их резкое сияние, казалось, способно было рассечь даже лунный свет.

– …Аа.

Тихий голос, почти вздох, вырвался из горла Харуюки. А потом еще раз.

– …Аа…

Ему казалось, что, если он произнесет еще что-нибудь, конь и всадница превратятся в мираж и исчезнут.

Однако всадница, будто услышав шепот лежащего далеко от нее Харуюки, легонько кивнула и правой ногой пришпорила черного коня.

Конь встал на дыбы, выдохнул синее пламя из ноздрей и яростно заржал, а потом помчался вниз, стуча копытами прямо по воздуху. Все дуэльные аватары на земле следили за этим спуском, не в состоянии произнести ни слова; а конь с всадницей, прочертив бледно-голубой след в ночном небе, зависли прямо над

школьным двором –

И всадница проворно спрыгнула.

Расставив в стороны длинные руки, она, будто скользя, приближалась к земле. Перед самым приземлением она резко выпрямила правую ногу.

Раздался резкий звон, и аватар застыл, опираясь на землю кончиком ноги.

Черный конь, по-прежнему остававшийся в воздухе, описал дугу и помчался галопом на юго-запад; скоро он растворился в небе.

Проводив его взглядом, угольно-черный аватар посмотрел на Харуюки. Снова кивнул. Потом перевел взгляд на поднявшего голову Сиан Пайла. Потом, по очереди – на стоящий поодаль пластинчатый аватар и на по-прежнему лежащую на земле Лайм Белл.

И наконец – пристально уставился на Даск Тейкера.

Фиолетовые глаза под зеркальной маской загудели и ярко вспыхнули.

– …Не… может быть…

Этот хриплый возглас издал Номи.

– Не может быть. Почему… как, здесь. Как ты здесь?

Точно такой же изумленный вопрос был и в сердце Харуюки. Но в то же время куда более мощная и глубокая эмоция переполнила его грудь, не давая произнести хоть слово. Он просто лежал. Кварцево-черный аватар вновь кинул на него взгляд.

Номи снова простонал:

– Не может быть… Ты одна вернулась с Окинавы только ради этой дуэли? Нет, даже если так, ты не смогла бы успеть вовремя. Невозможно… почему, как ты здесь оказалась! Черный король… Блэк Лотус!!!

Да, черный как ночь аватар просто не мог быть кем-то иным, кроме *нее* – Черного короля, командира легиона «Нега Небьюлас» и одного из «семи королей чистых цветов». Блэк Лотус.

Однако владелица этого аватара, третьеклассница средней школы Умесато и вице-председатель школьного совета Черноснежка, должна была сейчас находиться на Окинаве, в школьной поездке. Кроме того, время боя между Номи и группой Харуюки было назначено меньше часа назад по времени реального мира. Даже если бы Черноснежка каким-то образом узнала о намечающемся сражении, она просто не могла успеть вернуться в Токио с Окинавы и прийти сюда.

После того как Номи выплеснул на нее свои слова, Черноснежка холодно покачала шлемом и впервые заговорила.

– Значит, ты и есть «Даск Тейкер». Похоже, ты гордишься своей изобретательностью, но… ты еще так наивен. В ускоренном мире существует бесконечное множество способов сражаться, которые тебе даже в голову не приходят.

Несмотря на то, что говорила она красивым, шелковым голосом, слова ее, казалось, резали воздух на кусочки. Номи отступил на полшага.

– Я не вернулась в Токио, мне и не нужно было этого делать… Позволь напомнить тебе одно из основных правил «Брэйн Бёрста». На обычной дуэльной арене существуют ограничения: во времени – тысяча восемьсот секунд – и в пространстве – границы арены. Однако в «Безграничном нейтральном поле» всего этого нет. Потому оно и «безграничное». Слушай внимательно… – Черноснежка со свистом рассекла воздух перед собой правой рукой-мечом и торжественно заявила: – *В этом мире Окинава и Токио соединены друг с другом!* … Кажется, ты наконец понял. Да, вот именно, *я нырнула на Окинаве и проделала весь путь до Токио*. Да, у меня ушло пятнадцать часов на то, чтобы приручить этого «энеми» класса «божественный зверь» и добраться сюда. Но в реальном мире не прошло и минуты.

– …Че… го?.. – изумленно ахнул Номи. Потрясение Харуюки тоже становилось все сильнее.

Конечно, я уже много раз нырял сюда, в «Безграничное нейтральное поле», и всегда думал, насколько далеко тянется этот мир. Но это был просто туманный вопрос, мне и в голову не приходило самому проверить; а ответ-то простой. Вот он: «Это поле тянется до границ сети Общественных камер» – ведь эта сеть и служит средой, в которой существует ускоренный мир. Иными словами, оно занимает всю Японию. От Хоккайдо на севере до Окинавы на юге.

Но кому вообще может прийти в голову путешествовать по этому огромному миру в одиночку? Это же не VR-мир для безопасного осмотра достопримечательностей. Это зона смерти, здесь обитают громадные «энеми», способные одним ударом раскидать десятки Бёрст-линкеров.

Никому, кроме одного человека.

– …Сем… па… й… – невнятно вырвалось у Харуюки. Горячие слезы покатились под растрескавшейся серебряной маской.

Черноснежка снова повернула голову к Харуюки, и впервые за все время на ее лице появилась тень улыбки. Но эта тень тут же исчезла, когда Черноснежка взглянула на владельца тисков, сдавливающих Сильвер Кроу, – пластинчатый аватар.

Резкий металлический лязг – и тут же белые искры

вспыхнули в черной ночи.

Черные пластины, сжимавшие Харуюки, исчезли, и лишь тогда он с запозданием понял, что только что произошло.

Вовсе не двигаясь своим аватаром, Черноснежка запустила дальнобойную инкарнационную атаку – одна лишь ее правая рука окуталась слабым сиянием. Пластинчатый аватар отбил удар, тоже с помощью инкарнации. Поэтому образ тисков, сжимавших Харуюки, отменился и исчез.

Еще три вспышки звонко разорвали воздух. Визуальные эффекты при этом были не ахти какие, но мощь этих атак была очевидна – каждый раз арена под телом Харуюки тяжело содрогалась.

От ощущения этой мощи у него перехватило дыхание. Его совершенно не удивило, что Черноснежка, король, владеет инкарнацией. Потому что технику столь ужасающей разрушительной силы ему уже показала Нико, чья карьера Бёрст-линкера была намного короче, чем у Черноснежки, хоть она и была тоже девятого уровня.

Однако в пластинчатом аватаре тоже чувствовалось что-то бездонное; он ведь прямо противостоял атакам Черноснежки.

Блэк Лотус прекратила атаковать, будто это было просто приветствие, и коротко спросила:

– Твое имя?

Стоящий в двух десятках метров от нее пластинчатый аватар озадаченно склонил набок голову, состоящую из параллельных листов черноты. Раздался тихий голос – такой же, как прежде, похожий на голос учителя из начальной школы.

– …Смысла называть себя сейчас я не вижу. Однако ты, король, утрудила себя визитом на такое большое расстояние. Будет грубо, если я хотя бы не представлюсь, не так ли?

С негромким гудением множество черных пластин взлетело из тени возле ног аватара и, приняв форму правой руки, пристроились к его плечу. Несомненно, это и были тиски, сжимавшие Харуюки совсем недавно.

Аватар положил правую руку на грудь и, перегнувшись в талии, поклонился. Снова прозвучал голос:

– Я вице-председатель кружка под названием «Общество исследования ускорения»… Блэк Вайс[22]. Рад знакомству с тобой.

…С того самого момента, когда Харуюки увидел этот цвет, он немножко ждал этого.

Но все равно, услышав имя, он был потрясен.

Блэк. Чистый черный цвет.

Цвет, который – Харуюки всегда в это верил и никогда не подвергал сомнению – мог принадлежать одной лишь Блэк Лотус.

Более того – Харуюки вообще никогда раньше не слышал, чтобы одно и то же название цвета, которое есть в имени каждого Бёрст-линкера, было хотя бы у двух аватаров в ускоренном мире.

В отличие от Харуюки, ошеломленно выпучившего глаза, Черноснежка не выказала ни намека на волнение. Лишь негромко выдохнув, она произнесла:

– Пфф, значит, не легион, а «кружок». Похоже, вы осторожны.

– Прошу прощения, это политика нашего кружка.

– Имя мне, конечно, тоже не нравится, но… в первую очередь я должна отплатить тебе за то, как ты издевался над членами моего легиона. Разумеется, я все верну тебе в двойном размере.

Ее синевато-фиолетовые глаза яростно вспыхнули. Аура того же цвета окутала обе руки-меча.

В ответ пластинчатый аватар, Блэк Вайс, развел руки в стороны; в его движениях не ощущалось ни намека на напряжение.

– Как неприятно. Должен заметить, что ранил твоих товарищей в основном не я, а Тейкер-кун. Впрочем, полагаю, я не в том положении, чтобы просить тебя не обращать на это внимания… да?

Одна из его лениво свисающих рук окуталась тонкой аурой чернильного цвета, и тут же множество пластин, из которых она состояла, беззвучно разошлось и, будто скользя, всосалось в тень у его ног.

– Се-…

«Берегись!» – так он хотел выкрикнуть. Однако две пластины уже выпрыгнули возле ног Черноснежки и сжали ее с боков; все это произошло так быстро, что даже глазом не уследишь.

Бамм! Пластины врезались в руки Блэк Лотус. Сперва тонкие, они тут же выросли в толщину, превратились в громадные бруски. Это был инкарнационный прием Блэк Вайса «Статический пресс». Вспомнив испытанное на собственной шкуре страшное давление этого пресса, полностью блокирующего движения и голос пойманного им аватара, Харуюки забыл о собственной боли и снова попытался крикнуть. Но не успел.

Раздался звонкий хруст.

Синие линии расчертили два угольно-черных бруска.

Харуюки обалдело смотрел, как бруски развалились надвое – половинка налево, половинка направо – и упали на землю. Появившаяся из-за них Черноснежка стояла, чуть разведя руки, словно ничего не произошло.

– К сожалению, физические ограничители против меня неэффективны.

Рассеченные кубоиды снова превратились в тонкие пластины

и всосались в землю. Потом правую руку-меч Черноснежки окутало алое пламя.

Спокойным движением она отвела руку и –

– «Разящий удар»!!!

И, холодно выкрикнув название приема, выбросила руку вперед.

Это движение очень походило на спецприем Черноснежки «Дес бай пирсинг». Но вот дальность была на совершенно другом уровне. Багровое копье, вырвавшееся из клинка, с ревом, сопровождаемым металлическим эхом, понеслось к стоящему на приличном расстоянии Блэк Вайсу.

В ответ матово-черный пластинчатый аватар поместил перед собой левую руку, тут же окутавшуюся серой аурой.

– «Слоистая броня».

Пластины, составлявшие руку, со стуком разошлись, и каждая превратилась в большой квадрат. Десяток этих квадратов выстроился в ряд между Блэк Вайсом и Черноснежкой на пути красного копья, защищая своего хозяина.

Раздался оглушительный грохот, и мир содрогнулся.

Девять из десяти пластин копье пронзило, на десятой остановилось. Но не исчезло. Хоть и не пробив последнюю пластину, оно продолжало ярко сиять, и окружающее его пространство выглядело искаженным.

Два Бёрст-линкера с черным цветом в имени сражались между собой на инкарнации; они стояли друг напротив друга, выставив вперед – одна правую руку, другой левую.

В такой напряженной ситуации Черноснежка кинула взгляд на Харуюки – и приказала жестким, но вместе с тем ласковым голосом:

– Теперь вставай, Сильвер Кроу. Я остановила этого парня. А ты должен победить своего врага… Даск Тейкера.

Всего секунду назад Харуюки казалось, что в нем уже не осталось сил сражаться.

Однако слова королевы мечей вонзились ему в грудь, словно тоже были сродни инкарнации, и вновь зажгли погасшее было пламя.

– …Да, – ответил он хрипло, но отчетливо.

Харуюки согнул ноги своего побитого аватара, уперся кулаком в землю и встал, пошатываясь. У него оставалось чуть больше 30% хит-пойнтов.

Удостоверившись в этом, он повернулся к Даск Тейкеру, стоящему немного поодаль, и к Сиан Пайлу рядом с ним.

Такуму, получивший сквозную рану в живот и лишившийся обеих рук, по-прежнему стоял с опущенной головой, словно его

сознание было затуманено болью. Глаза под маской не горели. Но он все еще был здесь. Он все еще не умер.

И тут, словно очнувшись наконец от шока, Даск Тейкер медленно поднял правую руку и хлопнул по лицу-маске.

– …Ху, ху, ху-ху.

Между пальцев просочился негромкий презрительный смех, который Харуюки уже столько раз слышал.

– Ху-ху. Блин… ребята, вы по-прежнему отвратительны. Сколько еще вы собираетесь делать вид, что верите в эти идиотские «дружбы» и «узы»? Говоришь, ты прибежала с самой Окинавы? Что за свихнутая заявочка, бог мой.

Он убрал руку от лица. Слабая волна окутала его когти.

– Ладно, это мне сэкономит время – пожалуй, так можно сказать. Если я раздавлю эту безжизненную куклу и того таракана, останется только Блэк Лотус. Ты, может, и зовешь себя королем, но даже ты с нами двоими не справишься. Вообще-то это уникальный шанс… Я сделаю с тобой то же самое, что с ним – буду с тобой драться и убивать каждый час. Пока ты не потеряешь все очки. Ху-ху, ку-ку-ку-ку.

Большую часть этих издевательских слов Харуюки не слышал. Его сознание было устремлено на тяжелораненого Такуму и на по-прежнему лежащую поодаль Тиюри.

Перед его глазами мелькали картины, как Номи издевался над ними. Как Тиюри кричала, когда Номи отрубил ей руку. Как Такуму рухнул, когда Номи пробил ему туловище. Эти двое чувствовали нечто большее, чем виртуальная боль. Они испытывали страдание от того, что их дружбу и любовь использовали и топчут. Отчаяние от того, что самое дорогое для них оскверняют и уничтожают.

Повернувшись к Харуюки, который стоял, сжав кулаки и дрожа всем телом, Номи утешающим тоном прошептал:

– Но ты не беспокойся. Потому что я пощажу только ее… только Лайм Белл. И не потому что я не могу отобрать у нее способность к лечению, как этот вот манекен торжественно заявлял. А из-за преданности *Тиюри*. Да, ее преданность достойна похвалы. Теперь и я буду обращаться с ней с любовью, ха-ха-ха-ха.

– …

Харуюки стиснул зубы до такой степени, что они, казалось, вот-вот начнут крошиться, и процедил:

– …Номи. Ты ошибаешься.

– В чем именно? И с каких пор?

Неотрывно глядя на склонивший голову набок сумрачный аватар, Харуюки спокойным тоном ответил:

– Во всем, с самого начала. Когда ты поступил в нашу

школу… если бы ты вызвал любого из нас на нормальную дуэль и сказал «рад познакомиться», все было бы нормально. Если бы ты сказал, что хочешь вступить в наш легион, это тоже было бы нормально. Если бы ты это сделал, ты получил бы все то, что ты на самом деле хочешь. Друзей, дружбу, человеческие отношения.

В это мгновение.

Даск Тейкер внезапно застыл. Из-под его маски вырвался совершенно другой голос – низкий, хриплый.

– …Что ты сказал? Я? Хочу друзей?

– Вот именно. Ты такой же, как я и Таку. Над тобой измывались, тебя ранили, и ты стал Бёрст-линкером. В ускоренном мире ты наверняка уже узнал через дуэли. Ты узнал, что здесь есть то, что нас связывает, то, чего мы желали. Почему ты не смог поверить в это? Почему ты положился на фальшивую силу, которую дает BIC? Ведь ты наверняка мог сделать и противоположный выбор.

На несколько секунд повисло молчание.

Внезапно весь аватар Номи окутала ужасающая аура. Харуюки понял: это была волна неизмеримой ярости, и источником ее были чувства в самом сердце Номи.

– …Другими словами, ты хочешь сказать вот это? – поинтересовался Номи голосом, непохожим на голос. – «Я прощаю тебя». «Мне жаль тебя, поэтому я стану твоим другом». «Я глубоко сочувствую тебе, поэтому я протяну руку и помогу тебе». Ты это имеешь в виду?

– Нет, – тут же покачал головой Харуюки. – Я совершенно не собираюсь ничего этого делать. И для меня, и для тебя уже слишком поздно понять друг друга. Давай все закончим, Сейдзи Номи.

Ярость к Номи, конечно, жила и в Харуюки. Но сейчас другое чувство, куда более сильное, чем ярость, заполнило все его тело сверхжарким синим огнем. Решимость. Решимость закончить все здесь и сейчас. Этот огонь был такой горячий и пылал так уверенно, что казался неподвижным, точно звезда. Звезда, спокойно и тихо сияющая в ночном небе.

Номи вновь коротко хохотнул, по-прежнему излучая всем телом злобу, клубящуюся, как ураган.

– …Ху-ху. Ну слава богу. Даже если я избавлюсь от твоего аватара здесь, все равно я никогда не прощу жалкого тебя в реальном мире… Ладно, давай уладим все дела, Харуюки Арита. В этом мире нет места двум летунам.

После этих слов он вдруг поднял правую руку, сжал кулак и резко отвел назад.

Синхронно с этим движением черные крылья, до сих пор

остававшиеся сложенными у него за спиной, с хлопком раскрылись на всю ширину.

Харуюки в ответ тоже поднял правую руку, раскрыл ладонь и произнес:

– Снарядить «Ураганный двигун».

В ночном небе моргнула синяя звездочка. Двумя лазерными лучами она пролилась на землю, и эти лучи врезались в спину Харуюки. Там они и остановились, сияя, а потом обрели форму прекрасного «Усиленного вооружения».

Даск Тейкер расправил крылья еще сильнее, потом с силой согнул.

Двигатели на спине Сильвер Кроу взревели.

Единственные на весь ускоренный мир два способных к полету аватара на миг застыли, сцепившись взглядами.

Чуть-чуть раньше своего противника от земли оттолкнулся Номи. Отведя назад последнее щупальце на левой руке (так что оно стало смахивать на хвост), он забил перепончатыми крыльями и поднялся вертикально вверх; его силуэт выглядел совсем как у демона.

Проследив глазами траекторию Номи, Харуюки согнул ноги в коленях и…

– …Пошеоооол!!!

…выпустил на волю всю энергию своих двигателей.

Синяя реактивная струя опалила белое покрытие двора. Невероятная мощь двигателей резко подбросила маленький аватар. Темный силуэт он догнал мгновенно.

Номи кинул взгляд вниз и с силой махнул одним крылом. Стремительно развернувшись вокруг оси, рубанул правой рукой.

– Теееее!!!

Одновременно с этим пронзительным выкриком фиолетовая волна приняла вид пяти длинных когтей. Чертя в воздухе пять длинных дуг, когти устремились к Харуюки.

Харуюки свел вместе пальцы правой руки.

– Лазерный… меч!!!

Клинок белого света вонзился снизу в фиолетовые когти.

Контакт длился лишь мгновение. Острие светового меча и кончики когтей были отсечены, но обе атаки продолжились на остатках инкарнации и достигли своих целей.

Широкий прямой разрез возник на груди Даск Тейкера. Пять тонких линий – на груди Сильвер Кроу. Посыпались искры двух цветов. Стиснув зубы от острой боли, Харуюки продолжил подниматься; двигатели отключились, и он, разведя руки в стороны, перешел в свободное падение.

Невероятная мощь «Усиленного вооружения» под названием

«Ураганный двигун», полученного Харуюки от Скай Рейкер, компенсируется тем, что, будучи запущенными, двигатели поглощают сразу всю свою шкалу энергии. Поделить ее на части, чтобы взлететь несколько раз или парить, невозможно. Достигнув высшей точки траектории, аватар может лишь контролировать спуск с помощью установленных на двигателях стабилизаторов. И потом шкала энергии еще десять минут заряжается.

Но благодаря инкарнационной технике «Повышение подвижности» Харуюки удавалось мыслью «я могу летать» перезаписывать системную информацию. Конечно, к тому уровню, который позволял ему свободно летать, всего лишь думая так, он был даже не близок. Но по крайней мере с «Ураганным двигуном» за спиной он мог своим воображением заставлять систему ускорять перезарядку.

Иными словами, хоть Харуюки и был далек от полного овладения системой инкарнации, все же он мог летать с помощью комбинации двух сил: «образа полета», впечатанного в его тело и разум всем прошлым опытом, и «Ураганного двигуна», мощь которого ему давала система.

Проблема была в том, что – на перезарядку энергетической шкалы с помощью инкарнации требовалось секунд пять.

И Номи, уже видевший эту перезарядку в их предыдущей дуэли, знал это.

Раскрыв руки и падая, Харуюки вызвал в воображении ощущение от бьющихся за спиной крыльев.

Он уже думал о том, чтобы последовать совету Нико и дать имя этому инкарнационному приему, чтобы уменьшить время на его активацию. Однако он отторгал саму идею давать название своей жажде неба.

Потому что эту жажду Харуюки таил в самой глубине своего сердца очень, очень долгое время, и потому что именно она дала рождение аватару «Сильвер Кроу». Единственное название, которое ей можно было дать, – «надежда».

Поэтому Харуюки лишь молча молился. «Я могу летать». «Даже если у меня отобрали крылья, даже если меня столько раз бьют, унижают, заставляют ползать по земле – все равно я стремлюсь к небу».

Эта молитва, однако, давала громадный шанс Номи.

– Разбежался, ага!!! – крикнул Номи и, с силой махнув крыльями, устремился на Харуюки.

Отрубив от своего сознания зловещий звук крыльев, Харуюки собрал все силы и закончил рисовать мысленный образ.

Чистое небесное сияние разлилось в его груди. Этот оверрей, выйдя из спины в форме призрачных крыльев, всосался в

закрепленные там двигатели и превратился в топливо под названием «воля».

В следующий миг все тело Сильвер Кроу содрогнулось, и пять когтей прочертили в груди Харуюки новые шрамы, пересекшиеся с предыдущими.

– Гхх…

Но, хоть у Харуюки одновременно со стоном и вырвался сноп искр, он распахнул глаза и вцепился в щупальце на левой руке пытающегося отлететь в сторону Номи.

Крылья, воплощающие в себе «способность к полету», по сравнению с реактивными двигателями Харуюки, конечно же, обладали гораздо большей свободой и гибкостью. Однако и у них имелось слабое место. Высокая мобильность компенсировалась не очень хорошей устойчивостью.

Когда Харуюки потянул за щупальце Номи, тот потерял равновесие, и его закрутило. Харуюки воспользовался этим и, взмахнув со всей силы лазерным мечом, отрубил щупальце. Центробежной силой Даск Тейкера катапультировало в сторону.

– Ччиии! – сердито вырвалось у Номи, и он отчаянно захлопал крыльями, чтобы вернуть равновесие. Но это оказалось не так-то просто.

Глядя прямо на него, Харуюки втянул воздух и –

Завопил:

– Ле…тиииииии!!!

«Ураганный двигун» ответил яростным ревом.

Превратившись в синий метеор посреди ночной черноты, Харуюки устремился вверх. Огни на земле, звезды в небе – все это растворилось, один лишь силуэт Даск Тейкера остался в центре его поля зрения.

Харуюки отвел в сторону правую руку. Сдвинул пальцы.

Произносить название приема уже не требовалось. Чистейшее, неразбавленное намерение пронзать поселилось в его жестоко дрожащей правой руке.

– О… ОООООООО!!!

С этим воплем Харуюки нацелился точно в середину; серебряное сияние устремилось вперед.

– Те… ееЕЕЕАААААА!!!

Номи, как раз успевший восстановить равновесие, встретил атаку своими когтями.

Раздался пронзительный резонирующий звон, а потом мир содрогнулся от грохота.

Острие лазерного меча, сжатое с пяти сторон когтями пустоты, остановилось. От точки контакта исходили жар и мощная вибрация; маски аватаров, неподвижно висящих друг

напротив друга, начали раскаляться.

– У, о, оо!!!

Харуюки, вложив всю, какую только мог, энергию двигателей, пытался прорваться сквозь защиту Номи. Рев за его спиной все нарастал. Реактивная струя, вырывающаяся из двигателей, окрасила в синий цвет все небо.

Еще чуть-чуть. Если я нажму еще чуть-чуть сильнее, я достану. Мой меч достанет моего злейшего врага. Еще чуть-чуть… еще совсем чуть-чуть!!!

Даже будучи в ускоренном состоянии, он видел, как стремительно сокращается шкала энергии в верхнем левом углу его поля зрения.

Если она разрядится, Номи уже не даст Харуюки снова ее зарядить с помощью инкарнации – просто рассечет на месте своими когтями.

Прежде чем это случится – пронзить его!

– О… ООО!!!

Перегретое сознание Харуюки окрасило все поле зрения в раскаленно-белый цвет. Но он собрал еще больше воображения и продолжил рваться через преграду.

Серебряный свет твердо вдавливался в пустоту. Шкала энергии безжалостно истощалась.

Видимо, из-за того, что Харуюки слишком сосредоточился на силе атаки, все вокруг закачалось, пошло рябью. И через центр этой ряби медленно, потихоньку вдвигался его световой меч.

Он дотянулся. Острие меча наконец прикоснулось к ладони Номи –

Но прямо перед этим.

Последний пиксель, горевший в шкале энергии, погас.

Грохочущий звук двигателей задрожал, реактивные струи замерцали.

Под маской Даск Тейкера расплылась безумная ухмылка.

И в этот миг –

«…Давай, Ворон-сан. Еще совсем немного».

Харуюки услышал голос, и чья-то ладонь легла на его правую руку.

«…Давай, держись. Еще совсем чуть-чуть».

Раздался другой голос, и кто-то подтолкнул Харуюки в плечо.

– У… а… АААААА!!! – проревел Харуюки, собрав всю оставшуюся в нем силу в единственную точку в правой руке. И – пусть всего на мгновение – но громадные языки пламени вырвались из двигателей, энергетическая шкала которых была абсолютно пуста.

Этот импульс подтолкнул Харуюки вверх, и его световой меч

пробился-таки сквозь барьер пустоты. Пять когтей рассыпались облачком фиолетового света и исчезли.

– Что…

Будто стирая изумленный звук, вырвавшийся у Номи…

КИИИИИИН!!!

Раздался адский звон, и световой меч, протянувшись вперед, рассек правую руку Даск Тейкера, и та рассыпалась на бессчетные полигоны.

– …Раааа!!!

Сознание Харуюки было настолько истощено, что удивительно, как он еще мог двигаться. И тем не менее, прежде чем упасть с огромной высоты, его тело двинулось вперед само собой, и левая рука со всей силы воткнулась в грудь врага.

Сияние инкарнации было настолько слабо, что, считай, его почти и не было, но все же рука Харуюки пронзила сумрачный аватар насквозь и чуть-чуть высунулась из спины Даск Тейкера.

– Гхх… гхуууу!.. – застонал Номи, откинув голову, и струя красно-фиолетовых искр вырвалась из его раны.

…Еще всего один удар!!!

Если Даск Тейкер пропустит еще одну хорошую атаку, его хит-пойнты, скорей всего, испарятся полностью.

Однако как только это произойдет, Харуюки тоже погибнет.

Потому что он не перезарядил в очередной раз «Ураганный двигун», и у него не оставалось энергии, чтобы контролировать спуск. Хит-пойнты почти уже кончились и, если он рухнет на землю с такой высоты, кончатся совсем.

Но все равно – пусть даже так.

Между мной и Номи будет ничья, и все очки достанутся Сиан Пайлу. Моя мечта перейдет к Такуму. Тогда мое сражение не напрасно.

Подстегивая свое сознание, которое должно было вот-вот уже просто взорваться, Харуюки занес правую руку для удара.

Последняя атака прямо в шлем врага, который тоже почти уже без сознания –

Прямо перед тем, как нанести удар…

…он услышал.

– «Цитрон колл»!!!

Этот голос он слышал чаще всех на свете, возможно, даже чаще, чем голоса родителей. Вместе с этим голосом он смеялся, играл, иногда ссорился, но быстро мирился…

Взгляд Харуюки будто притянуло этим голосом вниз, к земле.

Столб прекрасного изумрудного света поднялся от ярко-

зеленого аватара, неподвижно стоящего в школьном дворе, и окутал Даск Тейкера.

В ночном небе разлетелся звон тысяч колокольчиков.

И, словно получив ангельское благословение, сумрачный аватар начал излечиваться. Растрескавшаяся, обожженная броня вернула прежний блеск. Потерянные руки отросли заново.

Мгновенное, но глубочайшее отчаяние охватило Харуюки.

Красно-фиолетовые глаза за круглой черной маской моргнули, потом ярко вспыхнули.

– …Ку, ку-ха, ха-ха-ха.

Визгливый хохот.

– Ха-ха-ха! А-ха-ха-ха-ха-ха-ха!!!

Вскинув одну из отросших рук вверх, Даск Тейкер заорал:

– Смотрите все, вот она, истинная преданность!!! Как вам это?.. Вот что такое сила! Вот как надо править другими!!! Дружба?! Узы?! Очень это все надо!!! Отбирать и этим управлять!!! Вот единственная абсолютная сила!!! Ха-ха-ха… ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!!!

Громкий, искаженный смех исходил из него подобно ауре, фиолетовые электрические искры срывались в воздух.

– А теперь… пора… кончать!!!

Из всех десяти зловещих когтей потянулись волны пустоты.

Они уже вот-вот должны были разорвать на части тело Харуюки –

Как вдруг.

Что-то случилось.

Ослепительная вспышка.

Сияние исходило от раскинутых в стороны демонических крыльев за спиной Даск Тейкера.

Крылья растрескались, будто превратившись в сверхтонкое стекло. А потом с сухим грохотом развалились на части.

И исчезли.

– Что…

Глаза Номи расширились.

– Поче… му… Почему мои крылья пропа-…

Прежде чем он договорил, оба аватара содрогнулись. Сила, державшая их в воздухе до сих пор, исчезла, и они стали падать, сцепившись друг с другом.

Однако Харуюки мгновенно почувствовал, как что-то пытается остановить его.

Это было тепло. Слабое тепло, поселившееся в спине, возле краев лопаток.

Замедлилось падение одного только Сильвер Кроу; его левая рука, пронзавшая тело Даск Тейкера, вышла наружу.

Аватар цвета сумерек полетел вниз головой к земле, обалдело раскинув руки в стороны.

Падение же Харуюки еще замедлилось и в конце концов прекратилось; он остался парить в воздухе.

И это сделал не «Ураганный двигун». Его шкала была по-прежнему абсолютно пуста, и «Усиленное вооружение» молчало.

Да – *это* ощущение. По которому он так тосковал, что плакать хотелось; а сейчас оно возносило его вверх.

– …А, аа… – вырвалось у Харуюки, и слезы потекли из глаз.

Тепло, поселившееся в лопатках, превращалось в жар. Энергия вспухала, вихрилась, ища выхода. Словно в двух костях внутри Харуюки пробудилась память об органе, который когда-то был к ним присоединен.

Харуюки, словно его вело что-то, поднял руки и скрестил перед грудью.

Сжал кулаки. С силой сжал.

– …С возвращением. И спасибо, – прошептал он и резко развел руки в стороны.

Шарааааан!!!

Звук куда более прекрасный, чем любой другой звук на свете, заполнил ночное небо.

Даже не видя, что происходит, Харуюки знал. Он знал, что десять металлических пластин, серебряно сияющих в лунном свете, расходятся от его плеч по обе стороны от реактивных двигателей.

Серебряные крылья. Сила полета, доказательство самого существования Сильвер Кроу.

Наконец-то он вернулся. К своей истинной форме. К единственному на весь ускоренный мир летающему аватару, рожденному из шрамов в сердце Харуюки.

В тот же миг, когда твердая уверенность и эмоции заполнили до отказа грудь Харуюки, случилось еще кое-что.

Энергетическая шкала слившегося с крыльями «Ураганного двигуна» вспыхнула и разом заполнилась.

Она словно говорила Харуюки: «Лети».

Харуюки кивнул, согнул обратно правую руку, поместив ее перед грудью, и развернулся головой вниз.

Силуэт все еще падающего Даск Тейкера казался маленьким на фоне бескрайнего белого поля.

Несмотря на то, что крылья он потерял, у него теперь была полная полоса хит-пойнтов благодаря силе «Цитрон колла». Возможно, все эти хит-пойнты он и утратит, рухнув с такой большой высоты.

Но я его прикончу раньше.

Харуюки развернул серебряные крылья на всю ширину.

Пластины тонко завибрировали. Сила полета, по которой Харуюки так скучал, наполнила все его тело.

Одновременно включился и «Ураганный двигун». Его синее пламя красиво сияло, отражаясь от серебряных крыльев.

Наполнив грудь воздухом вместе с энергией, которой с каждым мгновение становилось все больше, Харуюки заорал.

– По… шёоооооооол!!!

Серебряная аура разошлась от крыльев во все стороны. Синие реактивные струи выбросились далеко назад.

Бомм! Харуюки прорвался сквозь стену воздуха – и полетел.

Такого набора скорости, возможно, ускоренный мир еще не видел со дня своего основания. Добавив к виртуальной силе тяжести мощь двигателей и крыльев, Харуюки понесся вниз, точно молния.

Несмотря на то, что чувства Харуюки тоже ускорились, все произошло мгновенно.

Превратившись в световую стрелу, наконечником которой была правая рука с инкарнационным мечом, Сильвер Кроу подлетел к падающему Даск Тейкеру, прикоснулся к нему – и пробил его насквозь.

БАБАХ. Ошметки сумрачного аватара разлетелись кольцом от центра туловища.

Пролетев сквозь центр этого кольца и даже не прикоснувшись ни к одному из обломков, Харуюки движением крыльев развернул свое тело соплами двигателей вниз.

Реактивная струя погасила скорость падения, потом вовсе остановила аватар.

В следующий миг подошвы Сильвер Кроу коснулись земли.

Харуюки опустился на колено, точно продолжая снижаться, – и тут с небольшим запозданием по ушам ударил тяжелый звук падения.

Сопротивляясь внезапно накатившей усталости, Харуюки поднял голову.

Он находился во дворе средней школы Умесато, неподалеку от того места, где взлетел. Чуть поодаль по земле катился черный комок.

Это был Даск Тейкер. Точнее, то, что от него осталось, – голова, грудь и короткие щупальца, начавшие расти от левого плеча. Глаза под маской слабо, нестабильно мерцали. Даже если у него и остались какие-то хит-пойнты, то явно меньше 10%.

Харуюки встал и потащился к нему.

Шаг, еще шаг. Тут прозвучал голос:

– …Поче… му… почему… мои крылья… исчезли… – простонал Номи, словно это было для него большим шоком, чем то, что у него все тело разорвало.

Ответил ему не Харуюки.

– Потому что… моя способность – не «лечение».

Рывком повернув голову, Харуюки увидел Тиюри, Лайм Белл, стоящую неподалеку. Она прикрывала издырявленный бок обрубком правой руки.

Сиан Пайл стоял рядом с ней, по-прежнему без обеих рук. Харуюки видел и Блэк Лотус с Блэк Вайсом, все еще стоящих друг напротив друга. Они оба были настороже, не ослабляя внимания ни на секунду, но, похоже, атаковать инкарнацией прекратили.

– Че… го? – проскрипел Номи. – Если это не… способность к лечению, то что это, по-твоему?

Тиюри помолчала, потом тихо ответила:

– …Мне всегда казалось странным, с самого начала, когда я только стала Бёрст-линкером. Почему мне дали такую штуку, как «лечение»? Но… во вторник после пятого урока, когда я в первый раз тебя вылечила, а потом говорила с Хару и Так-куном, я поняла. Тогда Хару сказал, что, когда я тебя вылечила, я не только восстановила хит-пойнты твоего аватара, но и починила механизм на твоей правой руке. Я подумала, что это странно. Это

не лечение, это ремонт. И тогда… я все поняла.

Сделав глубокий вдох, аватар цвета молодой листвы отчетливо произнес:

– Моя способность – не «лечение». Моя способность – «возврат времени». Я могу отмотать назад время аватара, к которому применяю этот прием. И поэтому… я подумала. «*Если я воспользуюсь этой силой, я смогу вернуть Хару его крылья.* Я смогу отправить Даск Тейкера к тому времени, когда он еще не украл способность Сильвер Кроу».

Вот, значит, как все было.

Едва Харуюки это подумал, в груди у него сильно заколoло. Слезы вновь проступили у него на глазах.

А я-то даже усомнился в Тию. Я не верил в свою лучшую подругу, которая ради меня старалась изо всех сил. Я идиот. Полный, беспросветный идиот.

Харуюки со стыдом повесил голову. Тут с земли возле его ног раздался негодующий голос:

– …Что… ты предала меня? Ты предала меня, Лайм Белл?

Номи, потерявший тело и почти мертвый, кричал, будто злость придала ему сил.

– Благодаря мне ты столько выигрывала… я дал тебе столько очков, а ты меня предала!!!

– Неправда, я тебя не предавала, – ответила Тиюри, в голос которой тоже вернулась часть его обычных упрямых ноток. – В первый раз я тебя вылечила, потому что ты угрожал мне тем видео. А после этого я тебе подчинялась, чтобы прокачать свой спецприем и научиться отматывать назад больше времени… и чтобы получить этот сегодняшний шанс. Я ни секунды не была твоим товарищем!

Вновь повисло молчание.

Раздолбанное тело сумрачного аватара задрожало, и он вдруг тихо рассмеялся.

– …Ху, ху-ху-ху. Ну вы даете… Вы все просто дебилы, каждый из вас. Мне даже смотреть на ваши рожи противно. Я возвращаюсь. Я распространю всю вашу реальную информацию, и пусть другие приберутся. А сам перейду в другую школу и буду править там. …Так, что ты там делаешь, Вайс? Быстро забери меня отсюда, мы отступаем.

Едва услышав эти слова, Харуюки резко поднял голову и взглянул на пластинчатый аватар, стоящий поодаль напротив Блэк Лотус.

Угольно-черный аватар медленно склонил голову набок –

И тихо ответил:

– Тут есть некоторая проблема. Говори что хочешь, но в

данной ситуации сделать это не так-то просто, Тейкер-кун.

– …Ну так приложи усилия. Если уйду я, один из ядра, у всего «Общества исследования» будут проблемы. Я, может, даже проболтаюсь про BIC.

– Не думаю, что мне следует об этом беспокоиться. Наши BIC настроены так, что, как только «Брэйн Бёрст» деинсталлируется, чипы сразу отключаются и вскоре растворяются в цереброспинальной жидкости; никаких следов не остается. И потом… Тейкер-кун, уж ты-то должен знать. Бывшие пользователи ускорения никак не могут вмешиваться в дела этого мира.

Этих слов Блэк Вайса Харуюки не понял.

Номи, однако, рывком поднял голову, уткнулся сердитым взглядом в висящую в небе полную луну – и вдруг завопил:

– Дерьмо. Дерьмо! ДЕРЬМОООООООО!!!

Так он проорал, а потом принялся разбрасывать слова:

– Я не согласен! Я не допущу! Кто-нибудь, кто угодно, идите сюда! Спасите меня! Если спасете, я дам вам очки!!!

Достаточно.

В тот же миг, когда Харуюки так подумал, Такуму повернул к нему голову и тоже произнес:

– …Давай кончать, Хару.

– …Ага.

Кивнув, Харуюки зашагал вперед. Чтобы положить конец всему.

Увидев приближающегося Сильвер Кроу, Даск Тейкер отчаянно завизжал:

– Нет… не надо! Я знаю: я теперь буду давать очки вам всем! Это же классная сделка! Я даже войду в ваш легион, если захотите!!!

Харуюки на ходу поднял правую руку. Белое сияние окутало выпрямленные пальцы.

– Нет, не надо, я не хочу ее терять! Мою силу! Мое «ускорение»!!! Нет, нет… НЕЕЕЕЕЕЕЕЕТ!!!

Даск Тейкер, точнее, его верхняя часть, подпрыгнул, перевернулся и попытался отползти, скребя по земле короткими щупальцами.

Заморозив свое сердце, Харуюки поднял световой меч и –

Без колебаний опустил.

Бамм! Воздух вздрогнул; тонкая световая черта рванулась вперед вдоль белых плиток, выстилающих двор, и достала ползущего Даск Тейкера.

Аватар цвета сумерек беззвучно распался на две половинки точно посередине.

Тут же вверх поднялась громадная колонна красно-фиолетового огня. Из ее центра в небо вылетало множество световых лент; они растворялись в воздухе и исчезали. Ленты эти состояли из строчек кода. Это было не что иное, как визуализация исчезновения Бёрст-линкера, которую Харуюки видел до сих пор лишь однажды.

В это мгновение «грабитель», властвовавший над средней школой Умесато и безжалостно топтавшийся по чувствам Харуюки и его друзей, навсегда покинул ускоренный мир.

Перед Харуюки, по-прежнему стоящим неподвижно, засияла большая красная надпись, сообщающая о завершении «дуэли до внезапной смерти». К его бёрст-пойнтам добавилось весьма приличное число, и следом возникло сообщение, что он может перейти на пятый уровень.

Однако ни радости победы, ни чувства удовлетворения не было в груди Харуюки.

Все его тело заполнило одно лишь чувство – осознание, что наконец все закончилось.

Подтащив свое истерзанное тело к Тиюри и Такуму, он услышал решительный голос.

– Так.

Голос принадлежал Черноснежке, до сих пор в поединке на инкарнации превосходно удерживавшей на месте таинственного Бёрст-линкера по имени «Блэк Вайс».

– Я хотела бы задать тебе очень много вопросов, но, думаю, ты не настроен отвечать. В таком случае давай закончим побыстрее.

Пластинчатый аватар в ответ качнул головой.

– Нет, за последние несколько минут я, к своему огорчению, уяснил, какой силой обладает король. У меня нет шансов на победу, поэтому я предпочту тихо ретироваться.

Судя по этому негромкому голосу, Блэк Вайс ни капли не сожалел о своем товарище, уничтоженном прямо у него на глазах. Черноснежка быстро подняла правую руку-меч и прошептала со сталью в голосе:

– Это не было бы правосудием, так что уйти я тебе не дам. Сначала я тебя убью, а потом за час, пока ты не воскреснешь, не спеша обдумаю, что с тобой делать.

– Боюсь, боюсь, – Блэк Вайс пожал плечами и продолжил еще более безмятежным тоном: – Видишь ли, моя сильнейшая сторона – «бегство». А, но сначала еще кое-что. Я абсолютно ничего не знаю о вас, Черном легионе. Я пришел сюда только потому, что

меня нанял Тейкер-кун и заранее заплатил. Естественно, никакой реальной информации о вас я от него не получал, и по возможности мне бы хотелось впредь не иметь с вами ничего общего.

– Поздно, – холодно отрезала Черноснежка; ее правая рука-меч окуталась красной аурой, левая – синей.

Она сделала шаг вперед –

И тут произошло нечто странное.

Бессчетные тонкие пластины, из которых состоял аватар «Блэк Вайс», со стуком собрались в одну-единственную пластину посередине.

Теперь она была одна – нет, даже не пластина, а тень. Оттуда, где стоял Харуюки, еще было видно какую-то форму, но, когда эта тень повернулась, она вообще стала почти неразличимой.

– С вашего позволения, я вас покидаю.

Сразу после этого заявления тонкая тень погрузилась, будто растворяясь в большой тени стоящего позади школьного здания. Раздался звук, будто что-то на большой скорости уносилось прочь.

– Хха!!!

С этим выкриком Черноснежка рубанула правой рукой.

Багровая черта пробежала по земле, врезалась в школьное здание, поднялась по стене и –

– Уааа?! – вырвалось у пораженного Харуюки, когда юго-восточный край белого как мел дворца, где в реальном мире находились учительская и кабинет директора, оказался отсечен и с грохотом обвалился.

Среди огромного количества белых обломков в сторону отлетела маленькая черная пластинка. Воткнувшись в землю школьного двора, она тут же трансформировалась в руку и несколько раз перевернулась.

Больше ничего не произошло. Рука тут же превратилась в кучу полигонов и исчезла.

– …Все-таки ушел, пф, – пробормотала Черноснежка и опустила меч.

Глядя на эту прекрасную, недосягаемо прекрасную, героическую и вместе с тем эфемерную фигуру…

…Харуюки наконец выкрикнул единственное слово и побежал.

– …Семпай!!!

Он отчаянно толкал вперед свой аватар, верхняя часть которого лишилась брони и была вся в ранах. Услышав его шаги, Черноснежка развернулась.

Остановившись прямо перед ней, Харуюки вцепился в

собственные руки.

– Семпай… семпай… я… я…

Чего-то большего произнести он не мог.

Черноснежка какое-то время молча смотрела на сияющий «Ураганный двигун», сросшийся с крыльями за спиной у Харуюки.

Ее фиолетово-синие глаза моргнули, и она кивнула. Потом подняла правую руку-меч, хлопнула Харуюки по плечу щекой клинка и сказала:

– …Ты действительно сделал все, что мог. Мы с тобой подробно поговорим завтра, когда я вернусь в Токио. А пока отдохни как следует.

Потом ее взгляд сместился за спину Харуюки. Там вместе стояли Сиан Пайл и Лайм Белл.

– Ты тоже хорошо сражался, Такуму-кун. Спасибо за все твои старания сегодня. И… Курасима-кун – нет, Тиюри-кун.

После чего Черноснежка сделала нечто совершенно неожиданное. Она поклонилась Лайм Белл.

– …Огромное тебе спасибо. Если бы ты не рассказала мне об этом, я бы не смогла сюда добраться.

– Че-…

– Чегооо?!

Харуюки и Такуму воскликнули разом.

– Ра-рассказала… погоди, Тию, ты? Ты рассказала Черноснежке-семпай?

– Вот именно! – Тиюри вскинула левую руку с колоколом и громко заявила своим обычным темпераментным голосом: – Вы наверняка удивлялись, зачем я к вам пришла. Конечно, затем, чтобы дождаться, пока вы назначите точное время дуэли, и послать его Черно-семпай!

– Э… эээ… погоди секундочку… – промямлил Харуюки и принялся лихорадочно крутить шестеренки своего уставшего мозга.

Прямо перед тем, как они втроем нырнули в «Безграничное нейтральное поле», но сразу после того, как Харуюки отослал Номи последнее из сообщений о переносе времени боя, он совершенно точно сказал: «Ладно, ныряем через минуту».

Значит, как только Тиюри это услышала, она сразу нажала кнопку отправки сообщения для Черноснежки, которое заранее составила и держала на виртуальном рабочем столе. Как только Черноснежка на Окинаве получила это сообщение, она тут же нырнула в «Безграничное нейтральное поле», захватила «энеми» в виде летающей лошади и за пятнадцать часов доскакала до Токио – видимо, вот это все и произошло.

Пока Харуюки и Такуму обалдело смотрели друг на друга,

слова Тиюри продолжали сыпаться на них.

– Я беспокоилась, можно ли вам, упрямым мальчишкам, доверять такие вещи, и поэтому послала мэйл семпаю сразу, как только вы решили устроить эту дуэль, и рассказала все, что было. Она ответила: «Я побегу туда через поле, напиши точное время». Знаете, как меня бесило сидеть дома у Хару и ждать, пока вы наконец решите со временем!!!

– П… прости… – пробормотал Харуюки и, тряхнув головой –

Повернулся к Черноснежке и очень, очень, очень низко поклонился.

– Большое тебе спасибо, семпай. Ты скакала пятнадцать часов, чтобы нас спасти… Когда я увидел семпая на крыше, я был очень тронут… и счастлив.

– Думаю, я перестаралась в желании покрасоваться, – пожала плечами Черноснежка. Харуюки улыбнулся, сдерживая слезы.

Потом повернулся к Тиюри и снова поклонился.

– …Спасибо, Тию. Если бы сюда отправились только мы с Таку, мы наверняка бы проиграли. Правда… огромное спасибо.

В горле у него застрял комок, голос задрожал.

– …Блин.

Голос Тиюри тоже звучал влажно. Однако подруга детства тут же продолжила более веселым тоном:

– Теперь я всегда буду беспокоиться, когда вы вдвоем, так что… видимо, придется мне тоже вступить в «Нега Небьюлас».

– Ээ.

– Ти, Ти-тян.

Не обращая внимания на мальчишек, у которых вырвались эти возгласы, Тиюри повернулась к Черноснежке и склонила голову набок, будто стесняясь.

Черноснежка кивнула и пробежалась руками по клавиатуре ВВ.

Тиюри без колебаний нажала кнопку в, судя по всему, появившемся перед ней окне с предложением вступить в легион.

После чего непроглядно-черный и светло-зеленый женские аватары одновременно шагнули навстречу друг дружке –

Их меч и колокол громко стукнулись друг о друга.

Харуюки смотрел на это зрелище молча, когда его ушей коснулся шепот стоящего рядом с ним Такуму.

– …Похоже, мы волновались зря.

– …Да, точно. Но… я рад. Я так рад… правда…

Чисто машинально Харуюки тоже протянул руку и сжал плечо Сиан Пайла.

Под синим лунным светом ускоренного мира четыре Бёрст-линкера просто стояли.

Наконец Черноснежка подняла голову и приказала своим подчиненным посвежевшим голосом:

– А теперь… возвращаемся. В реальный мир.

Покинув «Безграничное нейтральное поле» через портал на станции Коэндзи, Харуюки вернулся в свою гостиную в реальном мире.

Несмотря на то, что бой изобиловал совершенно неожиданными поворотами, следовавшими один за другим, длился он меньше часа. Стало быть, на этой стороне прошло всего три секунды.

Однако едва Харуюки вернулся в реальное тело, на него накатила такая жуткая усталость, что он тут же едва не хлопнулся на стол. Все же он выдержал и поднял голову.

Едва сфокусировав расплывающееся зрение, он увидел перед собой лицо Тиюри, которая, как и он, тоже непрерывно моргала.

Всего на мгновение они сцепились взглядами. Но этого хватило, чтобы что-то горячее вспухло в груди у Харуюки и его глаза почти заслезились; поэтому он поспешно произнес:

– …Лучше бы ты нам рассказала.

Сидящий рядом с ним Такуму тоже сказал, покачав головой:

– Вот именно. О том, что ты связалась с командиром… нет, еще раньше – если бы ты сказала, что объединилась с Номи ради того, чтобы вернуть Хару крылья, нам бы не пришлось так волноваться.

Оба они говорили с упреком в голосе, но этот упрек они скорее адресовали самим себе за то, что усомнились в своей лучшей подруге. Тиюри демонстративно вздохнула и ответила пораженным тоном:

– Эй, я же сказала уже! У меня был всего один шанс отмотать назад время Даск Тейкера своим «Цитрон коллом»! Я не могла позволить Номи заметить, даже если шансы на это были один на десять тысяч. Вряд ли это было возможно, но если Номи подсадил ко мне какой-нибудь жучок – программу или аппаратик – он узнал бы тут же, как только я бы вам рассказала!

Мальчишки разом сглотнули и переглянулись. Харуюки ошеломленно пролепетал:

– Т-ты так все продумала… несмотря на то, что ты Тию…

– Эй, это что значит!!! – воскликнула Тиюри и, вскочив со стула, направилась вокруг стола с явным намерением стукнуть Харуюки.

Но тут же она села на пол, будто у нее закружилась голова. Харуюки и Такуму мгновенно вскочили тоже и, подбежав к Тиюри, опустились перед ней на колени.

– Т-Ти-тян, ты как?!

На вопрос Такуму она чуть кивнула, не поднимая головы –

И вдруг прошептала тонко дрожащим голосом:

– …Я старалась.

Кап. На пол упала капелька.

– …Было так тяжело, но я… я старалась. Я так старалась, и…

Кап, кап. Одна за другой слезинки падали на пол, сверкая, точно драгоценные камни.

У Харуюки закололо в груди, и он ответил таким же дрожащим голосом:

– Ага… спасибо тебе. Огромное спасибо, Тию.

Громко всхлипнув, Тиюри подняла залитое слезами лицо и вдруг прыгнула на шею друзьям. С силой притянула к себе Такуму левой рукой, а Харуюки правой и, прижимая их головы к своей, крикнула:

– Я люблю вас… я люблю вас обоих!!!

И тогда Харуюки, тоже начав всхлипывать, как ребенок, твердо сжал рукой спину своей лучшей подруги.

Не в силах больше сдерживаться, он выпустил свои слезы наружу. У Такуму тоже что-то блестело на щеках пониже очков.

И еще долго эти трое, родившиеся в одном и том же году и выросшие в одном и том же месте, плакали, прижавшись друг к другу.

Глава 11

– Сто процентов побед!

Харуюки сжал правую руку в кулак, потом сник и добавил:

– …Было бы, если бы не последний бой…

На следующий день, 20 апреля, вечер субботы. Место действия – как и накануне, гостиная семьи Арита.

Как раз в это время суток каждую неделю проходят территориальные сражения между легионами, включающими в себя сильнейших игроков в файтинг «Brain Burst». Легион, к которому принадлежали Харуюки и его друзья, «Нега Небьюлас», на этой неделе ждало тяжелое испытание, поскольку Блэк Лотус, командир легиона, отсутствовала, но в итоге большинство сражений закончилось полными победами.

Все благодаря тому, что Лайм Белл, лишь вчера вступившая в легион, сразу начала участвовать в боях.

Хотя ее «способность к лечению» оказалась на самом деле «способностью к возврату времени», ее вполне можно было использовать для псевдолечения – восстановления хит-пойнтов. Проблема была лишь в том, что когда аватар постоянно лечат, повреждают и снова лечат, то, если отмотать назад слишком много времени, он может вернуться к предыдущему поврежденному состоянию; но эту проблему помогает решить интуиция того, кто применяет спецприем.

Поэтому Харуюки и компания выработали такую тактику: либо Сильвер Кроу, либо Сиан Пайл постоянно защищал Лайм Белл, а второй из пары совершал самоубийственную атаку на противника, после чего возвращался на базу и лечился. Прием работал отлично, и они уже думали, что смогут победить во всех абсолютно боях, – но.

Команда из трех дальнобойщиков, атаковавшая последней, не стала приближаться к базе отряда Харуюки, а сосредотачивала весь огонь на аватаре, атакующем их. В результате у остальных двух членов отряда не осталось выхода, кроме как постепенно продвигаться вперед. Достигнув того места, где собрались трое противников, они попали под шквальный огонь спецатак, и их быстро вынесли.

– Ладно, ничего не поделаешь. Хватит и того, что мы так много навыигрывали, у нас ведь команда наспех собралась, – сказал Такуму и отпил из своего стакана размера L. Харуюки поджал губы.

– Да, но все равно. В итоге, как только нас долбанули по уязвимому месту, – что у нас нет дальнобойщиков, – мы сразу

проиграли.

– Но от этой уязвимости мы не избавимся и после того, как командир вернется…

– Это если не учитывать ее инкарнацию.

Харуюки и Такуму одновременно вспомнили, как Черноснежка одной своей дальнобойной атакой снесла кусок школьного здания, и вздрогнули.

Тиюри, стыдясь, видимо, своего вчерашнего приступа рыданий, сказала, что будет нырять из своей квартиры, и сюда не пришла, так что сейчас Харуюки и Такуму были вдвоем. Кинув в рот ломтик картошки фри, которая шла в комплекте с гамбургером, купленным в супермаркете на первом этаже, Харуюки откашлялся и сменил тему.

– Ладно, хватит про территориальные бои. Это… Таку. Эмм… тебе приходило что-то?

Он опустил «от Номи Сейдзи» в конце вопроса, но Такуму понял и чуть качнул головой.

– Нет… ничего. Меня это тоже беспокоит… Хотя ту дуэль он сам же предложил, но я не верю, что Номи сдался сразу же после поражения.

– И я.

Оба замолчали; в комнате внезапно воцарилась тяжелая атмосфера.

Взяв еще один ломтик и жуя его кончик, Харуюки пробормотал:

– …Тот аватар, «Блэк Вайс», который там объявился. Он сказал кое-что странное. Бывшие пользователи ускорения, которые потеряли «Брэйн Бёрст», никак не могут вмешиваться в дела ускоренного мира. Интересно, что он имел в виду?..

– Э?.. По-моему, все просто – раз они не могут ускоряться, значит, не могут и дуэлиться?

– Тогда мне тоже показалось, что он это имел в виду. Но конкретно так он не сказал… У меня такое чувство, что есть еще что-то, но он специально не стал этого говорить. …Слушай, Таку. Я хочу спросить кое-что неприятное, но.

И, глядя на Такуму, сидящего на диване рядом с ним, Харуюки спросил:

– Твой Родитель… капитан секции кендо из твоей предыдущей школы. У него стерся «Брэйн Бёрст», когда Синий король ударил его «Мечом правосудия», да?

– …Да, насколько я слышал.

– Ты после этого с ним говорил? Про «Брэйн Бёрст».

Ровные брови Такуму сошлись, и он ненадолго задумался.

– …Я после этого очень быстро перевелся, так что… Я,

конечно, зашел в секцию кендо, чтобы попрощаться, но там по этому случаю были и другие ребята, так что, естественно, о «Брэйн Бёрсте» я с ним не говорил. И потом, он тогда казался каким-то… умиротворенным, и поэтому тоже я не решился у него спрашивать.

– Умиротворенным, говоришь…

Харуюки показалось, что где-то что-то подобное он уже слышал. И тут же вспомнил. Черри Рук, Родитель Красного короля Нико. Воспользовавшись «Доспехом бедствия» и став Кром Дизастером, он стал наводить шорох в ускоренном мире, после чего получил от Нико удар «Мечом правосудия» и лишился «Brain Burst».

Позже Нико рассказала о нем. Она сказала, что он стал таким же, каким был прежде, и что они двое нормально поговорили. Он должен был переехать, но все равно они собирались вместе играть в онлайновые игры. Как-то похоже это было на то, что сейчас сказал Такуму.

Однако Харуюки никак не верилось, что пример тех двоих применим к Номи. Яростный вопль Номи перед тем, как он покинул ускоренный мир, даже сейчас звенел у Харуюки в ушах. Чертовски вероятно, что Номи задумал им всем отомстить – но тем не менее. До сих пор он все еще не связался ни с Харуюки, ни с Такуму, ни с Тиюри.

– …В понедельник придется поговорить с ним напрямую, ничего не поделаешь, – вздохнув, произнес Такуму. Харуюки чуть кивнул.

– Видимо, да… Еще же остается проблема с тем видео…

Если задуматься о том, что будет делать Сейдзи Номи сейчас, когда он перестал быть Бёрст-линкером и ему стало нечего терять в ускоренном мире, – вполне вероятно, что он захочет ради мести выложить на всеобщее обозрение видео с подглядыванием, а также распространить реальную информацию о Харуюки и остальных среди других Бёрст-линкеров. Единственная карта, которая против него еще могла бы сработать, – информация о мозговом чипе-имплантате в голове у Номи, но на этот счет Блэк Вайс тоже сказал кое-что неприятное.

Если «Brain Burst» потерян, BIC сразу же тоже прекращает функционировать и просто растворяется.

BIC представляет собой сгусток синтетических белковых микромашин. Их вполне можно запрограммировать так, чтобы они разделились и растворились; если такое произойдет, их уже никаким сканером не засечешь. А значит, с помощью этой карты нельзя добиться отчисления Номи из школы.

Следовательно, Харуюки и остальным не удастся просто взять

и разорвать все отношения с Номи. Придется снова вступить с ним в переговоры и добиться того, чтобы он стер видео. Эта тема висела в душах обоих друзей тяжелым грузом.

Допив свой напиток, Такуму отправился в кухню, выкинул остатки льда, сполоснул стакан из переработанных отходов и бросил его в пакет, предназначенный специально для таких стаканов, после чего сказал:

– Ладно, увидимся в школе в понедельник. Когда ты пойдешь говорить с Номи, мне пойти с тобой?

– Не, все будет в порядке. Я пойду один, но все равно спасибо. Отлично поработали сегодня.

Проводив Такуму до входной двери, Харуюки вернулся в гостиную, чтобы прибраться, и вздохнул.

Посмотрел на часы на виртуальном рабочем столе, потом на вечернее небо за окном.

Интересно, она все еще в самолете? Или уже в аэропорту?

Поймав себя на этой рассеянной мысли, Харуюки тряхнул головой и переключился. Он увидит ее в школе в понедельник. Он уже неделю терпел, потерпит еще полтора дня.

Вот почему, когда сразу после того, как он взял чувства под контроль, раздался звонок в дверь, Харуюки решил, что это Такуму что-то забыл, и до последнего момента ничего не подозревал.

Он не стал утруждать себя открытием окна интеркома, а просто вернулся к двери и отпер замок со словами «ага, иду».

– И что ты за-…

Последний слог «-был» застрял у него в горле, и Харуюки перестал дышать. Сам того не сознавая, он выпучил глаза до предела, глядя на то, что было за дверью.

Там стояла девушка в форме средней школы Умесато. С правой руки ее свисал бумажный пакет, с левой дорожная сумка с моторчиком; бордовый бант и длинные черные волосы слегка покачивались; и еще от нее слабо пахло югом.

– …Сколько ты еще собираешься изображать ледяную статую?

После этих ее слов мозг Харуюки наконец перезагрузился. Несколько раз подряд хрипло вдохнув-выдохнув, Харуюки наконец просипел:

– …Се, се, сем, сепа… семпай?! Что, что, что ты…

– Как невежливо. А ведь я отправилась к тебе прямо из Ханэды[23], чтобы побыстрее доставить сувенир.

Черноснежка мило надула щеки; увидев это выражение лица, Харуюки резко выпрямился, замахал рукой со страшной скоростью, будто робот-регулировщик, и залепетал:

– Аа, п-проходи, проходи! Входи, пожалуйста!

– Спасибо. Прошу прощения за вторжение.

Кивнув, Черноснежка шагнула за порог, сняла туфли, поставила дорожную сумку и прошла в коридор. Потом быстро обогнула Харуюки и направилась в гостиную.

Побежав за ней на заплетающихся ногах, Харуюки оглядывал квартиру, понятия не имея, что теперь делать, и наконец сказал:

– …Ээ, это, мама всегда приходит домой очень поздно.

– Я знаю. Поэтому и пришла.

– П-понятно. Эээ, это… О, знаю, п-пойду приготовлю ч-чаю.

Когда Харуюки направился в кухню, повторяя про себя: «Сперва успокойся! Разберись спокойно!» – Черноснежка со словами «ах, да» сунула руку в бумажный пакет.

– Может, заодно вот это разогреешь в микроволновке?

Вытащила она громадное красно-бурое шарообразное нечто. Взяв 15-сантиметровый шар в руки, Харуюки пристально уставился на него.

На прозрачной упаковке очень окинавским на вид шрифтом было написано: «Бомба андаги».

– …Ээ, это… сата андаги?

– Да. Ты просил привезти тебе что-то там тридцатисантиметровое, верно? Как я и подозревала, таких больших там не делают, вот, взяла что было.

– Не, не, это тоже громадное. Просто удивительно, какое большое.

– Правда? Я тоже удивилась, когда увидела.

Глядя на захихикавшую Черноснежку, Харуюки наконец ощутил, как напряжение покидает его тело. И в то же время глаза его сами собой стали влажными; он поспешно отвернулся и отступил в кухню.

Достал из упаковки громадный окинавский пончик и отправил греться в микроволновку. Потом отнес на стол бутылку улуна и два стакана, положил на тарелку разогретое андаги и, подумав немного, добавил туда же небольшой нож.

Черноснежка уже сидела за столом. Взяв с тарелки нож, она разрезала андаги на две абсолютно равные части; как и ожидалось, острым прибором она пользовалась с уверенностью специалиста. Одну из половинок, от золотистого среза которой поднимался теплый пар, она протянула Харуюки.

– П-приятного аппетита.

Он взял предложенную порцию и тут же откусил большой кусок. Наслаждаясь вкусом хрустящей корочки и влажной внутренности, он подумал: *Понятно, размер тоже имеет значение.*

– Э-это, очень вкусно.

– Понятно, я рада.

Лишь сейчас Харуюки наконец добрался до вопроса: «А вообще – почему я попросил всего лишь громадное андаги?»

Работая челюстями, он отчаянно пытался вспомнить, что же он тогда делал; тем временем Черноснежка, сидящая по ту сторону стола с улыбкой на своем прекрасном, как нарцисс, лице, улыбнулась еще шире – и произнесла:

– Теперь, Харуюки-кун.

– Д-да?

– Я собираюсь сказать тебе, что я сейчас чувствую.

– Д… да.

– Сорок девять процентов меня хотят похвалить тебя за то, что ты так хорошо старался. Пятьдесят процентов меня хотят задать тебе хорошую трепку.

…А оставшийся один процент?..

Харуюки был не в том положении, чтобы задать этот вопрос вслух, так что он просто резко выпрямил спину. Здоровенный кусок пищи застрял у него в глотке; кое-как сумев его проглотить, Харуюки на полной скорости принялся кланяться.

– П-прости! Это все я виноват. Я решил не доставлять семпаю проблем во время поездки, но в итоге все равно тебе пришлось расхлебывать…. И ты даже скакала пятнадцать часов с Окинавы…

– Послушай.

Улыбка на лице Черноснежки внезапно сменилась угрожающим выражением, и она заговорила очень недовольным тоном:

– Я сержусь на тебя вовсе не потому, что мне пришлось драться. Наоборот. Почему ты с самого начала мне не рассказал? Объяснил бы, что происходит, всего в нескольких словах, и я тут же сбежала бы с Окинавы и вернулась сюда!

– Э-это, ну… потому что это твоя единственная школьная поездка за всю жизнь…

– Все равно там было не очень-то здорово! Или ты не поймешь, пока я заодно не объясню, почему?!

Произнеся это с таким напором, что, будь она сейчас в своем дуэльном аватаре, одним только этим напором наверняка разрубила бы стол напополам, Черноснежка затем надулась. Но, к счастью, тут же шумно выдохнула и продолжила уже на тон ниже:

– …Ладно, что было, то было. Сейчас расскажи мне все. С начала до конца, не вздумай упустить ни байта информации!

И Харуюки, жуя громадное андаги, начал пересказывать все, что произошло. Долгую, долгую историю, начавшуюся с первого появления Сейдзи Номи, идущую через первую дуэль с Даск

Тейкером, через тренировку в «Безграничном нейтральном поле» – и завершившуюся вчерашней битвой.

Выслушав рассказ, занявший у Харуюки без малого час, Черноснежка опустила длинные ресницы и тихо вздохнула.

Слова, вышедшие из ее рта несколько секунд спустя, были –

– …Харуюки-кун. Когда ты вызвал это «Усиленное вооружение»… «Ураганный двигун», у меня чуть сердце не остановилось.

Поднесший к губам стакан с улуном Харуюки резко поднял голову. Однако произнести ничего не смог.

Отшельница ускоренного мира, давшая Харуюки «Ураганный двигун», Скай Рейкер. В прошлом – один из лидеров старого «Нега Небьюлас» и подруга Черноснежки.

Стремясь к небу, Скай Рейкер по глупости упросила Черноснежку отрубить ей ноги. Черноснежка выполнила ее просьбу – а потом бросила себя в отчаянную и кровавую войну с остальными королями.

Но сейчас лишь ласковая и немного печальная улыбка была на лице Черноснежки.

– Поверить не могу… что тебя познакомила с системой инкарнации именно она…

– …Прости. Я поступил эгоистично, не спросив разрешения у семпая… – сразу заизвинялся Харуюки. Черноснежка мягко покачала головой.

– Нет. Она для этого подходит гораздо лучше, чем я. Думаю, она верит в эту систему больше, чем все остальные высокоуровневые Бёрст-линкеры, кто освоил инкарнацию. И потом… я, в отличие от нее, не смогла бы стать настоящим демоном, когда обучала бы тебя.

Она улыбнулась, и Харуюки энергично кивнул.

– Она… это правда был ужас. Знаешь, она скинула меня с вершины старой Токийской телебашни.

– Ха-ха-ха, это на нее похоже.

Ностальгически посмеявшись, Черноснежка затем вдруг замолчала.

Ее взгляд уткнулся в какую-то точку на столе. Потом наконец ее стул скрипнул, и она поднялась. Подошла к большому окну в южной стене дома и стала молча смотреть в ночное небо.

Какое-то время Харуюки глядел на ее спину, по которой струились черные волосы, затем собрался с духом и встал. Подошел к Черноснежке и, стоя рядом с ней, тоже посмотрел наружу.

– …Сила инкарнации слишком велика, – произнесла она после еще нескольких секунд молчания. – И поэтому всех, кто к

ней прикасается, она затягивает. Они тянутся в самую глубокую глубину этой силы, ныряют туда, будто она принадлежит им. Но… я подумала. Если это программный баг, администратор игры не оставил бы его без присмотра, он бы разобрался с ним. Значит, это сила – не что-то хаотичное, возникшее случайно… Может, это какая-то ловушка, подготовленная создателем «Брэйн Бёрста» с самого начала?

– Ло, ловушка?..

– Да. Чтобы завлечь нас, Бёрст-линкеров, и утянуть наши души куда-нибудь в другое измерение…

Смысл этих слов остался для Харуюки полной загадкой. Тем не менее он насупил брови, пытаясь хоть как-то понять; тогда Черноснежка кинула взгляд на Харуюки и ласково положила левую руку ему на щеку.

– Не беспокойся об этом. Ты должен просто идти прямо вперед, как сейчас идешь. Да… ты… именно ты, возможно, сумеешь преодолеть ту черноту, добраться до истинного света души…

Мягко улыбаясь, Черноснежка развернулась всем телом к Харуюки и положила ему на лицо и вторую руку.

Потом ее выражение лица и тон изменились, и –

– Так. Это все в сторону; теперь я расскажу тебе про оставшийся один процент моих чувств.

Харуюки разом задеревенел. Этот процент – он на стороне «задать хорошую трепку»?! Какой-нибудь бросок из дзюдо?! Нет, болевой прием?!

Харуюки безнадежно попытался вывернуться, но Черноснежка обвила руками его шею и со всей силы притянула его к своей груди.

От давления, идущего со всех сторон, и от ощущения прямого контакта с тем, что было у него перед носом, сознание Харуюки мгновенно раскрутилось до сверхвысоких оборотов, и думательные шестеренки в его голове заскрипели.

Голос Черноснежки коснулся его левого уха, которое, наверно, сейчас было совершенно багровым; ее губы были так близко от уха, что ощущались.

– …Я вот это хотела сделать. С того самого времени, когда я узнала из е-мэйла Тиюри-кун, что ты лишился крыльев… но все равно храбро противостоял врагу, я всегда, всегда хотела сделать это.

Сжимая Харуюки в еще более крепких объятиях, настолько крепких, что у него даже мелькнула мысль: «Насколько же глубоко я погружусь в это стройное тело?» – Черноснежка дрожащим шепотом продолжила:

– Ты действительно сделал все, что мог. Хотя тебе было так больно… А меня в такое время не было рядом с тобой, я ничего не смогла для тебя сделать. Я… никчемный Родитель…

Горячая капля упала на его левую щеку.

Харуюки распахнул глаза. Красивые волосы, покачивающиеся в его поле зрения, слились со светом, идущим из комнаты, и затуманились.

Его руки поднялись сами собой, легли на тонкую талию Черноснежки, и он таким же дрожащим голосом выдавил:

– Прости… прости, что заставил тебя волноваться.

В следующий миг –

– Я волновалась. Я так волновалась. От одной мысли – если тебя не будет, что я буду делать… мне было страшно. Мне было так страшно!

На середине фразы ее голос перешел в крик, плечи задрожали.

У Харуюки в горле стоял ком, он ничего не мог выговорить. И поэтому он отчаянно молился всем сердцем: «Я здесь. Я всегда буду рядом с тобой. Я ни за что не исчезну».

Несколько десятков секунд Черноснежка тоненько всхлипывала, потом наконец сделала глубокий вдох и чуть ослабила объятие.

– …Я должна тебя наградить.

От этих неожиданных слов Харуюки удивленно заморгал.

– Э, награ-?..

– Ты же прекрасно защищался в территориальных сражениях, верно? Я обещала: если ты защитишь Сугинами, я дам тебе любую награду, какую ты попросишь, абсолютно любую.

После того как Черноснежка прошептала в его ухо такое, сознание Харуюки вновь едва не отключилось.

…Однако.

Глупые идеи Прямого соединения через 30-сантиметровый кабель или фото Черноснежки в купальнике мгновенно вылетели у него из головы.

Оставаться так, как вот сейчас.

Чтобы эта девушка была в этом мире рядом с ним. Кроме этого, что еще можно пожелать?

…Я стану намного, намного сильнее, и когда-нибудь я стану рыцарем, который сможет защитить тебя от всех врагов. До тех пор, пожалуйста, будь рядом со мной, присматривай за мной и наставляй меня.

Как только Харуюки этого пожелал, его губы произнесли почти что сами собой:

– …Тогда, пожалуйста, оставайся со мной.

В груди у него кипели эмоции, и Харуюки хрипло произнес:

– Пожалуйста, всегда, всегда будь рядом со мной. Это… единственное, чего я хочу.

Даже когда ты закончишь школу. Как семпай. Как командир легиона. И как Родитель.

Эти слова Харуюки добавил мысленно – и хотел было произнести вслух, но.

Черноснежка, продолжавшая держать, но не сжимать голову Харуюки, вдруг резко застыла.

Внезапно разомкнув объятие, она засеменила прочь спиной вперед, через пару метров врезалась в диван и упала на него. Несмотря на то, что все ее лицо было в слезах, она расширила глаза, будто начисто забыв про это; ее рот то раскрывался, то закрывался.

Потом она резко залилась краской снизу вверх, от шеи до лба. Откуда-то изнутри нее вырвался пронзительный голос:

– Ч-ч-ч-что… ч-ч-ч-что ты сказал!!!

– Ээ? Эммм, э?.. Я, я просто, ммм, да ничего такого.

Не въезжая в ситуацию, Харуюки тоже захлопал губами. Прошли полновесные десять секунд, и наконец лицо Черноснежки начало сверху вниз возвращать себе привычную белизну. Испустив невероятно долгий вздох, она замотала головой.

– …Понятно, – вдруг пробормотала она.

Потом встала, подошла к Харуюки и положила правую руку ему на голову.

– Обещаю. Я буду рядом с тобой. Всегда. Вечно.

Так Черноснежка сказала, встрепав ему волосы и улыбнувшись самой первосортной из своих улыбок.

Глава 12

– Арита, ударь меня!!! Пожалуйста, ударь меня!!!

Эти слова повторялись снова и снова, и все это время стриженая голова маячила прямо перед Харуюки.

Голос принадлежал Исио из баскетбольной секции. Именно Исио несколько дней назад вызвал Харуюки на крышу и ударил его.

– Н-не, все нормально уже. Раз ты понял.

Харуюки тоже повторял одну и ту же фразу, отчаянно глядя по сторонам в поисках путей бегства.

Однако стояли они перед кафедрой в кабинете класса 2С, сейчас был понедельничный утренний классный час, справа от Харуюки находилось четыре десятка учеников, и слинять было никак невозможно. Более того, напротив Исио стоял классрук Сугено с покорным лицом и сложенными на груди руками. Положение было безвыходное.

Исио придвинул лицо еще ближе и отчаянно затараторил, выгнув брови домиком[24]:

– Нет, пока ты меня не ударишь, я не хочу!!! Доказательств никаких не было, но я взял и решил, что это ты сунул ту камеру… и хуже, я тебя ударил… По правде, меня бы за это даже наказать могли! Но ты ничего учителям не сказал. И теперь я просто не могу себя простить!!!

…Тогда и бей себя сам!

Мысленно вопя, Харуюки в поисках руки помощи кинул взгляд на Тиюри, потом на Такуму. Но они оба лишь улыбались во весь рот. Они искренне наслаждались происходящим.

…Столь резкий поворот в истории с «попыткой подглядывания», начавшейся с того, что на прошлой неделе в раздевалке женской душевой была обнаружена портативная видеокамера, произошел благодаря способностям Черноснежки.

Ее план, который она осуществила с таким искусством, что прямо напрашивалось прозвище «сетевая ведьма», был столь же прост, сколь и эффективен. Черноснежка нашла в школьном списке потерянного имущества видеокамеру и заменила указанную там информацию о производителе, модели и серийном номере на данные камеры, найденной в душевой.

Харуюки, естественно, спросил: а ничего, что она так делает? Но Черноснежка ответила просто: «Эта камера изначально никакого отношения к тебе не имела, а теперь тем более не имеет».

Поскольку даже серийный номер совпал, никаких сомнений

не оставалось: именно эта камера была потеряна два года назад. А Харуюки два года назад в школу Умесато еще не ходил. Так что все подозрения против него были мгновенно сняты, и, как только Сугено сообщил об этом на классном часе, Исио встал, подтащил Харуюки к кафедре – ну и получилось то, что получилось.

– Ну давай, ударь меня, пожалуйста!

Глядя на вновь выкрикнувшего это Исио, Харуюки мысленно пробормотал:

Тебе легко говорить, но тут вообще-то тоже Общественные камеры есть. Как будто я сейчас буду сам давать доказательства, что нарушаю школьные правила. И вообще, Сугено-сэнсэй, вам бы это следовало остановить! Почему вы на меня смотрите с таким странным лицом?!

Однако Исио явно был настроен не сдаваться, пока его не стукнут.

Проглотив вздох, Харуюки ответил шепотом:

– …Н-ну ладно, только в живот, а не по лицу.

Мысленно он добавил: *Если в туловище и под таким углом, камеры не поймают.*

Исио расплылся в улыбке, будто страшно довольный чем-то, потом выпрямился и заявил:

– Ладно, давай!

Тщательно прикидывая поле зрения камер, Харуюки сжал правую руку в кулак.

Неуклюжим движением он нанес удар. Его пухлый кулак врезался в тренированный пресс и отскочил.

На лице Исио появилось недовольное выражение, но тут же он снова улыбнулся, сказал: «Ты правда хороший парень», – и вернулся на свое место.

…И вовсе я не сдерживался, я же на самом деле всю силу вложил.

Хоть и чуточку расстроенный в глубине души, Харуюки облегченно вздохнул и тоже направился было к своей парте.

За его спиной раздался строгий голос Сугено.

– …Арита. Я тоже очень сильно извиняюсь. Пожалуйста, ударь сэнсэя тоже!

…Блин, оставьте меня в покое!!!

Тем не менее.

Харуюки по-прежнему не мог считать, что все разрешилось. Его ждала еще одна миссия – большая и очень тяжелая психологически.

Переговоры с Сейдзи Номи. Если Харуюки не удастся убедить его уничтожить видео с подглядыванием перед душевой, он не

сможет ходить в школу с легкой душой.

Как только началась большая перемена, Харуюки отправился на третий этаж, где находились кабинеты первоклассников.

Он стал ждать возле лестницы и через несколько минут увидел в компании, направляющейся в сторону рекреации, знакомую длинноватую прическу.

Сейдзи Номи шагал, беззаботно болтая с одноклассниками. Чем ближе он подходил, тем сильнее у Харуюки колотилось сердце и потели руки.

Три дня назад я с ним сражался, и мы выплеснули друг на друга всю нашу ненависть.

А потом я безжалостно отобрал у него «Brain Burst». Я полностью уничтожил его способность к ускорению, единственное, за что он цеплялся.

Пока в голове у Харуюки мелькали эти мысли, Номи все приближался. Его длинные, как у девчонки, ресницы моргнули, взгляд упал на стоящего в углу Харуюки –

И скользнул мимо.

– ?!.

У Харуюки перехватило дыхание. Он ожидал яростного взгляда или оскорблений, но игнор?

Хотя нет, это выглядело не так, как будто Номи его игнорировал.

Это было – как будто Номи его просто не знал. Как будто Харуюки для него – просто один из сотен человек, ходящих в ту же школу.

На автомате Харуюки сделал шаг вперед и обратился к Номи, который как раз проходил мимо него.

– Э, это!

Номи остановился, вновь глянул на Харуюки – и всего лишь озадаченно склонил голову набок.

– Эмм… ты Номи… кун, да?

– Угу. Какое-то дело ко мне?

Что это? Что с тобой случилось?

Не без труда проглотив смятение, Харуюки зашевелил непослушными губами.

– Это, я просто хотел… п-поговорить.

У Номи на лице вновь появилось сомневающееся выражение; потом он повернулся к своим приятелям и сказал, чтобы они шли в столовую без него.

Вновь посмотрел на Харуюки и –

– Что?

– Э… это…

Низкорослый первоклассник, стоящий перед Харуюки, просто

смотрел с естественным любопытством человека, к которому обращается незнакомый семпай. Никаких других эмоций на его красивом лице не было. Харуюки не думал, что он притворяется.

Может, это кто-то другой? Брат-близнец или типа того?

Пока эти мысли бегали у Харуюки в голове, он машинально назвался.

– Эмм, я Арита. Харуюки Арита, второй класс…

Тут брови Номи дернулись. Он нахмурился, будто пытаясь припомнить что-то.

– …Арита… семпай… А, да, точно. Ты играл со мной в онлайновую игру…

– …Это… да, но…

Странно. Что-то тут невероятно странное.

Глядя на застывшего Харуюки с таким видом, будто он еще усерднее роется в памяти, Сейдзи Номи –

Сказал.

– Эээ… эта игра… *Напомни, как она называлась?..*

Ужас, охвативший в этот момент Харуюки, был без преувеличения сильнейшим с того дня, когда он стал Бёрст-линкером. По спине побежали мурашки куда холоднее тех, что были, когда он сражался лицом к лицу с «Доспехом бедствия», Кром Дизастером, или когда Даск Тейкер забрал у него крылья.

У него стерта память!

Никак иначе этого не объяснить.

Каким-то образом у Сейдзи Номи оказалась стерта бОльшая часть воспоминаний, имеющих отношение к «Brain Burst».

Он ничего не помнил. Что он был «грабителем» по имени Даск Тейкер. Что между ним и компанией Харуюки была смертельная схватка. И даже – что существует ускоренный мир.

Видимо, Номи уловил что-то необычное в выражении лица Харуюки – он улыбнулся немного сконфуженно.

– А, может, ты пришел пригласить меня поиграть? Но… прости, меня сетевые игры больше не интересуют…

Харуюки молча сверлил взглядом младшеклассника, с извиняющимся видом глядящего на него.

Не дожидаясь, когда на лице Номи вновь появится озадаченная мина, Харуюки с трудом изогнул губы в улыбке.

– Пра… правда? Ну… тогда ладно. Это… и еще. Насчет видео со мной…

– Ээ, видео? Прошу прощения, какого видео?

– …Нет, прости, ничего.

Слегка покачав головой, Номи снова улыбнулся и быстро

поклонился.

– Это все? Тогда я пойду.

После чего мальчик, которого когда-то звали Даск Тейкером, развернулся, сбежал по лестнице и исчез из виду.

Харуюки, шатаясь, отступил на несколько шагов, прислонился потной спиной к стене коридора и зажмурился.

«Бывшие пользователи ускорения никак не могут вмешиваться в дела этого мира».

Теперь Харуюки в полной мере понимал значение этих слов, произнесенных таинственным аватаром по имени Блэк Вайс.

Бёрст-линкеры, потерявшие «Brain Burst», заодно теряют и все воспоминания, связанные с ускоренным миром. А значит, они ничего не могут сделать. Они даже не пытаются что-либо сделать.

Сейдзи Номи тоже наверняка знал правду – он ведь вынудил собственного Родителя, старшего брата в реальной жизни, пройти через насильственную деинсталляцию программы. Да, он понял это в тот момент, когда его аватар начал растворяться в арене «Лунная ночь». Он понял, что его память стирается. Что сейчас, все еще осознавая себя, он уже становится «бывшим Бёрст-линкером».

– Это… это просто…

Харуюки невнятно бормотал, стоя с бледным лицом перед кабинетами первоклассников, и проходящие мимо ученики смотрели на него озадаченно.

После уроков.

Сидя за привычным столиком в рекреации, Харуюки рассказал все, что узнал, Такуму и Черноснежке. Никого из учеников поблизости не было.

Даже когда он объяснял, ему по-прежнему было страшно и жутко. Он боялся, что «Brain Burst», который, вполне возможно, отслеживает его речь, сотрет и его, Харуюки, воспоминания, как только обнаружит слова вроде «деинсталл», «память», «стирать».

Поэтому он сначала заставил всех снять нейролинкеры, а уже потом затараторил.

Даже после окончания рассказа двое его слушателей какое-то время молчали.

После целых тридцати секунд тишины Черноснежка взяла со стола свою чашку черного чая и, промочив губы, шепотом сказала:

– …Наверняка вы оба всегда удивлялись. Почему существование ускоренного мира целых семь лет остается тайной.

– …Ага, – кивнул Харуюки. – Я бы точно, если бы потерял «Брэйн Бёрст», был в таком раздрае, что наверняка бы все

выложил в сеть или в СМИ, чтобы забрать с собой и остальной ускоренный мир…

– Эй, эй, это мои слова, – Черноснежка смущенно улыбнулась, поставила чашку обратно и продолжила: – Но, в общем… Всегда есть те, кто так думает… и те, кто вполне способен так поступить. Было много предположений, почему так не происходит. Потому что ребенку не поверят без доказательств, что бы он там ни говорил журналистам. Потому что во все сети внедрена система, уничтожающая всю информацию о «Брэйн Бёрсте». И была еще одна гипотеза… я ее слышала на уровне слухов.

Ее черные глаза прищурились. Голос зазвучал еще тише.

– …Что «Брэйн Бёрст», когда стирается, забирает с собой все воспоминания о нем. Но… я в это не могла поверить, пока не увижу собственными глазами. Нет, я не хотела в это верить. Но надо же, оказывается, это и есть… правда.

Снова повисло молчание.

Такуму, у которого сейчас был перерыв в занятиях секции и который поэтому был в кендоистской униформе, сдавленно спросил:

– Но, командир. Такое вообще возможно? Чтобы… одно приложение стирало память пользователя… вообще человеческую память…

– …Теоретически это возможно, по крайней мере я так слышала, – ответила Черноснежка, глядя на три лежащих на столе приборчика. – Нейролинкер, строго говоря, общается с мозгом не как с биологическим органом.

– Ээ… т-тогда как он с ним общается?..

Черноснежка перевела взгляд на нахмурившего брови Харуюки, ее черные как ночь зрачки посмотрели прямо ему в глаза.

– Я сама не очень это понимаю, но. В наших мозговых клетках есть так называемые микротрубочки, и в них заключены кванты света, которые и формируют сознание человека. Нейролинкер считывает и перезаписывает данные, хранящиеся в виде спина и вектора этих квантов. На этом уровне что сенсорная информация, что память – просто разновидности данных.

– …То есть нейролинкер считывает и перезаписывает нашу память точно так же, как он позволяет нам видеть и трогать виртуальный мир… так, что ли? – почти простонал Харуюки.

Черноснежка решительно покачала головой.

– Это только гипотеза. Кроме того, даже если это теоретически возможно, я просто не могу поверить, что такая функция внедрена в нейролинкер, коммерческое устройство. …Не могу поверить, но…

…Но Сейдзи Номи действительно потерял память.

Никто не произнес этого вслух, однако наверняка все трое одновременно подумали так.

После еще одной долгой паузы Черноснежка решительно произнесла:

– Дальше об этом рассуждать бессмысленно. Если мы хотим узнать ответ, нам остается только добраться до десятого уровня и спросить у создателя «Брэйн Бёрста».

– …Это да. Это ведь наша цель с самого начала… – кивнул Харуюки, потом робко спросил у Такуму: – …Да, а как сейчас Номи?..

– Теперь он в секции просто обычный первоклассник. Как будто из него весь злой дух вышел… я лучше не могу описать. Хотя до сих пор он тоже внешне был веселый и общительный, так что, думаю, кроме нас, никто разницы не заметит…

Такуму помолчал, потом хрипловато добавил:

– Хару, вот думаю и не могу понять. Мы и Номи – кто нормальный, а кто нет?..

– Ответ уже известен. Ненормальные – это мы.

Эти резкие слова принадлежали Черноснежке.

Потом она откинулась на спинку стула и изящно закинула ногу на ногу – само воплощение достоинства.

Черный король взглянула по очереди на двух своих подданных и с бесстрашной улыбкой добавила:

– Однако этот путь мы выбрали сами. Не так ли?

Такуму моргнул и тоже чуть улыбнулся.

– Абсолютно верно, командир. Ой, мне пора идти. Ээ… насчет передачи этого разговора Ти-тян…

– Ага. Пока что не будем ей об этом говорить.

Кивнув, Такуму встал, взял со стола свой синий нейролинкер и быстрым шагом вышел; его черные хакама[25] колыхались.

Когда он исчез из виду, Черноснежка, пристально глядя Харуюки в лицо, тихо прошептала:

– И еще… Даже если я потеряю «Брэйн Бёрст» и все мои воспоминания об ускоренном мире исчезнут… тебя я не забуду. Ни за что не забуду.

Чувствуя, как что-то вгрызается ему в грудь, Харуюки честно ответил:

– Да. И я тоже… я тоже. Тебя я не забуду, семпай.

– Да, я верю.

Черноснежка улыбнулась, кивнула и сказала:

– Ну что, теперь можем считать, что вся эта история наконец закончилась?

В ответ Харуюки, чуть поколебавшись, медленно покачал

головой.

– Нет… осталось одно обещание, которое я должен выполнить.

– Хоо, какое же?

Сидя перед склонившей голову набок Черноснежкой.

Харуюки глубоко поклонился и сказал:

– …У меня к тебе большая просьба. Пожалуйста, давай вместе встретимся с человеком, который одолжил мне свои крылья… со Скай Рейкер.

Пять вечера.

Харуюки и Черноснежка вышли из ворот средней школы Умесато вместе.

Они в молчании прошли по Новому проспекту Оме, потом свернули на север. Узкой улицей направились к станции Коэндзи.

Черноснежка, долго не решаясь, все же отправила мэйл, и через десять минут пришел ответ всего из двух строк текста – там были указаны место и время встречи.

Чтобы попасть в назначенное место – на Южную террасу у южного выхода станции Синдзюку, – Харуюки и Черноснежка сели на поезд линии Тюо.

Все это время Черноснежка не произносила ни слова. Харуюки ни малейшего понятия не имел, какие мысли метались в ее голове.

Снова обретя способность к полету, он теперь должен был вернуть «Ураганный двигун» Скай Рейкер. Он ей это обещал.

Однако Харуюки по глупости забыл спросить ее координаты в реальном мире. Поэтому он обратился к Черноснежке, которая, скорее всего, знала мэйл, по которому со Скай Рейкер можно связаться.

Строго говоря, был другой способ: еще раз спросить Ребенка Скай Рейкер, Эш Роллера. Однако Харуюки набрался наглости обратиться к Черноснежке. Более того, он сказал ей нечто еще более неразумное – предложил ей вдвоем отправиться на место встречи.

Харуюки не знал, правильно он поступает или нет.

Однако в его памяти крепко отпечаталось выражение лица Скай Рейкер, которое мелькнуло у нее тем утром, когда она передала Харуюки «Усиленное вооружение».

«Я из-за собственной глупости лишилась дружбы».

Так сказала Харуюки отшельница ускоренного мира.

Возможно, Харуюки, абсолютно ничего не знающий о том, что произошло между ней и Черноснежкой, не имел права ни говорить, ни делать что-либо.

Но, подумал он. Даже если та дружба действительно была утрачена, почему она не может возобновиться снова? В конце концов, они обе по-прежнему помнят друг друга. Свои общие воспоминания, свои бессчетные дуэли они хранят глубоко в памяти.

Да – эти воспоминания наверняка по-прежнему связывают их.

Когда поезд мягко скользнул вдоль платформы, Харуюки с Черноснежкой вышли вместе с толпой пассажиров, поднялись на лифте и покинули станцию через южный выход.

Южная терраса Синдзюку представляла собой торговый центр в форме громадной пирамиды. Просочившись через толпу покупателей, Харуюки и Черноснежка взошли на центральный эскалатор.

Черноснежка по-прежнему не произносила ни слова.

Несмотря на то, что у Харуюки постоянно крутилось в голове «может, мне надо что-нибудь сказать, да, надо что-нибудь сказать», он тоже молчал.

По длиннющему эскалатору они поднимались между яркими рекламными панелями и наконец добрались до самой вершины пирамиды.

Верхний этаж представлял собой открытую террасу, расположенную в ста метрах над землей. Конечно, с окружающими небоскребами это не шло ни в какое сравнение, но все равно отсюда открывался классный вид на станцию Синдзюку, на дикое количество железнодорожных путей и на поезда, торопящиеся во всех направлениях. В вечерний час было довольно холодно, и на продуваемой ветром площадке народу было очень мало.

Харуюки с Черноснежкой прошли до северного угла ограждения. Стоя бок о бок и глядя на вечерний город, они ждали назначенного времени.

5.30.

Ушей Харуюки коснулось тихое цоканье приближающихся сзади шагов.

Он сделал глубокий вдох – и развернулся. Черноснежка тоже, с маленькой задержкой.

На фоне красно-фиолетовых облаков стояла и улыбалась *она*.

Мягкие длинные волосы колыхались на ветру. Юбка школьной формы тоже билась, и девушка придерживала ее белой рукой.

Ноги в чулках выше колен сделали еще шаг вперед, и –

Отшельница, живущая на старой Токийской телебашне, член предыдущего «Нега Небьюлас», Скай Рейкер обратилась сперва к Харуюки.

– Добрый вечер, Ворон-сан.

Потом перевела взгляд на стоящую рядом с ним Черноснежку. Ее улыбка стала чуть-чуть другой, и она произнесла:

– …Добрый вечер, Лотус.

Харуюки, грудь которого распирали чувства, мог лишь молча опустить голову. Однако Черноснежка улыбнулась точно такой же улыбкой, как Скай Рейкер, и ответила:

– Сколько лет, сколько зим, Рейкер.

– …Да, давно не виделись. В реальном мире два года уже. В ускоренном… даже не знаю, сколько.

– Да уж.

Они одновременно коротко рассмеялись, но ближе друг к дружке не подходили.

Харуюки стиснул зубы и, сделав несколько шагов вперед, глубоко поклонился.

– Это… Рейкер-сан. Я хочу вернуть тебе… твои крылья.

Скай Рейкер кивнула с доброй улыбкой.

– Значит, ты получил их обратно. Твои серебряные крылья… нет, твою надежду.

– Да. Все благодаря тебе.

Харуюки достал из кармана заранее приготовленный XSB-кабель, вставил один из двух штекеров в свой нейролинкер и протянул девушке второй.

Скай Рейкер взяла его и воткнула в свой нейролинкер без колебаний.

Обратная передача «Усиленного вооружения» через Прямое соединение прошла очень быстро и вовсе без слов. Окно запроса на передачу – принято – окно предложения ничьей – принято – и затем бёрст-аут.

В следующий миг они вернулись в реальный мир, и «Ураганный двигун» был уже у прежней владелицы. Отсоединив кабель и передав его Харуюки, Скай Рейкер снова улыбнулась.

– Получила… Ну ладно, я тогда пошла.

Взглянула на Черноснежку – и легонько поклонилась.

Под аккомпанемент тихого гудения сервомоторчиков она отступила на шаг, потом еще на шаг, потом ее губы шевельнулись.

– …Ворон-сан. Я уверена, ты сумеешь подняться до высоты, до которой не сумела подняться я. Я буду болеть за тебя… Удачи.

Она снова улыбнулась и, подмигнув, развернулась. И пошла прочь твердыми шагами.

Но Харуюки четко видел.

Крохотные искорки света, падающие с моргающих глаз и

оставляющие за собой серебряные следы.

Закинув сумку за спину, Скай Рейкер уходила все дальше.

Ее спина на фоне вечернего неба постепенно превращалась просто в силуэт.

Внезапно Черноснежка, до этого момента молчавшая, зашагала вперед на нетвердых ногах.

Но тут же остановилась чуть впереди от Харуюки и сжала кулаки, словно терпя боль.

Семпай.

…Семпай!!!

Харуюки безмолвно кричал.

Пожалуйста, Черноснежка-семпай. Она же ждет твоих слов. Она ждет твоей руки. Давай же, пожалуйста…

Давай же!

Харуюки собрал всю свою силу инкарнации и, не двигая руками, подтолкнул стоящую прямо перед ним Черноснежку в спину.

В следующий миг.

Черноснежка пробежала еще несколько шагов.

И деревянным голосом выкрикнула:

– Рейкер!!!

Удаляющаяся спина задрожала и остановилась. Черноснежка втянула воздух с такой силой, что у нее плечи задрожали, и закричала:

– …Вернись, Фуко! Ты нужна мне!!!

Едва услышав эти слова, Скай Рейкер низко опустила голову.

Ее левая нога снова шагнула вперед –

Точнее, попыталась, но тут же замерла. Как будто процессор, управляющий ее искусственными ногами, отказался слушаться приказа своей хозяйки. Как будто он слушался лишь истинных чувств, льющихся из глубины ее души.

Понемногу, по чуть-чуть нога двигалась назад.

Скай Рейкер медленно, очень медленно развернулась.

Ее губы шевельнулись и испустили еле слышный голос.

– …Сат-тян.

И потом – безмолвный вопрос.

«Можно?»

Черноснежка энергично кивнула и вновь позвала:

– …Фуко.

И тут же две девушки помчались друг другу навстречу.

Одновременно они отбросили сумки. Несясь вперед чуть быстрее, чем Черноснежка, Скай Рейкер раскрыла объятия, чтобы поймать ее.

Прижала к груди девушку с длинными – чуть короче, чем у

нее самой, – черными волосами. И лицо Фуко исказилось.

Крупные слезы побежали по щекам.

– У… уаааан…

Словно она сдерживала их с того самого момента, когда появилась на этой террасе…

Нет – с того самого времени, когда она начала жить отшельницей на вершине старой Токийской телебашни. Скай Рейкер зарылась лицом в волосы Черноснежки и выпустила свои чувства наружу.

– Аааан… Уаааааааан!

Всхлипы неподвижно стоящей Черноснежки, вплетенные в этот плач, тоже достигли ушей Харуюки.

Не в силах больше смотреть на эту столь прекрасную и столь драгоценную картину, Харуюки задрал голову, чтобы слезы не текли.

Посреди неба, меняющего цвет с синего на багровый, серебряно сверкал самолет, пробивающий тонкие белые облака, чтобы подняться еще выше.

Послесловие автора

Я Рэки Кавахара. Спасибо, что выбрали мою первую в этом году книгу.

Подумать только, уже 2010… Я просто поражаюсь, как быстро летит время. Когда я был маленьким, такие штуки, как карты памяти SD, BD-диски и мобильные телефоны с сенсорными панелями, были чем-то из разряда научной фантастики, а сейчас это совершенно обычные вещи. Кстати, первый HDD, который я купил, имел емкость в 20 мегабайт, а этой весной, похоже, появятся SD-карточки на 64 гигабайта…

Мне кажется, что вскоре я уже просто не смогу угнаться за техническим прогрессом; но раз пока что на появление VR-устройств Полного погружения нет даже намека, я буду стараться изо всех сил! По крайней мере так я решил. Моя мечта – к старости подсесть на сетевые игры, и я надеюсь тогда работать вместе с вами. (Это я обращаюсь ко всем фирмам-производителям.)

Теперь традиционный уголок извинений.

Прошу прощения, что предыдущий том, «Сумеречный вор», закончился таким резким поворотом!

Основная причина, почему я так его закончил, – «потому что это не просто концовка»; но я бы не соврал, если бы сказал, что у меня была еще одна цель, пусть мелкая.

Уже очень долгое время меня смутно раздражают «книжные страницы». Когда вы читаете и перелистываете их, оставшаяся часть книги очень быстро становится все тоньше и тоньше, и это неизбежно дает вам информацию «Когда я еще вот столько прочту, то доберусь до конца». Если сравнить с фильмами – это все равно что если бы в нижнем правом углу экрана постоянно отображалось оставшееся время! …Видимо, меня цепляет столь естественная вещь, потому что сам я всегда читал и писал онлайновые романы. Потому что ощущения моего тела физически не дают мне почувствовать, что это вот рано или поздно кончится! (lol)

Как бы там ни было, чтобы избавиться от такого рода спойлеров в бумажных книгах, думаю, надо как минимум по мере приближения к концу тома «писать все более и более мелким шрифтом» или «делать бумагу все тоньше и тоньше»; но, подозреваю, даже если я предложу это редактору-сану, он, вероятнее всего, с улыбкой скажет «невозможно», и на этом все закончится; поэтому следующий по очереди и более

реалистичный прием – «не закончить».

Скорее всего, те, кто прочел третий том, ни о чем не подозревая, были очень удивлены и рассержены («Какого черта!»), когда добрались до последней страницы. В таком случае моя цель достигнута. Конечно, выпускать двухтомную арку, заранее не объявляя об этом, – своего рода предательство, поэтому я изо всех сил извиняюсь. Простите меня! Пожалуйста! Наверное, я так больше не буду!

Дописав до этого места, я понял, что мое послесловие в любом случае не влезет в традиционные две страницы. Поэтому я нахально продолжу уголок извинений.

В этом томе появилась фраза «человеческое сознание создают кванты света в "микротрубочках" мозга»; однако это полностью писательский вымысел, слова для которого я позаимствовал из «квантовой теории сознания» (такая реально существует). Настоящая квантовая теория сознания совершенно другая, и понимать ее безмерно тяжело, во всяком случае, я совершенно ничего не понял. Если вам интересно – некто Роджер Пенроуз написал книжку на этот счет, можете ее прочесть. А потом, пожалуйста, в упрощенном виде расскажите мне по секрету, про что там (lol).

И еще одно… В этом томе появился новый женский персонаж, но вы все уже смирились с тем, что такое постоянно происходит, правда? Правда? Я тоже уже смирился, как, думаю, и Черноснежка…

Вновь, как и в прошлые разы, я в большом долгу перед иллюстратором ХИМА-сан, которой к каждому тому приходится создавать дизайн нового женского персонажа! Кроме того, я вновь доставил неприятности своему редактору Мики-сану, задержавшись с подачей рукописи… Во время нашей с ним недавней встречи Мики-сан был аккуратно подстрижен; я сказал ему: «О, вы подстриглись»; а он дрожащим голосом ответил: «Потому что пришло время стричься», – и я был тронут до слез. С нетерпением жду продолжения нашего сотрудничества и в этом году. (Хотя с этим послесловием я тоже задержался уже на десять минут…)

И наконец – надеюсь, что все, кто читал мои книги в прошлом году, останутся со мной и в этом!

Путь для каждого из вас 2010 год станет лучше, чем предыдущий.

15 декабря 2009, Рэки Кавахара.

notes

1

Time up – (англ.) «время вышло». *Здесь и далее – прим. Ushwood.*

2

Command, dive call, number Zero-One – (англ.) «Команда, вызов в погружении, номер 01».

3

«Камеари» – сочетание слов «камера» и «Арита», «Папаюки» – соответственно, «папарацци» и «Харуюки».

4

Во 2 томе у нее глаза карие с красноватым отливом. Оба фрагмента переведены с оригинала верно.

5

Татами – соломенные маты, которыми в Японии традиционно застилают полы домов. Татами же служит единицей измерения площади комнат (даже тех, где собственно татами нет). Размер татами регламентирован: 90x180 см. Соответственно, комната в шесть татами имеет площадь 9.72 м2.

6

Overray – (англ.) дословно «сверхлуч». У автора используется это английское слово в сочетании с кандзи, переводящимися как «избыточный свет».

7

Blood – (англ.) «кровь». Второе слово – искаженное «леопард».

8

NP – сокращение от «No Problem» (нет проблем).

9

В Японии разрешающий сигнал светофора голубой, а не зеленый.

10

Today’s battle – (англ.) «сегодняшнее сражение».

11

Frost horn – (англ.) «морозный рог». Slate bolt – «аспидный болт» (или стрела, или молния) (аспидный цвет – синевато-серый). Lv – сокращение от level (уровень).

12

Battleground – (англ.) дословно «площадка для сражений». Арена, в общем.

13

Matchmaker – (англ.) «организатор матчей».

14

Здесь и далее Матчмейкер обращается к ней не по английскому нику «Лепард», а по-японски «хё», «леопард».

15

Rust jigsaw – (англ.) «ржавый лобзик».

16

Wheel saw – (англ.) «кольцевая пила».

Still saw – (англ.) «неподвижная пила».

Shape change – (англ.) «смена формы/облика».

19

GJ – сокращение от «Good Job» – (англ.) «хорошая работа».

You win – (англ.) «вы победили».

21

GG – сокращение от «Good Game» – (англ.) «хорошая игра».

Black vise – (англ.) «черные тиски» (или «зажим»).

23

Ханэда – токийский аэропорт (один из двух).

24

В оригинале: «выгнув брови восьмеркой». Цифра 8 по-японски пишется вот таким кандзи: 八.

25

Хакама – длинные широкие штаны наподобие шаровар, элемент одежды спортсмена в кендо и некоторых других восточных боевых искусствах.